

Татьяна Соломатина

Радом,

или

поздняя
беременность

КААРЫ
27-37

Татьяна Юрьевна Соломатина

Роддом, или Поздняя

беременность. Кадры 27-37

Серия «Роддом», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5822577
Роддом. Сериал. Кадры 27-37: АСТ; М.:; 2013
ISBN 978-5-17-078736-4

Аннотация

Идея «сериала» на бумаге пришла после того, как в течение года я ходила по различным студиям, продюсерским центрам и прочим подобным конторам. По их, разумеется, приглашению. Вальяжные мужички предлагали мне продать им права на экранизацию моих романов в околomedicalном интерьере. Они были «готовы не поскупиться и уплатить за весь гарнитур рублей двадцать». Хотя активов, если судить по персональному прикиду и мебелировке офисов у них было явно больше, чем у приснопамятного отца Фёдора. Я же чувствовала себя тем самым инженером Брунсом, никак не могущим взять в толк: зачем?! Если «не корысти ради, а токмо...» дабы меня, сирую, облагодетельствовать (по их словам), то отчего же собирательная фигура

вальяжных мужичков бесконечно «мелькает во всех концах дачи»? Позже в одном из крутящихся по ТВ сериалов «в интерьере» я обнаружила нисколько не изменённые куски из «Акушер-ХА!» (и не только). Затем меня пригласили поработать в качестве сценариста над проектом, не имеющим ко мне, писателю, никакого отношения. Умножив один на один, я, получив отнюдь не два, поняла, что вполне потяну «контент» «мыльной оперы»... одна. В виде серии книг. И как только я за это взялась, в моей жизни появился продюсер. Появилась. Женщина. Всё-таки не зря я сделала главной героиней сериала именно женщину. Татьяну Георгиевну Мальцеву. Сильную. Умную. Взрослую. Независимую. Правда, сейчас, в «третьем сезоне», ей совсем не сладко, но плечо-то у одной из половых хромосом не обломано. И, значит, всё получится! И с новым назначением, и с поздней беременностью и... с воплощением в достойный образ на экране!

Автор

Содержание

Кадр двадцать седьмой	5
Кадр двадцать восьмой	81
Кадр двадцать девятый	109
Кадр тридцатый	157
Кадр тридцать первый	199
Кадр тридцать второй	245
Кадр тридцать третий	275
Кадр тридцать четвёртый	357
Кадр тридцать пятый	411
Кадр тридцать шестой	432
Кадр тридцать седьмой	448
2	468

Татьяна Соломатина

Роддом, или Поздняя беременность.

Кадры 27-37

Кадр двадцать седьмой «А кто мы теперь?»

После формального стука в кабинет легко протиснулся Родин – новый заведующий отделением патологии.

– Госпитализацию к себе подпишете, Татьяна Георгиевна?

Мальцева оторвалась от вечной писанины и помахала рукой, мол, давайте сюда свою бумажку. Родин положил перед ней обменную карту.

– Разумеется, Сергей Станиславович. Показания к обсервации?

– Все семейные родзалы физиологии заняты. Хотя я мог бы сказать «кольпит».

Татьяна Георгиевна пристально глянула на жизне-радостного рыжего заведующего, на чьем лице было

такое забавное выражение, что она не могла не рассмеяться.

– Ох, слава богу! – выдохнул Родин. – Я уж полагал, что вы будете меня отчитывать, грозить пальчиком и всё такое.

– Нас всех давным-давно пора высечь за хроническое персистирующее нарушение санитарно-эпидемиологического режима. Нарушаемого, заметьте, в исключительно одностороннем порядке. Захоти я положить женщину с цветущим, не мифическим кольпитом в физиологическое родильное отделение, заведующий покажет мне большую фигуру – и будет прав.

– Нет вообще в природе никаких кольпитов! А семейные родзалы – это сильно отдельная песня, нарушающая здравый смысл!

Заведующая обсервацией удивлённо подняла брови.

– В конкретном случае, я имею в виду, – кивнул Родин на лежащую перед Мальцевой бумагу.

– Нет никаких кольпитов? – риторически-ехидно спросила Татьяна Георгиевна, пробегая глазами обменную карту, на которой уже поставила свою размашистую подпись. – Расскажите это той даме, у которой влагалище разъехалось до сводов под головкой пло... Какой тут, к чертям, может быть семейный родзал?! – оборвалась она на полуслове и несколько

ошарашено уставилась на коллегу.

– Клиент всегда прав, – равнодушно пожал Сергей Станиславович плечами.

– Я бы на вашем месте...

– Именно это я и делал на своём месте. Уговаривал все десять лунных месяцев. Точнее – дольше. С самого начала процедуры.

– И?..

– И, видимо, не всех больных война убила.

Оба заведующих снова молча поиграли в гляделки.

– Я её сегодня госпитализирую – и уже ночью придумаю срочные показания к кесареву сечению. Сниму кардиотокограмму у прикроватной тумбочки, выслушаю стетоскопом сердцебиение пеленального столика и...

– И откажите им!

– Не могу. Я, Татьяна Георгиевна, это начал, мне это и... Я же немножечко репродуктолог.

– Не скромничайте. Насчёт «немножечко». Я уже детально ознакомилась с вашим анамнезом. Рабочим, – поспешно добавила Мальцева.

– Ах, Татьяна Георгиевна! – рассмеялся Родин. – Хочешь не хочешь, нас насильно знакомят с анамнезами друг друга. Анамнезами, состоящими в основном из слухов, собранных добрыми самаритянами.

– Ладно. Госпитализацию я вам подписала – вам и...

– И не говорите, что вы не останетесь тут, чтобы проконтролировать, как я под покровом ночи творю добро во вверенном вам отделении.

– В вашей профессиональной компетенции, Сергей Станиславович, я нисколько не сомневаюсь. Иначе бы Семён Ильич не выторговал бы вас к нам. Или – среди прочих слухов – вам уже успели доложить, что я – диктатор, не вылезаящий с работы по причине полного отсутствия личной жизни?

– О, вот уж на что не жаловались сборщики и разносчики слухов – так это на отсутствие у вас личной жизни! – обезоруживающе улыбнулся обаятельный рыжий толстяк.

– Ну, про вас, знаете ли, тоже...

– Я вам сам всё расскажу во время наших бдений. Обещаю, уж что-что – а скучно нам сегодня ночью не будет!

С этими словами Родин подхватил со стола подписанную Мальцевой обменную карту и, подмигнув, элегантно выкатился из кабинета.

Сказать по правде, жизнь Мальцевой Татьяны Георгиевны, заведующей наблюдационного отделения родильного дома, входящего в состав многопрофильной больницы, действительно состояла в основном из

работы, работы и работы. Не то чтобы на всё остальное не хватало времени, просто... Просто не было должного «всего остального» среди прочего остального всего. Мужа у неё не было. Детей – тоже. В её постоянных официальных любовниках числился заместитель главного врача по акушерству и гинекологии этой самой больницы. И не только числился, но и на самом деле являлся. Причём с тех стародавних пор, когда ещё никаким начмедом он и не был. Недавно Семён Ильич Панин даже сделал ей очередное предложение руки и сердца, несмотря на наличие жены, троих детей и несколько недель назад родившейся внучки.¹ Сделал он его весьма забавным способом при весьма неоднозначных обстоятельствах. Впрочем, совсем недавно Татьяна Георгиевна получила ещё одно предложение руки и сердца – от двадцатипятилетнего юнца. Что в её далеко не самом молодом уже возрасте и вовсе смешно. Нет, конечно, Мадонна может себе позволить всё молодеющих парней, становящихся всё смуглее и смуглее, но... Но Татьяна Георгиевна – не Мадонна. Пожалуй, она выйдет замуж за Ивана Спиридоновича Волкова. Не Мадонна, разумеется, а Татьяна Георгиевна Мальце-

¹ История отношений Татьяны Георгиевны Мальцевой и Семёна Ильича Панина описана в книгах «Роддом. Сериал. Кадры 1-13» и «Роддом. Сериал. Кадры 14—26».

ва. Где Мадонна, а где владелец ООО «Мандала»? Иван Спиридонович – вдовец, мужчина приятной наружности, мягко сказать – не беден. И значит, весьма неглуп. Хотя как может неглупый человек назвать что-то там, связанное с цветными металлами, «Мандалой»? А как может весьма, казалось бы, неглупая баба за сорок переспать с двадцатипятилетним мальчишкой?

– С четвертьвековым мужчиной! – назидательно резюмировала Марго, вошедшая в кабинет безо всякого стука и по-хозяйски шлёпнувшись на койку заведующей.

– Что?! – удивлённо уставилась Татьяна Георгиевна на свою старую подругу, Маргариту Андреевну Шрамко, старшую акушерку этого самого наблюдационного отделения.

– Да у тебя на морде написано: «Как я могла переспать с двадцатипятилетним мальчишкой?!» Вот я тебе и говорю, что он не двадцатипятилетний мальчишка, а четвертьвековой мужчина.

– Делать мне больше нечего, как об этом думать! – покраснела Татьяна Георгиевна и уткнулась в бумаги. – У тебя ко мне дело или так? – уточнила она, не поднимая голову.

– Не волнуйся. Кроме меня, твои мысли никто читать не умеет. Даже Сёма. Мужики вообще мысли чи-

тать не умеют. А женщины – умеют. Отсюда и вечные проблемы.

– Маргарита Андреевна, я очень занята. Если тебе захотелось поразмышлять о психологии взаимоотношений полов, то давай отложим.

– Дело, дело. Я решила твой кабинет переоборудовать. Ты видела, какие кабинеты у других заведующих? Я уже не говорю о начмеде или – тьфу-тьфу-тьфу! – главном враче нашей больнички! – Маргоша, трижды поплевав через левое плечо, размашисто перекрестилась на репродукцию рисунка Леонардо да Винчи «Плод во чреве матери». – И эту гадость снимем наконец-то!

– Это не гадость, это – анатомический рисунок Леонардо. И, некоторым образом, мой талисман. О чём ты, разумеется, знаешь.

– На неё беременные жалуются.

– На «неё» – это на рисунок?

– На неё – это на репродукцию! – язвительно отфутболила Маргарита Андреевна. – Или это подлинник – и тогда ты срочно должна всё бросить и купить себе гражданство державы поприличнее. Такой, где ремонт не старшая акушерка делает!

– Нечего почём зря по кабинетам заведующих шляться, раз такие чувствительные, – огрызнулась Татьяна Георгиевна.

– Вот, да, к слову о кабинетах. Не по рангу тебе этот аскетизм. Как себя подашь, так и поедешь!

– А чего такого-то?

Татьяна Георгиевна внимательно осмотрела свой кабинет, к которому давным-давно привыкла. Вешалка слева от входа. Умывальник. Холодильник, где хранились в основном растворы, а сейчас стояли ещё и флакон лиофилизированной плазмы, два йогурта и початая бутылка водки. За холодильником была «припрятана» самая обыкновенная панцирная больничная койка. Дальше – окно. Под окном – письменный стол, далеко не из самых новых. Стулья – собственно её, и, с другой стороны стола, приставной – для посетителя. Старенькая стенка, набитая книгами. И со встроенным шкафом – для её личной одежды... И всё. Дверь.

– Вот именно, что ничего такого! Те же беременные, роженицы и родильницы фыркают, что у заведующей кабинет, как у замарашки.

– Радоваться должны целевому расходованию средств! Это не просто аскетизм, это – осмысленный аскетизм!

– Люди – вообще очень противоречивые создания. Женщины – особенно! – подала ехидную реплику Марго. – Короче, я устраиваю ремонт в твоём кабинете. Главная медсестра больницы уже смету под-

писала.

– А откуда деньги?

– Панин выделил.

– Откуда он их выпилил?!

– Не моя забота. Моя забота – моя заведующая. Кабинет которой похож на мечту бомжа с Курского вокзала.

– Почему именно с Курского? – почти идиотически вымолвила в пространство Мальцева. И, не дождав-шись от подруги ответа, беспомощно проямлила: – А где я работать буду?

– Перетопчешься! – отчеканила Маргарита Андреевна.

– Тогда я займу твой кабинет!

– Мой нельзя. Я – лицо материально ответственное. У меня там медикаменты, наркотики, бельё... Ординаторской и дежуркой обойдёшься. Днём – в ординаторской. Ночью – в дежурке.

– В дежурке спит дежурный врач.

– Значит, чаще домой будешь уходить. А не будешь – в ординаторской диванчик есть.

– На диванчике в ординаторской спит дежурный интерн.

– Интернам вообще спать на дежурстве не положено! Ну или будешь делить диванчик с интерном, – расхохоталась Марго ляпнутой двусмысленности как

невесть какой остроты шутке.

– Фу! – подскочила Татьяна Георгиевна и скривила лицо. – Кофе будешь? – тут же ласково обратилась она к подруге. – Я тебе кофе сварю, а с ремонтом мы подождём, а? – чуть не заискивающе пролепетала она.

– А то, что у тебя кофеварка на подоконнике стоит – вообще ни в какие ворота не лезет! Короче, с завтрашнего дня у тебя в кабинете ремонт! Точка! Кофе буду...

Мальцева вздохнула, засыпала кофе в фильтр, налила воды и включила кофеварку. Та забулькала с кряхтением и фырканием.

– Её же, вроде, починили, – Маргарита Андреевна посмотрела на агрегат с сомнением.

– Починили.

– А что же у неё такая... эмфизема лёгких?

– Не знаю. Я в кофеварках не разбираюсь! – недовольно ответила Татьяна Георгиевна.

– Нечего злиться. Новую тебе купим. После ремонта.

– Как будто более насущных нужд нет, чем мой кабинет.

– Есть. Всегда есть более насущные нужды, чем... Нужно вставить. Тема закрыта. Ремонт твоего кабинета не обсуждается. Я просто поставила тебя в из-

вестность.

– Господи, в собственном отделении не хозяйка...

– Ты – не хозяйка, ты – начальник! – загоготала Маргоша. – А хозяйка в отделении – я!

– Только бога ради, ничего тут не делай, не посоветовавшись со мной. Не то знаю я твой стиль. Розовый диванчик, натяжные малиновые потолки и обои цвета сбесившейся фуксии!

– Ага. А тебе только дай волю – всё закатаем в серенькое такое, бежевенькое такое, бесцветненькое такое.

– Маргарита Андреевна, у тебя совершенно нет вкуса!

– Это у меня нет вкуса?! Да я...

На столе у Татьяны Георгиевны затрезвонил внутренний телефон.

– Да? Иду.

Мальцева положила трубку и направилась к выходу.

– Чтобы никаких пластмассовых цветочков в стиле «уездный бордель»! А пропадёт мой постер – убью! – строго сказала она подруге, обернувшись уже на пороге.

– Через полчаса – подвальный перекур! – выкрикнула Маргарита Андреевна вслед удалившейся заведующей.

Кофеварка издала предсмертный агонизирующий хрип. Старшая акушерка отделения налила себе кофе в чашку Татьяны Георгиевны. После чего уселась на её место, оживила экран ноутбука и углубилась в изучение сайтов с дизайнами интерьеров. В сменяющихся окнах преобладали зеркальные, изуродованные пескоструйными орхидеями встроенные шкафы, вычурные письменные столы – мечта вышедших на пенсию барби, изогнутые психоделическими кренделями стулья и пошлых фасонов диванчики колеру «вырви глаз».

Весь день присесть было некогда, потому в кабинете нужды не было. Татьяна Георгиевна упорно отгоняла тему ремонта на окраины сознания, понимая, что уж если Марго что решила, то это невозможно отменить. Можно только пережить. Ну или не пережить. Всё зависит от физической подготовки и состояния душевного здоровья. Впрочем, и не такое переживали. Всё, что крадёт у человека не слишком необходимый ремонт или, к примеру, совсем не нужные отношения, – всего лишь время. То есть – единственно значимую для человека ценность. Рождение, ремонт, отношения, следующий ремонт, ещё одни отношения, ремонт в виде переезда, отношения в виде вступления в брак и деторождения, и – после череды ремонтов и отношений – смерть. Надо просто философски

относиться к вопросу. Как там у О'Генри? Или, как положено нынче писать – у О. Генри: «Which instigates the moral reflection that life is made up of sobs, sniffles, and smiles, with sniffles predominating»². Из рыданий, улыбок и вздохов? Из фырканий! Более точный перевод – из фырканий. Жизнь состоит из воплей, ржания и фырканий. Причём фырканыя преобладают! Затеяла неутомимая Маргоша ремонт? Фырки!

К вечеру из кабинета было вынесено всё, что можно было вынести, оборвано то, что можно было обрвать, снято снимаемое и выдраны даже навечно вмурованные в стены древние розетки. Мальцева сидела в ординаторской и смотрела в одну точку на противоположной стене, прогоняя через себя «Дары волхвов», когда-то выученные ею наизусть в пароксизме изучения английского языка. Впрочем, надо отдать ей должное – язык она выучила. Ну как – выучила? *«Хачатурян приехал на Кубу. Встретился с Хемингуэем. Надо было как-то объясняться. Хачатурян что-то сказал по-английски. Хемингуэй спросил:*

– Вы говорите по-английски?

Хачатурян ответил:

– Немного.

² «Откуда напрашивается философский вывод, что жизнь состоит из слёз, вздохов и улыбок, причём вздохи преобладают» О. Генри, «Дары волхвов», перевод Е. Калашниковой.

– *Как и все мы, – сказал Хемингуэй*».

В ординаторскую зашёл Родин и шлёпнулся на диванчик.

– О чём задумались, Татьяна Георгиевна?

– Да так. Ни о чём.

Мальцева тряхнула головой и приобрела осмысленное выражение лица. По крайней мере, постаралась такое приобрести. Настроения для беседы не было.

– А я никогда не думаю ни о чём. Я или думаю о чём-то конкретном или тупо перегоняю через себя цитаты. *«Жена Хемингуэя спросила: – Как вам далось английское произношение? – Хачатурян ответил: – У меня приличный слух»*. Хм! – заведующий патологией тряхнул рыжей головой. – С чего бы это вдруг я? В голове просто всплыло. Из «Записных книжек» Довлатова. Очень остроумно, да? Очень остроумно, что Довлатов не написал «скромно ответил Хачатурян». Какая дурь в голову лезет, когда у меня тут... Да. Когда сюда уже едет подписанная вами госпитализация. И не на дородовую подготовку, а уже со схватками. Как бы мне этих дураков спровадить поприличнее? О чём они думали, когда всё это затевали? И главное – чем? Чем они думали?!

Татьяна Георгиевна пожалала плечами:

– Это ваши клиенты, Сергей Станиславович.

– Мои, – тяжело вздохнув, согласился Родин. – Как говорила моя бывшая жена – одна из моих бывших жён! – жизнерадостно уточнил сияющий рыжий колобок, – «Что моё – то моё, что твоё – тоже моё. Особенно после развода!» Я же, знаете ли, трижды уже был женат!

Татьяна Георгиевна состроила приличествующее случаю уважительное лицо. Ну, как она полагала – приличествующее. Поскольку Сергей Станиславович сам не без иронии распространялся о своей семейной истории, то и она не против болтовни в подобном ключе. Раз уж вовсе избежать не получится.

– Трижды! О, боже мой! – покачал головой Родин, удивляясь сам себе. – Первый раз я женился сразу после выпускного вечера. Да. Сразу же после получения аттестата зрелости. Можете себе представить? Был влюблён страстно, пылко, жизни без неё не мыслил, с ума сходил!

– В одноклассницу?

– В кого же ещё! В кого же ещё можно быть пылко влюблённым в семнадцать лет? Не, влюблён-то был с пятнадцати. И она в меня. В школе-то особо нет выбора. Гормон бьёт по голове, а мы замкнуты в ограниченном кругу лиц, нам кажется, что времени не осталось вовсе, и это «хочу жениться!» было сродни истерическому воплю одного из моих отпрысков: «Хочу

айфон!», но мои родители, в отличие от меня...

В ординаторскую вошёл Александр Вячеславович Денисов, врач-интерн, двадцати пяти лет от роду, весьма привлекательный форматный молодой человек, имеющий отменное общее образование и подающий узкоспециальные профессиональные надежды. Татьяна Георгиевна имела неосторожность с ним переспать после вечеринки в честь двадцать третьего февраля. Он ей нравился, разумеется. Иначе бы она никогда не оказалась с ним в койке. Нравился настолько, что она даже позволила себе немного в него влюбиться. Совсем чуть-чуть. Чтобы не слишком пугаться своего возраста. Чтобы проверить – способна ли она ещё на всякие романтические глупости, или уже всё – привет, сплошное благоразумие и череда резонансов. И что из этого вышло? Пока ничего хорошего. Пока что молодой человек предложил ей руку и сердце, а она его подвергла практически публичному осмеянию, которое он, впрочем, выдержал с молчаливым благородством истинного стоика³. Он и сейчас был совершенно спокоен, доброжелателен, улыбка и, признаться честно, невероятно очарователен в небесно-голубой пижаме, восхитительно сидевшей –

³ История отношений Татьяны Георгиевны Мальцевой и Александра Вячеславовича Денисова описана в книгах «Роддом. Сериал. Кадры 1-13» и «Роддом. Сериал. Кадры 14—26».

а далеко не на каждой фигуре восхитительно сидят обыкновенные мешковатые курточка и штаны – на его великолепном торсе и так удачно оттенявшей его тёмно-русые густые волосы.

«Или он хорош – или фаза цикла подходящая. Или и то, и другое», – подумала Татьяна Георгиевна. Как себя с ним вести, она ещё не придумала. Как и прежде, что называется, «в рабочем порядке», минус его глупые фантазии, которые она, признаться, сама спровоцировала.

– Входите, юноша, входите! Добрый вечер! – поприветствовал его Сергей Станиславович. – Хотя какой вы, к чертям собачьим, юноша?! В вашем возрасте у меня уже было двое деток от разных женщин. Молодец, что не торопитесь, хотя я ни о чём не жалею! Самое главное условие счастливой жизни – ни о чём не жалеть! Точнее – не сожалеть. Вот посмотрите на животных – они начисто лишены сожалений – и любой шелудивый пёс куда счастливей нас, венца творения. Якобы венца творения. Якобы!.. Мне вот интересно, кто это нам объявил, что мы – венец? Мы сами? Тогда это необъективно.

– Добрый вечер, Сергей Станиславович.

Интерн присел на диван к Родину и уставился на Татьяну Георгиевну, сидевшую за столом прямо напротив них.

– Так вот, Татьяна Георгиевна, – продолжил развивать прерванную тему новый заведующий патологией, – мои родители, в отличие от меня, не показали сыну фигу в ответ на его истерическое «хочу!», а оплатили обручальные кольца, платье, костюм и ресторан. Так что в семнадцать лет я обременил себя узами, которые, впрочем, успешно сбросил ровно через полгода. Вы хотите спросить меня – почему?

Родин вскочил с диванчика и стал прохаживаться взад-вперёд по ординаторской.

– А вот почему! – театрально воскликнул он и, состроив отвратительную гримасу, изобразил пантомиму.

– Обезьяна наносит макияж! – рассмеялся Александр Вячеславович.

– Не обезьяна. Увы, не обезьяна! А моя дорогая супруга, в которую я был до гроба влюблён целых два года! Но это ещё не всё! Вот так она пила чай!.. А вот так вот надевала поданное ей пальто!.. Так шла по улице!..

Все ремарки заведующий отделением патологии сопровождал короткими, но очень точными и ёмкими движениями.

– Вы удивительно талантливы, Сергей Станиславович, – с искренним восхищением прокомментировала его захватывающие ужимки Мальцева.

– Я пять лет проучился в театральном училище, – сказал Родин: – Что правда, на актёрском отделении – только два года. И ещё три – на сценарном. Разочаровался и в лицедействе, и в написании подробных инструкций для марионеток. И потом поступил в медицинский. Но вернёмся к моей первой жене. Благодаря ей я быстро повзрослел. Я стал раздражителен, как взрослый, в свои смешные семнадцать, сменившиеся не менее смешными восемнадцатью. Я реально ощущал себя Каинаном, который вот уже почти тысячу лет слушает, как сёрбает чай его Сара, или как там звали всех этих бытийных баб? Ведь в Бытии, что характерно, указаны только мужики. Вы читали Бытие, Александр Вячеславович?

Татьяна Георгиевна с интересом глянула на интерна.

– По рождении Малелеила, Каинан жил восемьсот сорок лет и родил сынов и дочерей. Всех же дней Каинана было девятьсот десять лет; и он умер.⁴

– Вот! – воскликнул толстячок Родин. – Мне исполнилось всего восемнадцать, но мне казалось, что ещё несколько дней рядом с ней – и я умру! Как всего несколько месяцев назад мне казалось, что ещё несколько дней без неё – и я умру! Должен вам заметить, друзья мои, что разводиться было куда трудней,

⁴ Библия. Ветхий Завет. Бытие. 5:13, 5:14.

чем жениться. Трудней – и трагичней.

– Мотайте на ус, Александр Вячеславович! – ехидно брякнула интерну Татьяна Георгиевна.

– Никогда, ни один из моих разводов не давался мне так тяжело, как первый! Хотя детьми мы, слава богу, не обзавелись. Она сперва не хотела разводиться, устраивала жуткие истерики – в восемнадцать лет сил на истерики – ого-го! Впрочем, иные бабы и даже мужики и до старости лет не находят более конструктивного применения душевной энергии, чем истерики. Истерики и сожаления – бичи человечества!

– Ваш театральный институт многое объясняет, – сказала Мальцева.

– О, я не потому так склонен к актёрству, что окончил театральное училище, я в театральное училище пошёл, потому как склонен к актёрству. Но потом оказалось, что всё это – фальшивка. Полная, абсолютная, окончательная фальшивка. Не помню, в каком-то из рассказов не помню кого был замечательный персонаж – он мог быть только персонажем. Вне персонажа его как бы и не существовало.

– Курт Воннегут. «А кто я теперь?», – подсказал Родину интерн.

– Точно! Гарри Нэш, который и телом и душой превращался в то, что необходимо было автору и режиссёру. В обыкновенной жизни будучи абсолютной, за-

конченной, тишайшей посредственностью.

– Помнится, девица, влюбившаяся в него, нашла выход из положения? – подключилась Мальцева.

– Именно! «Всё зависело от пьесы, которую они читали вместе в это время». Такова была и моя вторая жёнушка. Безобиднейшее, серейшее существо. Ныне актриса, что называется, первого медийного ряда. Её знают в лицо и обожают целевая аудитория отечественных сериалов и читатели, точнее сказать – читательницы, дешёвенького глянца. Знают и обожают, не подозревая, какой это на самом деле пустопорожний пенопласт. Когда-то я тоже купился на хорошенькое личико, ладную фигурку и страсть, с которой она изображала Джульетту в курсовом спектакле. «Зачем ты здесь и как сюда проник? Ограда неприступно высока, за ней же – смерть, коль кто-то из родных тебя узнает». Угадайте, кого я играл?

– Неужели Ромео?! – невольно хихикнула Татьяна Георгиевна, оглядев круглого, солнечного, слегка ужимистого Родина.

– Да! Ромео, сыгранный характерно – весьма! – поклонился он Мальцевой. – Это был экспериментальный спектакль, потому как трагедийный Шекспир всерьёз – по силам или полным дилетантам, или же китам от профессионалов экстра-класса. Но я сейчас не о теории театра. Во время постановки я влюбил-

ся! Страстно, сильно, пылко влюбился в... пустышку. Через два года режиссура нашего брака потерпела фиаско – и мы расстались, произведя на свет чудесную рыжую малышку, куда более живую и непосредственную, чем её мамаша. Моей второй бывшей жене повезло найти более талантливую и, мало того, профессионального режиссёра, понявшего, какие пьесы с ней стоит читать. Моей дочери от брака с этой бесцветной женщиной тоже очень повезло – режиссёр стал прекрасным отцом. Я же благополучно перевёлся с актёрского на сценарный, с отличием окончил театральное училище, навсегда получив иммунитет к актёрской профессии, которая суть – ничто. Актёры – куклы, за редким, редчайшим исключением. Они просто повторяют то, что написал такой специальный человек – автор, и слепил из них не менее специальный человек – режиссёр. Нет плохих актёров – есть дрянные пьески и отвратительные режиссёры. И потому третий раз я влюбился, уже поступив в медицинский институт. Влюбился, разумеется, страстно, пылко и...

– Навсегда! – дополнила Мальцева.

– Ну да! – радостно мотнул головой Родин и, с размаху шлёпнувшись на диванчик, принял позу мыслителя. По всей видимости, он хотел выдержать паузу при переходе от сцены почти комической к сцене практически трагической – с третьей женой он развёл-

ся совсем недавно, жил дольше всего и расставался, соответственно, сложнее. Но тут в ординаторской зазвонил внутренний телефон. Татьяна Георгиевна и Александр Вячеславович рванули к трубке одновременно и чуть не стукнулись лбами.

– Вы! Прошу! – чуть залилась краской заведующая, мысленно выругав себя душой.

– Да? – совершенно спокойно сказал в трубку ин-терн, пару секунд послушал и положил. – Вас, Сергей Станиславович, вызывают в приёмное.

– Идёмте, Александр! Тут сегодня такая пьеса со-стоится, любой драматург... – сказал Родин чуть с горечью и махнул рукой. – Надеюсь только, что се-годня состоится премьера всё-таки комедии. Тьфу-тьфу-тьфу! – заведующий патологией трижды посту-чал по двери, прежде чем выйти. Денисов отправил-ся вслед за ним, кинув испытующий взгляд на Татья-ну Георгиевну. Она сделал вид, что её очень интере-сует справочник Международной классификации бо-лезней, лежащий на столе. Александр Вячеславович открыл было рот, но тут вернулся Родин.

– Татьяна Георгиевна, ваш кабинет всё равно ра-зорён и опустошён вашей неуёмной старшей акушер-кой. Идёмте с нами. Что за театр без зрителя? А там есть на что посмотреть, уверяю вас.

Последнюю фразу Сергей Станиславович произ-

нёс всерьёз и озабочено. На последней фразе из склонного к театральщине балагура он удивительным образом преобразился в того, кем был на самом деле – в серьёзного, знающего, умелого и сопереживающего людям врача.

В приёмном покое имелись в наличии: акушерка дежурная, несколько растерянная, с плещущимся в глазах недоумением – одна штука; дебелая санитарка, презрительно прищуренная, в полной готовности пресечь любое безобразие – одна штука; и, собственно, «безобразии» – отчаянно ругающаяся молодая девица, придерживаемая с одной стороны импозантным мужчиной лет сорока пяти, с другой – красивой дамой лет сорока. В тот момент, когда вслед за Татьяной Георгиевной в помещение приёма вошли Родин и врач-интерн, девица скорее страстно, чем сильно, стукнула себя кулаком по выдающемуся животу и зарала:

– На тебе, на тебе! Пусть и тебе будет больно!

– Юлия, немедленно прекрати! – воскликнула красивая дама лет сорока, побагровев от ярости.

– Юленька, перестань так делать! – умоляюще проворкотал побелевшими губами импозантный мужчина лет сорока пяти.

– Боже мой! – заполошно прошептала вскочившая со стула и прижавшаяся спиной к стеночке акушерка.

– Баловать надо было меньше! Тогда бы и вести себя умела, и приплод в подоле не принесла бы! – раздалось сухое скрежетание из поджатых губ санитарки. – Вот, Татьяна Георгиевна, – обратилась санитарка к Мальцевой, – любуйтесь! Плоды современного воспитания! Как трахаться – так по-другому, поди, голосила. А теперь собственное дитя кулаками колошматит! – и санитарка осуждающе покачала головой.

– Дура! – коротко бросила санитарке Юлия-Юленька и истошно завопила: – А-а-а!!!

– Зинаида Тимофеевна, уймись! – добродушно бросил санитарке Родин. – Леночка, ты оформила историю? – ласково поинтересовался он у акушерки.

Та испуганно кивнула.

Сергей Станиславович сохранял завидное спокойствие. Александр Вячеславович не очень понимал, что происходит, но раз двое присутствующих в приёмном покое заведующих отделениями не видят, судя по выражению лиц, ничего необыкновенного в том, что роженица колотит себя кулаками по животу, то и его дело маленькое: стоять, наблюдать, исполнять «куда пошлют».

– Светлана Николаевна, Игорь Моисеевич, познакомьтесь, это Татьяна Георгиевна Мальцева, заведующая отделением обсервации, – тоном, более уместным на светском рауте, представил Родин коллегу

своим клиентам. – И Александр Вячеславович Денисов, врач акушер-гинеколог, – добавил он так же вежливо, и субординацию соблюдая, и молодого доктора без лишней надобности не ткнув носом в его подвешенное состояние. Потому как врач-интерн – это уже не студент, но ещё и не врач. Но мало кто из «старослужащих» коллег упускает случай лишний раз публично скомандовать молодому: «Место!» Медицина – она сродни армии. Портянки, что правда, стирать не заставляют, но за пивом послать могут как с добрым утром. – Татьяна Георгиевна, это Светлана Николаевна и Игорь Моисеевич Лазаревы – биологические родители.

– Надо же, Моисеевич! – ехидно брякнула санитарка. И тут же следом удивлённо переспросила: – Какие родители?!

– А-а-а... – понимающе протянула акушерка и села, наконец, на стул.

– И Юлия Степанова, суррогатная мать, – продолжил Родин, оставив без ответа вопрос Зинаиды Тимофеевны.

– Я тебе потом расскажу! – осадила санитарку акушерка.

Та, явно обидевшись, схватилась за ведро и пошла им греметь, ворча себе под нос что-то явно не слишком печатное.

– Юлия Андреевна! – рывкнула суррогатная мать и снова скорчилась от схваточной боли.

– Юлия Андреевна, вы явно аггравируете, – ласково обратился к ней заведующий патологией. – Или, говоря проще, переигрываете... – Я вас предупреждал! – строго посмотрел он на биологических родителей. – Вы не передумали?

Те отрицательно замотали головами.

– А-а-а!!! Да что вы с ними разговариваете?! Делайте что-нибудь! Ублюдок – их, а больно – мне!

– Юлия Андреевна, если вы будете вести себя подобным образом, я немедленно дам вам наркоз и прооперирую!

– Не надо меня оперировать! Что же мне потом из-за них, – злобно сверкнула она глазами в биологических родителей, – своего рожать тоже кесаревым?! Своего настоящего первого ребёнка!

Интерн Денисов с удивлением посмотрел на Мальцеву. Та махнула рукой, мол, подробности потом. И едва удержала себя от жеста, понятного на всех языках – покрутить пальцем у виска.

– Переводите на второй этаж в семейный родзал, – сказала Татьяна Георгиевна акушерке.

– Показания к обсервации? – уточнила та.

– Кольпит! – поспешно выступил Сергей Станиславович. – И биологических родителей переоденьте.

Они будут присутствовать. У них все справки имеются.

– Будут присутствовать?! – чуть не хором воскликнули акушерка приёмного и врач-интерн.

– А, я поняла! – радостно загремела шваброй из предбанника санитарка. – Биологические родители и суррогатная мать, я видала передачу по телевизору, там тёлки эти были, которых за деньги оплодотворяют, а они...

– Тимофеевна, мы все знаем, что ты у нас очень сообразительная! – Татьяна Георгиевна вытолкала санитарку обратно в предбанник. – Сергей Станиславович, если я вам больше не нужна, я пойду обратно в ординаторскую, у меня очень много работы! Да, очень много работы. Забирайте с собой Александра Вячеславовича и... И не разнесите мне семейный родзал!

Ровно через полчаса мрачный как туча Родин притащился в ординаторскую обсервационного отделения. В одной руке у него была история родов, в другой – бутылка коньяка.

– Я так, с кофе... Не напиваться, – он поставил бутылку на подоконник. – Хотя очень хочется, – он вздохнул. – Видал я идиотов, но таких...

– Всё в порядке? – номинально-сдержанно поинтересовалась Татьяна Георгиевна, взяв следующую историю из высившейся перед нею кипы.

– Первый период в самом начале, – уныло вздохнул Родин. – Я надеялся, что она поступит на дородовую подготовку, я отправлю этих кретинков домой, а сам... Так она рожать завелась. И теперь я их не то что отправить куда-то – с места сдвинуть не могу!

Татьяна Георгиевна никак не реагировала на тексты Родина.

– Намекаете на побыть в одиночестве? Не получится! – расхохотался Сергей Станиславович. – Ночные бдения в ординаторской существуют не для одиночества. Для одиночества, милая моя коллега, существуют наши тоскливые холостяцкие квартиры, в которые мы стараемся пореже попадать. Ну, то есть так складываются обстоятельства, что мы туда редко попадаем! – и он снова мрачно заухал.

Мрачность заведующему патологией совершенно не шла. Слишком он был для мрачности рыжий, и жизнерадостный, и...

– И вы думаете «Родин бабла срубить хочет, а я-то тут причём? Что ему ещё от меня надо, кроме любовно предоставленного семейного родзала в обход санэпидправил?»

Татьяна Георгиевна положила историю обратно в кипу и посмотрела на Сергея Станиславовича с улыбкой. Ей импонировала его несколько с виду разгильдяйская и панибратская откровенность.

– Давайте уже свой кофе с коньяком.

– Вот-вот. Вот это правильно! – Родин засуетился, налаживая кофеварку. – Были у меня всякие. И такие, и эдакие. Они и у вас, уверен, были.

– Я не занимаюсь репродуктологией. Но были всякие, – улыбнулась она. – И ничего я не думаю, Сергей Станиславович. Все бабла хотят срубить. Раз уж заработать невозможно. А у вас ещё и трое детей...

– Да, – каким-то своим мыслям растерянно ответил Родин. – Нет! – воскликнул он уже с совсем другой интонацией, горячо. – Есть у меня баба.

– Я в этом не сомневаюсь! – иронично вставила Мальцева.

– Да нет! Не в том смысле, что у меня бабы нет, хотя лучше бы не было, а в том смысле, что есть у меня баба – профессиональная суррогатная мамаша. Опытный гестационный курьер.

В дверь ординаторской постучали.

– Да! – отозвалась Мальцева.

Вошёл интерн Денисов.

– Сергей Станиславович, биологические родители вас зовут.

– Зачем?

– Юленьке больно! – скопировал он манеру Игоря Моисеевича, потешно воздев руки.

– Перетопчутся! – резко бросил Родин. – Там Вера

Антоновна есть. Если что-то действительно серьезное, она меня сама мухой вызовет. Пока я кофе с коньяком не выпью, никуда не... Интерн, вы знаете, как Всемирная организация здравоохранения рекомендует называть суррогатных матерей?

– «Няня на срок вынашивания» или «гестационный курьер».

– Молодец, садись, пять. В смысле – будешь с нами кофе пить с коньяком. Если вы не возражаете, Татьяна Георгиевна?

– Не возражаю.

Александр Вячеславович вполне вальяжно расселся на диванчике. Ночь в роддоме – такое время. И заведующий может интерну кофе с коньяком сделать, ничего необычного. Обратная сторона неуставных отношений.

– Я, интерн, как раз рассказываю, что есть у меня такой профессиональный гестационный курьер. Уже денег на гражданство Российской Федерации и квартиру в ближнем Подмосковье заработала себе этим делом. Приехала она лет десять назад из Молдавии, с мужем. Здоровая баба, с коэффициентом интеллекта как у шимпанзе. Ну, может, чуть меньше. Сообразительная, социально-адаптированная. Флегматичная, – особо подчеркнул Родин. – Двое своих деток уже имелись – у бабушки в молдавской деревне про-

живать пока остались. Муж туда-сюда помыкался, то шофёром, то штукатуром – шиш с маслом. Она тоже – то полы мыть, то... В общем, тяжело им в Москве жилось. Так первым муж сообразил. В газетке объявление вычитал, что требуются доноры мужского генетического материала. Ну и пошёл он драть в стаканчик на конвейерной основе. Вот уж я не понимаю женщин, беременных от донорской спермы «втёмную». Они бы того молдаванина видели – так на одном гектаре бы с ним срать не сели, уж простите. Его же как описывают при подаче материала? Высокий шатен, карие глаза, нормостенического телосложения, черты лица пропорциональные, генетических заболеваний не выявлено. А что оно страшило дурноватое и нос вытирает размашистым движением от локтя до запястья – так этого в анонимных описаниях нет. Что оно скандальное и считает себя пупом земли, и иногда слегка прикладывает свою смуглянку-молдаванку об дверной косяк – ни-ни-ни, когда беременная, то – бизнес! – этого тоже нигде не разыщешь. Люди же друг друга в обычной жизни по сродству выбирают. Их в реальности друг к другу тянет вовсе не из-за пропорциональности или непропорциональности черт лица. Всю жизнь можно полагать, что ты любишь стройных блондинок, а потом взять да и втюриться в пышнозадую огненную брюнетку! Только потому, что тебе по-

наверилось, как она высморкалась.

Минут десять Сергей Станиславович разглагольствовал о взаимном притяжении между мужчинами и женщинами, чем оно обусловлено и какими приятностями, а более всего – неприятностями – грозит. И делал это, надо признать, весьма занимательно. Не забыв по дороге и кофе с коньяком сварганить и подать. Татьяне Георгиевне – за стол. Александру Вячеславовичу – на диван. Со своей чашкой он уселся на широкий подоконник ординаторской.

– Это же искра, огонь! Это же пламя страсти, простите за избитую метафору. Но даже из такой страсти не всегда птица Феникс рождается. Иногда просто обугленная головёшка. А тут – от донора. Тьфу! Как будто нет другого выхода. Как будто женщина не может найти себе мужчину!

– А если может, но просто не хочет? – спросила Татьяна Георгиевна.

– Тогда зачем ей ребёнок?! Дитя – творение любви! Воспроизведение себе подобных – чудо! – Родин был близок к экстазу, неся с подоконника банальности в мир ночной ординаторской.

– И это говорит репродуктолог?! – рассмеялась Мальцева.

– А что вам репродуктолог – не человек?! Или чудеса не люди творят? Я, между прочим, хоть и агно-

стик, но в данном случае мне близка позиция церкви, которая определяет брак как «таинство любви». Этическая ценность сексуальных отношений супругов заключается в полной и взаимной самоотдаче, где душа и тело становятся едины! И такое единение не сводится только к воспроизводству человеческого рода. Церковь, принимая идею синергии, сотворчества бога и человека в преображении мира, отвергает в то же время всякую претензию этого самого человека заменить собой творца мироздания. Короче – деторождение – не единственная цель брака. И не единственная задача женщины.

Татьяна Георгиевна и Александр Вячеславович переглянулись.

– Репродуктолог нам, конечно, человек, – улыбнулась Мальцева. – Мало того – человек противоречивый. Вы согласны с церковью, которая отвергает претензию человека заменить собой творца мироздания, но вы... занимаетесь репродуктивными технологиями. Я одна вижу несоответствие логической предпосылки сделанным выводам?

– Так я же агностик! – расхохотался Родин. – И, кроме того, отец троих детей, как вы справедливо заметили ранее. И, видимо, трижды был един – и не трижды, если честно, – с разнообразными женщинами, и телом, и душой. Но это всё не противоречит... – он слег-

ка запнулся. – Самый главный грех – жизнь во лжи! Вот! – победоносно изрёк заведующий патологией.

– А вы про какую церковь говорили, Сергей Станиславович? – спросил елейным голосом интерн. – Потому как то, что мне известно о церкви православной – так они с пеной у рта колотятся именно о деторождении.

– Мало ли дураков, которые с пеной у рта колотятся бог знает обо что. Я вас, коллеги, как-нибудь обязательно познакомлю со своим другом. Вы будете смеяться – православным священником.

– Почему мы будем смеяться? – удивилась Мальцева.

– А потому что он большой остряк и балагур.

– До того, как мы начали говорить о браке, единении душ и тел и о всяком таком, вы, Сергей Станиславович, хотели нам рассказать о своём профессиональном гестационном курьере. Всё началось с того, что её высокий шатен-шофёр-штукатур стал донором спермы. И? – Татьяна Георгиевна постаралась вернуть Родина в основное русло беседы.

– И пошло-поехало. В клинике, где он регулярно сцеживался в стаканчик, – в той, где я тогда подрабатывал, собственно, – он услышал, что существует такая штука, как вынашивание ребёнка для другой женщины. В коридорных очередях процветает индустрия

обучающего развлечения. Entertainment education, так сказать. Там же он узнал, что подобная работёнка оплачивается куда круче, чем три его несчастных миллилитра. Бабе его тогда тридцать лет стукнуло, но здоровье у неё было покруче, чем у иных двадцатилетних москвичек. Посреди полей и рек выросла.

– Ага, и виноградников, – подал реплику интерн.

– Ну, «виноградных детей» поминать не будем. Учтивая, что её генетический материал нам не сдался. Понятно, что её генетические дети вряд ли будут сенеками, но нас интересовало её соматическое и психическое здоровье. Соматически она была здорова, как деревенская корова. Психика, как и у всех не слишком умных и образованных флегм, была максимально здоровой. Это очень важно для суррогатной матери – пофигизм. Это любой клинический психолог подтвердит.

– Так он что, сам свою жену привёл?!

– Да, дорогой Александр Вячеславович! – подтвердил Родин. – Сам. За ручку. И гонорар за вынашивание первого ребёнка для биологических родителей позволил молдавской парочке обзавестись жильём в московской области. Вот так-то!

– Это... Это как-то ненормально!

– Вы, Александр Вячеславович, позвольте спросить, москвич? – чуть подпустил сарказма Родин. – Да

ещё и наверняка потомственный? Квартира от бабушки?

– Да, москвич, потомственный. От бабушки. Но я бы никогда не потащил любимую женщину...

– Знаете, мой юный друг, что постоянно твердил этот товарищ? И – особенно – его жена?

– Что?

– «Лишь бы выжить, лишь бы выжить, лишь бы выжить». И своих деток к себе, наконец, забрать. Потому что даже молдаване и прочие гастарбайтеры любят своих деток. А не только потомки недобитых большевиками помещиков, с квартирами от бабушек.

– Всё равно. Можно заняться чем угодно! Чтобы «лишь бы выжить».

Всегда спокойный и ровный Денисов стал как-то неожиданно и нехарактерно зол. Татьяна Георгиевна с любопытством наблюдала за словесной дуэлью Родина и Денисова. Или, точнее сказать, опыта и пылкости. Опыта, что приемлет многое по факту собственной опытности и старается как можно меньше судить и как можно больше если не принимать, то хотя бы понимать. И пылкости, присущей максимализму благополучной молодости.

– Чем же, Александр Вячеславович? Пойти в представители фармфирм? Для этого надо иметь соответствующее образование и мало-мальски знать ан-

глийский. Устроиться работать в фонд помощи детям, бомжам и детям бомжей? Для этого тоже немало требуется. И, насколько я знаю, вы, например, подрабатываете в фармфирме, чтобы иметь возможность... ну, не знаю, девушку в ресторан сводить, букет цветов купить...

Татьяна Георгиевна быстро зыркнула на Родина. Нет, Сергей Станиславович не ехидничал про «девушек», «ресторан» и «цветы». Лично к ней в привязке к личности Денисова это не имело никакого отношения. Просто ну что ещё можно предположить, глядя на такого молодого и красивого парня, как Александр Вячеславович? Только тех самых девушек, те самые рестораны и те самые цветы. Так что сиди тихо, старая корова, и не зыркай туда-сюда попусту, не смейши людей.

– А в фондах разнообразных, я так понимаю, вы принимаете участие от широты душевной. У молдавского шофёра-штукатура широта душевная была узка в связи с тисками бытовых обстоятельств. Как умел, он любил жену, и очень любил и любит своих деток. И хотел их перетащить под бочок. И если для этого надо, чтобы его коровушка пару раз отелилась «на сторону» – ничего страшного. Своих детей она рожала легко и просто. И, разумеется, на аркане он её не тащил. Сперва переговоры по душам. Он озвучил сумму...

– Можно было пойти на стройку! – возразил Александр Вячеславович.

– Озвучил сумму, – отчеканил Родин, впрочем, вполне дружелюбно, – которую он заработает за лет пять безвылазных строек – и она приняла, подчёркиваю – добровольное, настаиваю – информированное решение стать суррогатной матерью. Мы с ней, разумеется, тоже беседовали. Обследовали её вдоль и поперёк. Здоровая, в меру порядочная, эмоционально устойчивая. Последнее, напоминаю, немаловажно. И вот как раз имелась парочка биологических родителей, подыскивающих гестационного курьера. Мы предложили подписать контракт через фирму-посредника, чтобы никаких личных контактов. Потому что чем меньше личных контактов – тем лучше. Но тут наша молдаваночка – назовём её Зина – становится на дыбы и говорит мне: «Хочу познакомиться с биологическими родителями!» – «Зачем?!» – задаю я ей самый дурацкий, как известно, на свете вопрос. Она в ответ невнятно мычит, потому что Зина, признаться честно, мысли формулировать как не умела, так по сей день и не умеет. Ладно. Едем на встречу. Я, юрист, биологические родители и наша Зина с мужем. Она и прежде, и позже везде и всегда была с мужем, да. Это так, штрихи к портрету, Александр Вячеславович. У каждого свои представления о любви. И каж-

дый любит и заботится в меру своих представлений, – не удержался Родин от лёгкой иронии опыта в адрес молодой пылкости.

– И что? – заинтересовано уточнила Мальцева. Она никогда не соприкасалась – по крайней мере, близко – с этическими, психологическими и прочими не патологическими вопросами суррогатного материнства, поэтому ей было действительно интересно. Да и фиксироваться на представлениях Александра Вячеславовича о любви и заботе, прямо скажем, не время и не место.

– Разошлись, довольные друг другом. Зина в результате тяжёлой ментальной работы сформулировала-таки свои желания, ожидания и чаяния. Сказала что-то вроде – если перевести на привычный нам многословный умный русский: «Мне было очень важно знать, в какую семью попадёт этот ребёнок. Они мне показались надёжными людьми». Вот так-то! Ей было «очень важно знать», чёрт побери! Я-то считал эту тупую корову абсолютной пофигисткой, я ей сто раз объяснял, что она к «этому ребёнку» имеет примерно такое же отношение, как бушмен к английской королеве, а всё равно... Биологическим родителям Зина, в свою очередь, показалась «опрятной, спокойной, хотя и несколько глуповатой». Пришлось объяснять, что последнее – великое благо! Хотя и им,

биологическим, куда более интеллектуальным, нежели Зина, я миллион раз объяснял, что суррогатная мать не обязана выглядеть, двигаться и мыслить как Шэрон Стоун. И что к их ребёнку она имеет такое же отношение, как Папа Карло к Гарри Поттеру. И вообще – приличные суррогатные матери не так чтобы стадами бродят! Всё-таки не слишком потоковое животноводство. Перекрестились, обследовались, синхронизировали циклы, прошли процедуру ЭКО – и наша Зина принялась прилежно выхаживать. Даже вела дневник. Эти идиоты – биологические родители – наняли Зине психолога, который должен был промыть ей мозги на предмет того, что она – няня, а не мама. Психолог заверил биологических, что наша Зина совсем не сентиментальна и не будет их терроризировать, шантажировать и испытывать к ним зависти. Психолог тоже была, понимаете ли, москвичка. Эмбрион прижился в Зинином организме безо всяких проблем. Сперва в этом её дневничке были записи а-ля: «Зачем-то колют много уколов. Беременность как беременность». Муженёк её, шатен-шофёр, продолжал работать, а Зина из полумоек уволилась. Понятное дело. Биологические родители беспокоились. Хотя если бы она вынашивала генетически своего ребёнка, она продолжала бы совершенно спокойно мыть полы в супермаркете. Московская психолог да-

же посоветовала бедной Зине рассказать своим деткам, что она вынашивает ребёнка, но не братика, не сестричку и не для себя, и что это у неё просто такая временная работа. Слава богу, молдавские детки не так изнасилованы в мозг, как наши, сильно умные, и просто ничего не поняли, решив, что мама рассказывает им сказку. По телефону. Когда Зина первый раз работала гестационным курьером, её собственные детки были ещё маленькие и в Молдавии. Ныне же она богу молится, что у неё двое сыновей, а не дочь. Потому что её двенадцатилетний сын недавно в ответ на скандал за двойку по математике заявил: «Как жаль, что я – мальчик! Учись, работай! Был бы девочкой – стал бы богатеям детей вынашивать». Но вернёмся в Зинину первую «продажную» беременность...

Родина прервал звонок внутреннего телефона. Татьяна Георгиевна ответила:

– Да?.. Вера Антоновна, я тебе передам Сергея Станиславовича, ему и докладывай. Меня тут нет. И это – не мои клиенты.

Мальцева протянула трубку Родину.

– Да?!. Вера, ну я-то что могу сделать?! – Некоторое время он молча выслушивал излияния, скороговоркой текущие из трубки. – Хорошо, хорошо! Иду! – сказал заведующий патологией несколько раздражённо.

но. – Никуда не уходите, друзья мои! Я должен закончить свой рассказ.

– Что-то серьёзное?

– Да. У данных конкретных биологических родителей, – Родин поднял глаза к потолку, – тусующихся с суррогатной мамашей в семейном родзале второго этажа, очень серьёзные проблемы. Что касается акушерства – увы, у нас всё хорошо. Ладно, пойду, может, выловлю показания к кесареву сечению.

Татьяна Георгиевна погрозила Родину пальцем.

Как только заведующий отделением патологии прикрыл за собой дверь в ординаторскую обсервации, интернет поднялся с диванчика, а Мальцева подскочила со стула.

– Что с вами, Татьяна Георгиевна? – слегка насмешливо произнёс Денисов, ласково глядя на заведующую отделением обсервации.

Как не запрещала себе Мальцева краснеть, но тут она уже ничего не могла поделать – её залило по самые уши.

– Что вы себе позволяете?! – взвизгнула она и тут же рассмеялась, потому что ну уж очень напомнила сама себе профессора Елизавету Петровну. Приехали. Истерики. Краска в лицо бросается. Уж не приливы ли?

– Я ничего такого себе не позволяю, – вкрадчиво,

но не утрачивая лёгкого флёра насмешливости, проговорил интерн. – Я, Татьяна Георгиевна, всего лишь хотел позволить себе помыть чашки. Вот, видите? – он продемонстрировал ей свою чашку. – Моя. – И вот... – он аккуратно сделал пару шагов к столу.

– Оставайтесь на месте! – приказала ему Мальцева.

Интерн застыл. Улыбнулся. И медленно, плавно дотянулся до стола.

– Даже моей растяжки и гибкости не хватит, чтобы, оставаясь на месте, достать вашу чашку.

Нелепым, едва ли не клоунским движением Татьяна Георгиевна подвинула чашку в направлении интерна. Он, как и прежде оставаясь на месте, взял её.

– И вот – ваша, – констатировал он. – Моя – в правой руке. И ваша – в левой. Две грязные чашки. Чтобы их помыть, я должен пройти к умывальнику. Вы отмените приказ оставаться на месте?

– Да.

Она, стараясь не смотреть на него, села на стул и схватила верхнюю из кипы историй. Денисов помыл чашки, поставил их в шкаф и, опершись на столешницу кухонной панели и скрестив руки на груди, уставился на Татьяну Георгиевну.

Некоторое время длилось обоюдное молчание. Лишь Татьяна Георгиевна шелестела страницами.

– Не хотите ли рюмочку коньяку, Татьяна Георгиевна?

– Нет! В рабочее время пить не положено! И это Родина коньяк, а не ваш! – Мальцева несла глупости, листая историю и совершенно не понимая, чья она, за чем оказалась в этой кипе на столе, и вообще – почему она сама, Татьяна Георгиевна Мальцева, не идёт домой, если её кабинет разгромлен и спать ей фактически негде? Да и дел у неё особых... Ах, да, Родин просил подстраховать. Да нужна ему её страховка, как зайцу валенки!

– Вы и не на работе. Я только вам предложил. Родин не жадный.

– Кстати, что вы здесь делаете, Александр Вячеславович?! – заведующая резко навела фокус на интерна, надеясь, что её взгляд достаточно начальствен и никоим образом не намекает на всё произошедшее между ней и Денисовым.

– Я здесь... – он необычайно забавно огляделся вокруг себя. – Дежурю я здесь, Татьяна Георгиевна. Вашим же распоряжением до конца месяца я поставлен в график вместо Линькова.

– Да?.. Извините. Ну, если вы здесь дежурите, то идите и... И сделайте вечерний обход!

– В половине первого ночи? Татьяна Георгиевна, я уже сделал вечерний обход. В девять вечера.

Мальцева отложила историю, откинулась на спинку стула и в упор посмотрела на Денисова.

– Александр Вячеславович, вам что, доставляет удовольствие, когда я чувствую себя идиоткой?! То я оказываюсь у вас на кухне, ночью, с голой задницей, то вы мне делаете предложение руки и сердца, то...

– ... моете мою чашку! – подсказал Денисов.

– Где вы научились быть таким... Таким... Таким спокойным и...

– И упрямым. Это врождённое, Татьяна Георгиевна. Я не учился. Генетически получил. От мамы и папы.

– Кстати, о вашем нелепом предложении! – Мальцева почувствовала себя в своей колее, потому что появился повод поехидничать.

Ехидство, ирония, сарказм – вот за что цепляется сильный человек, неожиданно дав давно запрещённую самому себе слабинку.

– Вообразите, что я согласилась, и что? Как бы вы повели знакомить меня с мамой и папой?! Я себе представляю! – она немного деланно расхохоталась.

– Не думаю, что мои родители стали бы требовать у вас паспорт.

– То, что я намного старше вас, не просто бросается в глаза. Это швыряется в глаза, налетает шквалом, долбит по глазам, как перепад давления по травмированной барабанной перепонке.

– Как вы избыточно метафоричны этой ночью, Татьяна Георгиевна. И как прекрасны!

Он стоял всё так же, скрестив руки на груди и опершись на столешницу кухонного уголка. И был всё так же спокоен, мерзавец!

– Кроме того, моих родителей за каким-то чёртом понесло в Антарктиду.

– В Антарктиду? – недоумённо переспросила Мальцева. – Зачем? Они полярники?

– Они забавные, упрямые и энергичные люди. И несмотря на вышеперечисленное – спокойные. Им, видите ли, захотелось постоять на Южном полюсе. После того как они там постоят, то, полагаю, ещё с полгода будут таскаться по Южной Америке... Чтобы согреться. Мой отец – достаточно известный фотожурналист. А мама – так получилось – журналист самый обыкновенный. Она пишет тексты к его фотографиям. Или он иллюстрирует её тексты. Это так переплелось, что уже нельзя сказать наверняка. Они толкают свои творения в разнообразные толстые иллюстрированные журналы. Как отечественные, так и зарубежные. Они совершенно поглощены друг другом и работой. Им нет никакого дела – в самом прекрасном смысле этого словосочетания – до моей жизни. В двадцать один год они вручили мне ключи от бабушкиной квартиры и сказали, что отныне моя жизнь – это моя

жизнь.

– Вы что, не общаетесь?

– Почему не общаемся? Мои родители – мои лучшие друзья. Я всегда могу зайти к ним в гости... ну, в смысле, всегда, когда они в Москве. Равно как и они ко мне. И мы всегда можем обратиться друг к другу за помощью. Хотя они ещё ко мне за помощью ни разу не обращались, должен признать. И слава богам, – Александр Вячеславович трижды поплевал через левое плечо и трижды постучал по столешнице.

– Так не хотите им помогать? – едко сказала Татьяна Георгиевна.

– Так не хочу, чтобы возникали ситуации, когда они будут нуждаться в моей помощи.

– Нет, даже когда я совершенно не должна выглядеть идиоткой, вы всё умеете так перевернуть, что я выгляжу идиоткой!

– Но очень красивой иди...

В дверь без стука внёсся Родин. Он был уже без халата, в одной голубой пижаме. Весь потный и взлохмаченный. Рыжие патлы соломой торчали в разные стороны. Александр Вячеславович тактично прервался на полуслове.

– Что там?! – слишком поспешно поинтересовалась Татьяна Георгиевна.

– Ничего. Роды первые, срочные, тридцать де-

вять-сорок недель, передний вид затылочного предлежания, первый период родов, воды целы, схватки по двадцать-двадцать пять, через семь-десять, – автоматически протараторил Сергей Станиславович. – Но там такой концерт! – Он закатил глаза. – Нет-нет, не волнуйтесь, в отделении тихо. И там не концерт. А скорее инсценировка в стиле старика Хичкока. Юля перестала вопить и колотить себя по животу и планомерно изводит Светлану Николаевну и Игоря Моисеевича. Больше, разумеется, Светлану Николаевну. Наша славная Вера Антоновна пребывает в шоке.

– Но как же так вышло, что вы допустили к суррогатному материнству молодую девчонку, не имеющую своих собственных детей?!

– Ещё пару часов подожду – поставлю слабость родовой деятельности и прокесарю, – пробурчал себе под нос Родин. – Татьяна Георгиевна, по коньячку? Ну его к чертям, этот кофе! У меня уже в моче, пардон, концентрация кофеина явно больше предельно допустимой.

Мальцева кивнула головой. Родин достал три рюмки и вопросительно глянул на Татьяну Георгиевну. Она снова кивнула.

– Ну, раз шеф разрешает...

Сергей Станиславович разлил коньяк по крохотным ёмкостям.

– Сперва я закончу историю про Зину. Если вы думаете, что я забыл, то сильно ошибаетесь. Запоминать тексты – моя первая специальность. Вторая – их создавать, а третья...

– Про третью мы знаем! – остановила его Мальцева.

– Да-да, иногда я бываю излишне многоречив. Практически всегда. Итак, Зина стала вести свой простой дневничок. Пару-тройку психологов следовало бы пристрелить, чтобы неповадно было. Каждый же мнит себя Юнгом. Ну, наше здоровье!

Родин опрокинул в себя коньяк. Так же поступила и Мальцева. Интерн, лишь слегка пригубив, поставил рюмку на столешницу.

– На одной из страниц, на неделе примерно двенадцатой, в дневничке нашей молдавской Зины, прежде вполне себе эмоционально устойчивой, стали появляться записи, занимающие по две, по три, по четыре и более страниц, испещрённых одной и той же фразой: «Это не мой ребёнок. Это не мой ребёнок. Это не мой ребёнок». Психологи считают, что ведение дневника позволяет избавиться от тяжёлых мыслей. Но Зина, создание, прежде лишённое мыслей вовсе, заведя дневник, стала не только эти самые мысли у себя обнаруживать, но и фиксироваться на них. Давно известно, что навыки письменной речи очень поло-

жительно влияют на мышление. В основном положительно. То есть – у кого как. Не все психологи одинаковы умны и, соответственно, одинаково полезны. Психологи большей частью одинаковы глупы, увы. Как там у Булгакова? «Вы смеётесь надо мной за то, что я не похож на вас, а я смеюсь над вами за то, что вы все похожи друг на друга!»

– Родин! – не выдержала Татьяна Георгиевна.

– В шестнадцать недель в Зинином дневничке появилась запись: «Надо думать только о хорошем. Этому ребёнку с ними будет хорошо». Каково, да? Не «с родителями», а «с ними». И затем сразу: «Жуткий токсикоз. Если это не мой ребёнок, то почему токсикоз у меня?» – спрашивает простая молдавская женщина Зина у самой себя, потому как, вероятно, наши объяснения про механизмы возникновения гестоза, не связанные с тем, что ребёнок – биологически! – не её, Зину не удовлетворили. Зине всё время хочется кислого. И этому она тоже удивляется. Ей хотелось кислого, когда она вынашивала своих мальчиков. И раз сейчас, вынашивая, она хочет кислого, значит?.. Ага! «Ребёнок как бы не совсем не мой». «Я – холодильник, он просто во мне хранится», – пишет Зина. Хотя мы ей объясняли, что она скорее инкубатор и ребёнок в ней «высиживается». Но нет, Зине приятней чувствовать себя холодильником, потому, что, как она

объясняет врачу – то есть вашему покорному слуге, – в холодильнике ничего не происходит, продукты там просто лежат. «Но инкубатор же не мама цыплёнку?» – спрашиваю я её, игнорируя тему холодильника. Зина впадает в долгий ступор, я даже слышу, с каким скрежетом трётся извилина об извилину в её простой, доброй, прежде ничем таким не отягощенной голове. «Цыплята называются инкубаторскими», – выдаёт она мне заключение. В восемнадцать недель запись в дневнике: «Он пошевелился. Ах, моя милая рыбка! Мой котик!» После этой записи я отобрал у Зины дневник, приказал биологическим родителям уволить психолога, самолично и на собственные средства приобрёл Зине все существующие на тот момент времени творения Дарьи нашей Донцовой. Роды у Зины начались в срок. В половине пятого утра. Когда она соизволила явиться в больницу, головка плода была уже на тазовом дне, кесарево делать было поздно, хотя тогда ещё ЭКО считалось законным показанием к родоразрешению путём кесарева сечения. Напоминаю, у Зины были третьи роды. Пока я летел в роддом, акушерка благополучно приняла совершенно неосложнённые роды у нашей молдавской Зины и...

Татьяна Георгиевна ахнула. Александр Вячеславович недоумённо посмотрел на неё.

– Да-да! – кивнул Родин на Мальцеву. – Ваша на-

чальница знает, почему ахает, господин Денисов. – Акушерка сдуру – хотя и была предупреждена! – взяла да и шмякнула новорождённую девочку Зине на пузо. И совершенно здоровая, хорошенькая девуля нашла сосок. И вместо тупорылой, спокойной, как окаменевшее говно мамонта Зины я, залетевший в родзал, узрел дешёвое яблочное повидло, растекающееся по рахмановке, как масло по горячей сковороде: «Усюсю, моя девочка! Утипути, моё солнышко!» Охи, ахи, вздохи и потоки страстной молдавской речи. Отрывали с мясом. Всё обошлось. Утром принеслась биологическая мать, её госпитализировали в палату, где она поторчала два дня с новорождённой – и была выписана. Наша Зина написала все положенные бумаги-отказы, ей срочным образом перетянули грудь и загрузили её гормонами, тормозящими лактацию. А надо сказать, Зина корова не мясная, а исключительно молочной породы. Так что проблем из-за этого сильно стимулирующего гипофиз и, соответственно, все органы-мишени прикладывания мы поимели не только психологических. Да и то, что называется «памятью тела» со счетов не скинешь. Так что пришлось нашу прежде никогда не страдавшую какими бы то ни было видами рефлексий Зину лечить у психиатра от самой что ни на есть настоящей, а не надуманной офисной депрессии. Оказалось, что Зина знает сло-

ва «пустота», «утрата». И даже подумывала – «только не говорите мужу!» – оставить девочку себе. Но, увидев «этих людей» в родильном доме, она поняла, что «моей крошке» будет с «ними» хорошо. Зависть она к ним испытывала страшную. Подавляла ментальными аргументами. «Пусть мой ребёнок растёт в богатой семье». Через год Зина появилась у нас снова. В поисках заказа. Основными условиями выставила: с биологическими родителями не встречаться; ребёнка после родов не показывать, сразу уносить. Я с ней «отработал» ещё троих детей. Молдаване получили российское гражданство, перевезли к себе детишек, купили, кроме квартиры, домик. Шатену-шофёру была куплена новенькая среднеклассовая машинка. И знаете, какое фото хранится у Зины в кошельке по сей день? Фото той малышки, которую она первой родила «на заказ». «Смотрите! – показывает она всем это фото с гордостью. – Она лежит на правом боку! Я всю беременность пролежала на правом боку, ну и она, значит, тоже. Моя девочка!». Фотка сделана в родильном доме. Биологические родители подарили эту фотографию суррогатной матери.

– Жуткая история! – Мальцева передёрнула плечами. – Жуткая, в какой из аспектов ни плюнь. Я вообще не понимаю... Ну... Да, брак – это не... Так каким боком тут Зина, и почему эта парочка рожает через

молодую, явно неглупую и слишком красивую девуцу, а не...

– Когда они появились у меня, я предложил им Зину – как имеющую большой опыт и напрочь, в связи с этим, утратившую чувствительность. У Зины даже появился некий, если можно так выразиться, цинизм профессионала. Весь её материнский инстинкт зафиксировался на потрёпанной картинке чужой, первой выношенной ею «на продажу» девочки. Но эти болваны, Светлана Николаевна и Игорь Моисеевич, возжелали личного знакомства. Зина отказалась. Они затребовали Зинину фотографию. Я показал. Ознакомил их с Зининым анамнезом, ничего не скрывая, акцентируясь на главном – она здорова и у неё нет проблем с вынашиванием и родами, что очень важно для их ребёнка. Они покрутили головой, пофыркали и отказались. Потому что Зина...

– Некрасивая и глупая, – резюмировала Татьяна Георгиевна.

– Да. Я долго объяснял им, что дизайн пароварки значения не имеет, пароварка просто должна делать своё дело качественно. Что няня не должна быть красивой, даже если это «няня на время вынашивания». И уж тем более няня ни в коем случае не должна быть эмоциональной, чувствительной или слишком молодой. Но эти... – Сергей Станиславович вы-

держал многозначительную паузу, – вдолбили себе в голову, что у их ребёнка должно быть всё самое лучшее. И что он не будет «донашивать старое». Как будто матка – это комбинезон. Или ползунки. И бывает ношенная или ненашенная. Ей богу, иногда простые люди куда умнее этих – как бы образованных, – Родин задрал голову наверх и погрозил кулаком в потолок.

– Но есть же законодательство, – подал реплику Денисов. – И, насколько я помню, суррогатной матерью может стать только женщина, уже имеющая живых, здоровых детей.

– В законодательстве много дыр, дорогой Александр Вячеславович, – покачал головой заведующий патологией. – Не говоря уже о том, что в нашей стране за деньги всё ещё можно... всё. Например: – он скривился, как от боли. – Например, вынудить неглупого и опытного доктора принимать совместные роды «на троих».

Дверь в ординаторскую резко и широко распахнулась. На фоне тёмного коридора Вера Антоновна в белой пижаме смотрелась зловеще. Особенно учитывая то обстоятельство, что весу в ней было килограммов сто.

– Господи, ну ты прямо каменный гость, Вера! – подпрыгнула Мальцева от неожиданности.

Вера Антоновна уставилась на бутылку коньяка.

– Ну-ка! – скомандовала она интерну, кивнув на объект её пристального взгляда, – налей мне полстакана!

– Антоновна! – Татьяна Георгиевна от удивления шлёпнулась обратно на стул. Дело в том, что Веру Антоновну и в праздники-то было сложно уговорить выпить хоть немного. И тут, прямо в свою смену, на рабочем месте...

– Тань, это какой-то... Это что-то с чем-то! Я не знаю, где Сергей Станиславович их нашёл, но...

– Это они меня нашли! – оправдался Родин.

– Родин, гоните их из родзала. Свету эту чокнутую и Игоря этого тронутого. Девочка Юля для них такое представление даёт, что я уже давно таких не видала. Ребёнка прокликает. Мне-то за что такое на старости лет слушать?!

– За то, что ты акушерка! – строго сказала Мальцева. – А будешь на старости лет жаловаться, так я тебе быстро устрою пенсию!

Денисов поднёс акушерке полную рюмку коньяку.

– Всё, выпила залпом – и работать! – кивнула ей Татьяна Георгиевна.

– Хоть закусить бы чем дали человеку в возрасте, – снизила обороты с возмущённых до кокетливых Вера Антоновна. – И вообще, на такой «блатняк» в следующий раз Марго вызывай.

– Вызову, – елеино заверила заведующая. – Хочешь, сейчас вызову? Сергей Станиславович вам потом почасовку распишет. При расчёте.

– Так, вам, доктора, я смотрю особо делать нечего! – ахнув коньяк залпом резюмировала Антоновна. – А мне работать пора. Без меня эта Юля второй акушерке голову оторвёт.

Вера Антоновна вышла из ординаторской.

– А идёмте все вместе! – через несколько секунд тишины вдруг радостно воскликнул Родин. – Изобразим консилиум, а?! Найдём показания к кесареву...

– Сергей Станиславович, я не понимаю, отчего вы её так стремитесь оперативно родоразрешить, эту суррогатную мать? Акушерки предупреждены. Никаких постнатальных контактов с ребёнком не будет.

– А потому, интерн, что эти идиоты, биологические родители... Эти идиоты... – Родин запнулся. – Потому что эти идиоты хотят выкладывания новорождённого Юлии на живот. Говоря по правде, они хотят не только этого... Они... Они желают нанять суррогатную мать в кормилицы! – наконец выдохнул он.

Мальцева решительно встала.

– Идём!

По семейному родзалу второго этажа, представляющего из себя комнату примерно двадцати квадратных метров, некогда созданную объединением двух

самых обыкновенных палат, с крейсерской скоростью носилась Юлия под ручку с Игорем Моисеевичем. Периодически она резко стопорилась, как пугливая лошадь перед препятствием, и начинала охать и ахать. Не слишком громко, но очень достоверно. И тогда Игорь Моисеевич начинал кружить вокруг Юлии, тереть ей поясницу так, как будто пытался добыть огонь. В углу, на диванчике цвета среднеполосного заката в разгар лета сидела Светлана Николаевна – с трепетным выражением лица, в позе, демонстрирующей ментальную готовность сорваться.

– Светка, воды! – скомандовала Юля.

«Светка» сорвалась с места, подбежала к столику, где были выставлены бутылочки с минеральной водой сортов пятнадцати, разнообразные цитрусовые и шоколад – в количестве, достаточном для месячного обеспечения роты на марше, и дрожащими руками налила в стакан воды. Затем выдавила в него сок половины лимона. И поднесла биологической матери эту термоядерную смесь, более уместную для пациентки с дискинезией жёлчных путей, нежели для абсолютно здоровой, нормальной роженицы. Юленька, сделав глоток, поморщилась.

– Фу, гадость! Опять не те лимоны купила! Сколько раз тебе говорила – азербайджанские надо покупать!

Светлана Николаевна беспомощно глянула на му-

жа, но тот, кинув на жену короткий взгляд, исполненный умоляющего «потерпи!», моментально отвёл глаза.

– Сама пей эту кислятину! Какая ты мать, если не можешь доставить нам необходимого. Мать, ха-ха! Игорёк-то может! Это же ты у нас, – Юленька, смакуя, растягивая, по слогам, произнесла следующее: – репро-дук-тивно не-при-годная!

Светлана Николаевна волевым усилием справилась с собой. Ну, или уже была привычная к подобного рода словесным упражнениям «гестационного курьера».

Татьяна Георгиевна, застывшая было на пороге, с тоской оглядела интерьер, оформленный в полном соответствии со вкусами Маргариты Андреевны («Да что ты понимаешь! Бабы в восторге!» И, что самое ужасное, «бабы» таки были в восторге, и даже родильная кровать в семейном родзале была самого что ни на есть поросячьего колеру), и скомандовала:

– На кресло!

Мальцева редко позволяла себе такой командный тон в отношении рожениц. А также беременных и родильниц. Но практика показывает, что потакание театральщине и истерике до добра не доводит.

Вера Антоновна, слегка расслабившись лицевой мускулатурой, радостно кинулась исполнять. На на-

крытое стерильной пелёнкой кресло водрузилась Юля. С помощью Игоря Моисеевича. Хотя этой молодой, здоровой, сильной девице его помощь – как и чья-либо иная – была нужна, как рыбе зонтик.

– Зачем мне туда лазить? Сергей Станиславович меньше часа назад смотрел! Это всё, – злорадно прокричала она в направлении Светланы Николаевны, – вредит твоему ребёнку! Они ему голову натыкают, а ты потом...

– Молчать! – резко оборвала её Мальцева, надевая перчатки.

Даже Родин чуть не принял стойку «смирно!» – и удивлённо оглянулся на интерна. Александр Вячеславович состроил ему выражение лица: «Ага. И не так может!» Юля от неожиданности заткнулась и даже выпустила из захвата руку Игоря Моисеевича.

Выполнив совершенно, признаться честно, ненужное в данной конкретной ситуации акушерское исследование, Татьяна Георгиевна состроила озабоченное лицо, с треском сорвала перчатки и, со всей серьёзностью уставившись на Игоря Моисеевича, сказала:

– Я должна с вами поговорить. Наедине.

– Чего это такого вы ему будете говорить, чего мне говорить нельзя? Со мной что-то не так?

– С ребёнком что-то не так?! – тут же подскочила к Татьяне Георгиевне Светлана Николаевна.

– Оба. Со мной! – скомандовала Мальцева биологическим родителям и вышла из родзала.

Те перепугано потрусили за ней. Родин и Денисов остались в родзале.

Татьяна Георгиевна спустилась по лестнице на первый этаж. За ней в полнейшей тишине следовали Игорь Моисеевич и Светлана Николаевна. По привычке Мальцева потопала к своему кабинету, но, споткнувшись в коридоре о вынесенную панцирную койку, чертыхнулась и пригласила биологических родителей в ординаторскую.

– Присаживайтесь! – строго сказала она.

Игорь Моисеевич сел на диван. Светлана Николаевна присела на стульчик.

– Что, рядом сидеть уже не получается?

Да, это было зло. Но этим людям в данный конкретный момент меньше всего нужны были сопли в сахаре. Немного отрезвляющего сарказма ещё никому не вредило.

– Вы понимаете, что вы разрушаете свою жизнь? Я понятия не имею, насколько сильно вы привязаны друг к другу, но то, что вы совершили и продолжаете совершать...

– Мы очень сильно любим друг друга. Мы всё вынесем, – тихо, неожиданно красивым, сильным голосом проговорила Светлана Николаевна. И замолчала.

Мальцева немного подождала продолжения, но его не последовало. Игорь Моисеевич сидел, уставившись в точку на полу.

– То, что вы подписали контракт с ни разу не рожавшей молодой девицей, то, что вы продержали её всю беременность под крышей своего дома – уже не исправить. Но ещё не поздно уйти с родов. И – тем более – отменить эту кошмарную глупость, которую вы собираетесь сотворить.

– Какую? – судорожно вздохнув и запустив пальцы в волосы, спросил Игорь Моисеевич.

– Сергей Станиславович сказал мне, что вы планируете нанять суррогатную мать в кормилицы.

– Да, – подтвердила Светлана Николаевна. – У нашего ребёнка будет всё самое лучшее. В том числе – грудное молоко.

– Дикость. Совершеннейшая дикость.

– Грудное молоко – это иммунитет, это все необходимые микроэлементы и...

– Грудное молоко – это еда! – резко оборвала её Мальцева.

– Мы изучили вопрос и...

– Я не собираюсь с вами дискутировать о преимуществах грудного вскармливания. Не в вашем случае. Вы хотите, чтобы ваш ребёнок, созданный с таким трудом и материальными затратами, был... не ва-

шим?

– Мы изучили вопрос, – повторил за женой Игорь Моисеевич, – в нашей стране не было случаев, когда бы суррогатная мать не отдала ребёнка биологическим родителям.

– Ну да, а приоритетное право суррогатной матери в законодательстве прописано ради красного словца. И то, что вы *прочитали*, что в нашей стране не было подобных случаев, ещё не означает, что подобных случаев *на самом деле* не было. План такой: Родин кесарит вашу Юлию. Вы, – кивнула она на Светлану Николаевну, – укладываетесь в послеродовую палату и получаете своего такого желанного ребёнка. Сразу. Безо всяких последующих контактов новорождённого с суррогатной матерью.

– Есть показания к оперативному родоразрешению? – тревожно вскинулся Игорь Моисеевич.

– Нет. Но бумага всё стерпит.

– Кесарево сечение – это плохо. Мы читали, что кесарские дети...

– Ребята! Я не знаю где и какой чуши вы начитались, полагая себя образованными людьми, могущими разобраться в любом вопросе, но за моей спиной двадцать лет акушерской практики. И я могу вам с полной ответственностью заявить, что ни от метода родоразрешения, ни от методики вскармливания не

зависят здоровье, характер, интеллект, а так же судьба и счастье вашего ребёнка! Всё это в куда большей степени зависит от совершенно иных параметров. И сейчас – вот прямо конкретно сейчас! – речь идёт о вашем счастье. О вашем, Светлана Николаевна. И о вашем, Игорь Моисеевич!

– Нет, мы не согласны! – ответила за обоих жена.

– Вы знаете, я еле сдерживаюсь, чтобы не застопориться на манер Хоботова: «Но тебе, тебе-то это зачем? Зачем тебе надо, чтобы...»

Мальцева замолчала, достала из кармана халата пачку сигарет, раскрыла окно ординаторской и, прикурив, глубоко затянулась.

– Можно?

Татьяна Георгиевна кивнула. Светлана Николаевна стала рядом с заведующей и закурила.

Через некоторую паузу, она заговорила:

– Нам действительно очень тяжело дался этот ребёнок. Мы встретились десять лет назад, и все эти десять лет... У нас есть всё: любовь, счастье, благосостояние. Не хватает только ребёнка. Но и у него должно быть самое лучшее.

– Ребёнок – не вещь. Не итальянская кухня и не соболя шуба. Ваш ребёнок, у которого должно быть самое лучшее, может сам оказаться далеко не самым лучшим. И обмену и возврату он подлежать не будет.

И не сочтите меня циничной, но мне не бросается в глаза, что вы слишком счастливы, Светлана Николаевна. Ни одного тактильного контакта с мужем за те четверть часа, что мы с вами общаемся, – она кивнула на Игоря Моисеевича, всё ещё застывшего на диване. – Да и то, что я наблюдала в родзале...

– Это всё временные, ситуативные трудности.

– Ещё одна сильная женщина, – пробурчала себе под нос Мальцева.

– Что?

– Поймите, ребёнок – не щенок. А человек – не собака. Как только Юле приложат дитя к груди, она чудесным образом трансформируется из злобной суки, каковой она вам сейчас кажется, в чокнутую мамашу. Прикладывание, и тем более грудное вскармливание – запустят материнский инстинкт. Прикосновение, запах тела малыша – и гипоталамус с гипофизом сбесятся, органы-мишени дадут мощный фит-бэк – и... И вы не получите своего ребёнка. Генетически своего ребёнка. Вашего ребёнка...

– Доченьку, – чуть не всхлипнула Светлана Николаевна, но тут же справилась с собой, сделав вид, что поперхнулась дымом.

– Вашего ребёнка будет растить чужая женщина. Чужая вам женщина. Что против этого кесарево сечение и искусственное вскармливание? Лучшими, как

я понимаю, смесями, которые можно приобрести за деньги.

Некоторое время женщины смотрели друг на друга.

– Нет. Естественные роды и грудное вскармливание. Я решила.

– Боже мой! Интернет промывает мозги даже не самым глупым людям! – воскликнула Мальцева, щелчком отправив бычок в окно. – Игорь Моисеевич, ну вы-то!.. У кого, в конце концов, в этой семье яйца?! Или... Или вас всё устраивает, и вы уже собрались менять старую жену на новую? На молодую?

– Да что вы себе позволяете?! – вскочил с дивана вышедший из ступора биологический папаша.

– Позволяю себе попытку реанимации вашего мозга! Если для этого нужна шоковая терапия, то...

– Мы давно приняли осознанное информирование решение. Так это у вас называется? Ваши смешные манипуляции не помогут! Наша дочь родится естественным образом и получит грудное молоко. Идём! – резко кинул он жене. – И вообще, бросай курить, это вредно для ребёнка! А если вы позволите себе сделать кесарево сечение без показаний и не выполните всех наших требований, то разбираться будем в суде!

– Я не собираюсь делать вас счастливыми насильно. Это невозможно.

Муж и жена вышли из ординаторской, так и не при-

коснувшись друг к другу. Мало того, в дверях он настолько сильно посторонился, пропуская тощую Светлану Николаевну вперёд, что комфортного прохода с лихвой хватило бы даже для Веры Антоновны.

Всю оставшуюся ночь Юля откровенно издевалась над Светланой Николаевной, пользовала Игоря Моисеевича так, как любимых и любящих мужей далеко не все пользуют, и костерила на чём свет стоит ни в чём не повинное дитя, которое производила на свет. Как ни ждал Родин показаний к кесареву сечению – их не возникло. Биологический папаша возился с суррогатной мамой, а биологическая мамаша чуть не с карандашом, блокнотом и секундомером бдительно контролировала действия врачей и среднего медицинского персонала, тут же набирая в айфоне все не слишком понятные ей слова, произносимые медработниками. Эпидуральную анестезию Юлии выполнить не разрешили. «Она не сможет контролировать потуги!» – отрезала Светлана Николаевна. За что суррогатная мать тут же требовала себе дополнительный материальный бонус наличными.

– Не женщина, а какая-то железная леди! – констатировала к утру Мальцева.

– Железобетонная дура она, эта Светка, – поправила её Вера Антоновна, тяжело вздохнув.

В восемь часов утра суррогатная мать, под послед-

ную серию проклятий, родила здоровую, красивую, голосистую девочку.

Вера Антоновна со словами:

– Поздравляю тебя... вас – с дочкой! – выложила новорождённую Юле на грудь. И тут произошло чудесное преобразование. Вместо: «Вылезешь ты или нет, ублюдок проклятый?!» – Юля внезапно зашептала:

– Ах, ты ж моё солнышко, мой зайчик, моя симпатусенька, Сашенька моя, Сашенька, Са-а-ашенька!

По лицу Юлии катились счастливые слёзы, Игорь Моисеевич гладил новорождённую малышку по щеке. Рванувшая было погладить ребёнка по спинке Светлана Николаевна брезгливо отёрнула руку. Девочка была ещё не обработана.

– Она Лидочка, а не Сашенька! Лида. Лидия...

– Сашуля, Сашунечка, Сашуленька... – лепетала Юля, хныча и сюсюкая.

Новорождённая девочка тыкалась носом в Юлин сосок. Игорь Моисеевич был совершенно счастлив и не обращал никакого внимания на жену.

– Её зовут Лида, – ещё раз, уже гораздо тише и безразличней сказала Светлана Николаевна и посмотрела на своего мужа. Затем тихо вышла из родильного зала. Он этого даже не заметил.

– Потужься ещё раз, родим плаценту, – скомандо-

вала Вера Антоновна.

Через пятнадцать минут, завершив осмотр родовых путей и обработав матку, акушерка ещё раз на автомате брякнула:

– Поздравляю, вот теперь ты настоящая мама!

Родин укоризненно посмотрел на Веру Антоновну. Та в ответ состроила ему мину, явно говорящую о том, что эти проблемы – не её, она свою работу сделала.

– Игорьь Моисеевич, вы бы за женой сходили, – тихонько шепнул Родин счастливому биологическому папаше.

– Что? А? А где Светлана?!

Он ни на что, кроме Юли и новорождённой дочери, не обращал внимания. Юля не обращала внимания ни на кого, кроме девочки.

– Её же у меня не заберут? – тревожно спросила она у осматривавшего дочь неонатолога.

– Нет, абсолютно здоровая девочка. Остаётся с матерью на совместном пребывании, – достаточно равнодушно констатировал тот.

Родин и Мальцева застали биологическую мать курящей на ступеньках приёмного. Вышли. Увидели. Ни слова не сказали. Родин махнув рукой, зашёл обратно в роддом. Татьяна Георгиевна осталась и тоже закурила.

– Она просто не сможет её себе оставить. Она сту-

дентка. И в случае, если... Она должна нам будет вернуть столько денег... Ей за всю жизнь не рассчитаться! Это моя дочь! И она будет жить со мной! Но я... Я... – внезапно у Светланы Николаевны по красивому точёному лицу потекли слёзы. – Я ничего не чувствую. Я знаю, что это моя дочь. Та девочка – моя дочь. Но я ничего не чувствую! Я хотела её потрогать. А она вся в крови, в слизи, в каких-то ошмётках... В Юлиных ошмётках. Какая гадость! Кто я теперь? Кто мы теперь?! Кто мы с Игорем теперь друг другу, и кто нам эта девочка?! Почему он не брезгует гладить её по Юлиной слизи и крови? – Светлана Николаевна судорожно зарыдала и уткнулась Мальцевой в плечо.

– Поплачьте, поплачьте. У нас много синих халатов для выхода, можете совершенно спокойно пускать в его лацканы свои сопли и слёзы. Я не брезгливая. Уж лучше бы вы себе новый порш купили, или в кругосветный круиз отправились, – пробормотала Мальцева, прикуривая следующую от предыдущей. Впрочем, совсем не злобно. Но и не сочувственно. Скорее – просто тоскливо. На кого из нас не накатывает в пред-рассветные часы экзистенциальная тоска?

В последующие два дня Родин, Мальцева и Панин имели сильную головную боль, связанную с подобным извращённым случаем «партнёрских родов». Пока Игорь Моисеевич просиживал штаны в палате

рядом с Юлей и Сашей-Лидой, Светлана Николаевна оббивала порог начмеда, требуя выписать справку о рождении ребёнка на её имя. Поскольку Юлия Андреевна Степанова отказалась отдать ребёнка заказчиком, Семён Петрович Панин не мог дать добро на выписывание подобной справки. За эти пару дней ему пришлось в полном объёме ознакомиться с законодательством на сей предмет. И изучить действительно статистику из реальных источников, заслуживающих доверия, а не из Интернета. В соответствии с реальной статистикой, примерно один процент так называемых – уже на юридическом языке – «заменяющих матерей» поступают подобным образом. Оставляют ребёнка себе. Также Панин выяснил, что некоторые моменты российского законодательства на предмет суррогатного материнства противоречат Брюссельской декларации Всемирной медицинской ассоциации. Так и не смог бедолага Панин понять, что является предметом договора – оказание услуг по вынашиванию или же сам ребёнок. Впрочем, этого не поняли даже юристы, наговорившие ему много умных слов и ссылавшиеся и на статьи 51 и 52 СК РФ, и на статью 127 СК РФ, и на статью 35 СК РФ и даже на Федеральный закон «Об актах гражданского состояния» № 143 – ФЗ (пункт 5 статья 16). Не единожды наорав на Родину за доставленную проблему и

не раз прошипев на Мальцеву за подписанную госпитализацию, Панин вздохнул с облегчением, распорядившись через пять дней выписать абсолютно здоровую родильницу с абсолютно здоровой новорождённой домой. Ну, или куда там...

Выписывались все вместе. Втроём. То есть – вчетвером. Девочка Лида-Саша была укутана в красивое одеяльце и перевязана шикарнейшей лентой нейтральных, спокойных, выдержанных, бежевых тонов. Игорь Моисеевич выносил пупса, под ручку его держала Юля, Светлана Николаевна командовала детскими сёстрами, фотографами и персональным шофёром. Юля и Игорь Моисеевич с Сашей-Лидой сели на заднее сиденье Порше Кайена. Светлана Николаевна села рядом с водителем. Родин трепетно махал ручкой вслед, и когда машина скрылась из глаз, размашисто перекрестился, поклонился в пояс и, выполнив изящное антраша, скрылся в дверях холла родильного дома, откуда и происходила торжественная выписка.

– Свальный грех! – сурово констатировала санитарка приёмного покоя Зинаида Тимофеевна, наблюдавшая за происходящим со ступенек смежного крыла. – Чтобы там ни было между бабами и мужиками, а которая через свою манду снесла – та и мать! – махнула она рукой и с сочувствующей обречённостью негромко выматерилась себе под нос.

Кабинета у Мальцевой всё ещё не было. Как говорится, ремонтные работы набирали обороты.

– Ну и кто я теперь, без кабинета?! – орала на подругу Татьяна Георгиевна. – Что это за заведующая без кабинета?

– Да я тебе такую красоту и порядок наведу, что ты теперь будешь человек, а не бомж!

Как-то поздним вечером, когда Татьяна Георгиевна снова торчала в ординаторской, туда заявился сам начмед, собственной персоной, в хирургической пижаме, и мрачно буркнул с порога:

– Иди мойся. Кесарево. Касаткина из... Где она там лежала?

– Она «там» лежала в седьмой палате второго этажа, – Мальцева выдержала многозначительную паузу. – И где вы только, Семён Ильич, подобную клинику находите?! – ехидно скопировала она Панина, оравшего всю предыдущую неделю на Родину.

– Баба четвёртого ребёнка рождает.

– Ага, четвёртому сожителю.

– Ты мне ни одного не родила.

– Сёма, у тебя трое детей.

– Если бы ты меня любила, ты бы мне родила ребёнка.

– А без детей любви не бывает?

Панин прикрыл за собой дверь ординаторской,

вплотную подошёл к столу, за которым сидела Мальцева, и злобно прошипел в неё:

– Чего ты ждёшь? Чего ты выкобениваешься? В полтинник как звезданёт по крыше – захочешь, а всё! Поезд ушёл. Будешь суррогатную мамашу нанимать? Манго её потчевать и в родах за руку держать? Не хочешь за меня замуж – хоть ребёнка роди!

– Зачем?

– Хочу! Я хочу от тебя ребёнка! – Панин вцепился Мальцевой в предплечья. – Пока мы можем. Чтобы что-то связывало нас крепче, чем... Таня, столько лет. И кто мы теперь? Кто мы теперь друг другу?!

– Семён Ильич, так дети не получатся. Только гематомы. Мы друг другу – заведующая отделением обсервации и начмед родильного дома, – совершенно бесстрастно произнесла Мальцева, став похожей на тряпичную куклу.

Панин отпустил её.

– Через пятнадцать минут в операционной.

Чтобы справиться с собой, пришлось спуститься в подвал, в заветный курительный уголок. Там совершенно не к месту и не ко времени торчал интерн Денисов, в самом неподходящем настроении – распрекрасном. Сама виновата, не надо было его сюда на перекуры таскать. И спать с ним не надо было. И кокетничать. И позволять нарушать субординацию.

– Сейчас будет операция. Можете пойти третьим...

– Я хотел бы быть единственным, Татьяна Георгиевна.

евна.

Мальцева с размаху влепила Александру Вячеславовичу весьма чувствительную пощёчину.

– За что?! – схватился он за щёку не столько от боли, сколько от неожиданности.

– За общий мужской грех.

– Это за какой же из?

– За неуместность.

Кадр двадцать восьмой

Неуместность

Хлопанье биксов, стук металла о металл, беготня санитарок и запахи дезрастворов, как всегда, оказали психотерапевтическое действие. Мальцева успокоилась. И чего заводилась, спрашивается? Сёма – он всегда не в кассу. Такая у него планида. Не вина его, а беда – в соответствии с классикой жанра народной мудрости. Народная мудрость – она же потому и народная, что является результатом тысячекратно переваренной совокупной глупости.

Интерн с сестрой накрывали операционное поле, когда зашла Мальцева. Анестезиолог уже «вырубил» женщину. Таково было распоряжение Панина. И распоряжение это было совершенно оправданно.

Санитарка подала Татьяне Георгиевне халат, сестра – подставила перчатки. Тут, в операционной, заведующая чувствовала себя хорошо. Комфортно. Спокойно. В своей крепости.

«С ума сойти! До чего надо докатиться, чтобы полный покой чувствовать только в операционной, когда на столе лежит полная...»

– Блатняк? – перебил Святогорский мысли Маль-

цевой.

– Начавшиеся срочные роды, поперечное положение гипотрофичного плода, роды четвёртые. И муж у неё, милый друг Аркадий Петрович, тоже, к слову четвёртый.

– У неё?! – Аркадий Петрович Святогорский, заведующий отделением реанимации и интенсивной терапии потешно скосил удивлённые глаза на отключённую от реальности женщину. – Ну и ну! На кого только наш брат не ловится.

– Обрабатываться!

Операционная сестра подала Татьяне Георгиевне корнцанг с турундой, обильно смоченной хлоргексидином.

– Да ладно тебе, Аркаша. Она вполне привлекательная женщина. Мало кто хорош собой на операционном столе.

– Привлекательная?

Анестезиолог приподнял простынку, отделяющую его епархию от хирургических владений, и демонстративно устался на грудь.

– Не-е, сиськи подкачали.

– Трое детей, Аркадий Петрович. Этот, – Мальцева кивнула на не слишком возвышавшийся живот, – четвёртый. Дети от разных мужей.

– Господи, зачем же столько?

– Говорит, цитирую: «Для скрепления отношений в семье нужен ребёнок!»

– Сильно предыдущими-то скрепила! – загоготал Святогорский.

– Ну и где Панин?! – чуть раздражённо в пространство операционной спросила Татьяна Георгиевна.

– Здесь я!

Панин стремительно вошёл, моментально влетел в халат, совершенно молниеносно вделся в перчатки, занял место хирурга и зыркнул из-под маски на Александра Вячеславовича, стоявшего по другую сторону операционного стола рядом с Татьяной Георгиевной.

– Можно работать, – коротко и по-деловому сказал анестезиолог.

– Скальпель!

Операционная медсестра подала начмеду скальпель. Семён Ильич быстрыми движениями, в которых не было ни малейшей спешки, а лишь талант, который годы опыта превратили в мастерство, послышно вскрыл переднюю брюшную стенку. Операционная сестра подавала инструменты без лишних команд. Татьяна Георгиевна промокала рану салфеткой. Интерн благоразумно положил руки поверх операционного белья и не вмешивался в этот до автоматизма доведённый процесс, каковым он бывает в давно сложившихся операционных бригадах. Никто не говорил

лишнего, не балагурил. Святое правило акушерской операционной: до извлечения плода тишина, прерываемая только по делу. Это в кино хирург и ассистент могут смотреть друг другу в глаза, переговариваться и... Нет, конечно, переговариваться они могут. Но смотрят они в рану и только в рану. Бросить выразительный взгляд – сколько угодно, но играть в гляделки... Ну да на то оно и кино. Да и операционные бывают разные. Но в операционной родильного блока до извлечения плода – тишина! Без надобности не нарушаемая.

В операционную тихонько втёк Владимир Сергеевич Ельский, заведующий отделением неонатологии и детской реанимации. По своему обыкновению, хмурый. Но плескавшиеся в его прищуренных глазах байроновская обречённость вкупе с вольтеровским сарказмом, говорили о том, что он в прекрасном настроении.

Панин извлёк плод, Мальцева наложила зажимы на пуповину, интерн перерезал. Гипотрофичный плодик вяло замяукал.

– Мальчик. Два кило, рефлексы понижены, – сказал Панин.

Ельский ловко подхватил похожего на лягушонка-переростка мальчика с выраженными признаками незрелости и удалился с ним за свой столик.

– На углы!

Операционная медсестра подала Семёну Ильичу иглодержатель с заправленной нитью.

– Матку ушью – и продолжите со своим интерном, – не глядя на Татьяну Георгиевну, сказал Панин.

– Он не мой, – ответила Мальцева, беря края разреза на матке на зажимы и, разумеется, не поднимая глаз на Семёна Ильича.

На столике у неонатолога мяуканье стало громче, преобладали обиженные визгливые нотки.

– Пониженные – не повышенные! Кило девятьсот, подвёл тебя глазомер, Семён Ильич – доложил Владимир Сергеевич.

Обычно Панин называл вес плода с точностью плюс-минус пятьдесят граммов. Ничего необыкновенного в этом не было. Это любой грамотный акушер может.

– Так я не понял, Сёма! Это что за такой страшный блатняк, что ближе к ночи начмед оперирует, заведующая ассистирует. Да и мы с Ельским как-то разом неуместно дежури́м. Прямо элитная светская вечеринка, а не рядовая смена!

Мальцева была благодарна Святогорскому, сменившему тему. Благо с ребёнком всё в порядке. Да и в ране – тоже. И зачем она лягнула: «Он не мой!»?

– Да, такой страшный блатняк, что блатнее не бы-

вает. По «Скорой» поступила пару дней назад. С фингалом под глазом. Необследованная.

– Если верить записям в истории родов, её должны были прооперировать планово, до наступления родовой деятельности. Проворонили?! – в тоне Ельского звучали перманентная подозрительность неонатолога к акушерам-гинекологам вместе со всегдашной лёгкой ноткой оттенка «я так и знал!».

– Не заноси руку для удара, Володя. У нас и так вся спина ножами потыкана, – парировала Мальцева. – У дамы муж работает вахтами. Она вчера вечером к нему домой на свиданку рванула несанкционированно. Любовь...

– Это тот муж, который поставил фингал под глазом?

– Он.

– И после того, как вы прокапали ей токолитики, она с ним любовью занималась?

– Я думала, ты спросишь: «И после того, как он поставил ей фингал под глазом, она с ним любовью занималась?»

– Таня, я взрослый мальчик. Для большей части женского населения этой страны фингал – стигма неземной любви. Из-за чего такая гипотрофия?

– Мадам курила, как паровоз. По две пачки в день. А в тумбочке у неё стояла бутылка водки – она на

ночь принимала по стопарю. Чтобы расслабиться. Это ещё помимо отягощенного акушерско-гинекологического анамнеза, – ответила неонатологу Мальцева.

– Она что, врач? – сумеречно проскрипел Ельский, что в его исполнении означало залиvistый хохот.

– Переводчик с французского.

Владимир Сергеевич присвистнул.

– Не свисти! Денег не будет! – строго осадил Святогорский.

– Новорождённого забираю в реанимацию.

– Показания? – спросила Мальцева.

– Статью с французского надо перевести.

– Всё, я закончил! Становитесь, Татьяна Георгиевна!

Панин с треском стянул перчатки, швырнул в таз и вышел из операционной. Вслед за ним ушёл и Ельский, унеся с собой младенца. Обычно он посылал за новорождёнными детских медсестёр – конечно же, в тех случаях, когда не было необходимости в неотложных реанимационных мероприятиях. В данном конкретном случае такой необходимости не было. Тот факт, что Владимир Сергеевич самолично обработал, запеленал и транспортировал новоявленного мальчонку, запелляционно свидетельствовал: сегодня дежурной детской медсестрой была его молодая жё-

нушка под очередным порядковым номером. И она, вероятно, уже погрузилась в глубокий сон в кабинете мужа. И значит, сегодня Ельский всю ночь пробдит у боксов и даже гигиеной младенцев будет заниматься самостоятельно. Какая честь – без пяти минут доктор наук попу моет и памперсы меняет. Впрочем, у людей память коротка, а у едва появившихся на свет людей её и вовсе нет. Какие уж тут перинатальные матрицы, если выросшее дитя госпожи Касаткиной даже под ЛСД не вспомнит, что высокомерный себялюбец и надменный гордец Владимир Сергеевич Ельский ему задницу надраивал.

Некоторое время работали в полной тишине.

– Александр Вячеславович, становитесь на моё место, шейте мышцы, – скомандовала Мальцева, ушив брюшину.

– Я и на своём могу.

– Вы что, амбидекстр?

– Что-то вроде того. Я – левша, владеющий правой рукой. Вы разве не заметили, Татьяна Георгиевна?

– Я! Я заметил! – поспешно выступил Аркадий Петрович, не давая возможности своей старой подруге брякнуть очередную глупость. Чем не в первый раз сохранил её достоинство. В операционной бригаде есть медсёстры, анестезистки и санитарки. А они ещё языкатее, чем врачи. – Я заметил, что вы одинаково

владеете и правой, и левой. Вас что, родители переучивали?

– Нет. Я сам. В порядке эксперимента. Когда я понял, что подавляющее большинство окружающих правши, я решил, что подобное умение и мне не помешает.

– Чтобы не выделяться? – поинтересовался анестезиолог.

– Чтобы в случае необходимости – умело замаскироваться, – рассмеялся интерн.

– Мышцы можно так не вышивать. Они или срастятся. Или нет.

Мальцева сама себя тут же отругала за придирку. Будь напротив неё другой интерн – он наверняка бы получил замечание по поводу «сикось-накось». Она сама была воспитана школой поклонения максимальной анатомичности восстановления. Зачем она до него докапывается? Решила – вон, значит – вон! А для того, чтобы из сердца вон, необходимо что? С глаз долой. Надо пойти к профессору Денисенко и попросить перевести интерна в другое отделение. А ещё лучше – на другую клиническую базу. К профессору очень не хотелось идти по целому ряду причин, но Александра Вячеславовича надо удалить из поля зрения. Слишком раздражающий фактор. Не хочется портить жизнь ни себе, ни ему. Надо пойти. Как-то...

Как-нибудь. На той неделе.

– На апоневроз!

– Слушай, что, правда четыре мужа у этой... переводчицы с французского? – ещё раз внимательно посмотрел Святогорский на лик дамы, переведенной на самостоятельное дыхание.

– Аркаша, она прыгает!

– Добавь в вену, – скомандовал Аркадий Петрович анестезистке.

– Правда. Только она ни одного из детей на мужей не записывала.

– Почему? – удивился Святогорский.

Татьяна Георгиевна вопросительно посмотрела на интерна.

– Говорит, детей на мужей записывать невыгодно. Алиментов от них не дождёшься, а так государство хоть какие-то деньги платит – как матери-одиночке, – ответил анестезиологу Александр Вячеславович.

– Вы откуда знаете такие подробности? «Доктора Хауса» насмотрелись? – удивился Аркадий Петрович.

– Нет, просто уважаю анамнестические детали.

– Он не нарочно! Наши бабы Денисова очень любят! Часами его в палате держат! – не удержалась от саркастической ремарки ассистирующая интерну заведующая.

– Донати? – уточнила спрятавшая улыбку операци-

онная медсестра.

– Косметику можно. Она тощая.

– Александр Вячеславович, косметику накладывают не тощим или толстым, а тем пациенткам, кого слово «косметика» гипнотизирует. Кстати, по Донати заживление физиологичней. Вы же понимаете, что косметика – это лишний шовный материал в ране. А если регенерация на уровне – следы от Донати совершенно не заметны. Или вам лень швы снимать?!

После наложения асептической клеевой повязки и обработки влагилица Мальцева сказала традиционное:

– Кровопотеря пятьсот, моча по катетеру светлая, двести миллилитров, всем спасибо. Александр Вячеславович, историю запишете и мне на подпись.

Святогорский приводил в себя госпожу Касаткину.

– Лёша приехал? – прохрипела она перво-наперво.

– Поздравляю, у вас мальчик! – радостно возвестил анестезиолог. – Маленький мальчик. И говоря «маленький» – в данном случае – я имел в виду не возраст. Кило девятьсот, сорок семь сантиметров.

– Лёша, говорю, приехал?! – никак не прореагировала мамаша.

– Ху из у нас Лёша?

– Лёша у нас муж, – ответил за родильницу интерн.

Касаткину пришлось снова вырубить, потому как

она стала кашлять, крыть всех оставшихся в операционной матом и требовать немедленно впустить к ней мужа. Который, сказать по правде, попросту не прибыл. Хотя, судя по её текстам, крепко-накрепко обещал.

В час ночи Мальцева, Святогорский и Денисов сидели в ординаторской обсервационного отделения и пили кофе.

– И долго ты бомжевать будешь? – спросил Аркадий Петрович.

– Марго обещала закончить через неделю. Она меня в кабинет не пускает, со мной не советуется, потому я подозреваю самое худшее.

– Натяжной малиновый потолок, фиолетовая мягкая мебель в лиловую рюшечку, бордовые занавеси и вопиюще сиреневое ковровое покрытие! – заржал Святогорский.

– Наверняка, – тяжело вздохнула Мальцева. – И как из этого всего выпутаться – я не имею ни малейшего представления. Как Касаткина?

– Стабильна. В ОРИТ её отправлять показаний нет, так что... Так что господин интерн пусть с ней всю ночь сидит, за ручку держит, пока мы её Лёшу разыскиваем.

– Вы допили кофе, Александр Вячеславович? – официально спросила Татьяна Георгиевна.

Интерн встал, вымыл свою чашку, поставил в

шкафчик, с лёгкой улыбкой кивнул Татьяне Георгиев-не и Аркадию Петровичу и вышел из ординаторской.

– Зачем ты так с парнем? – несколько укоризненно поинтересовался Святогорский, едва за Денисовым закрылась дверь.

– Он тут не парень. А врач-интерн.

– Ясно. Вся в букву ушла?

– Если дух не будет хотя бы изредка цепляться за букву – он унесётся неизвестно куда. И это может закончиться очень плохо.

– Для кого? Для тебя? Не смей меня.

– Для него!

– У тебя что, Татьяна Георгиевна, материнский инстинкт проклюнулся? Не надо, не порть себя, не превращайся в женщину-мать.

– Фу, Аркаша! Ну, уж ты-то мне возрастом не тыкай! Ты куда постарше меня будешь!

– Вот дура! Причём здесь возраст? Женщина-мать – это не возраст, а диагноз. Женщина-мать – особа, беспрестанно заботящаяся о своём мужике и доводящая его таковой заботой до абсолютно инфантильного состояния. У иных особей мужского пола имеется, конечно же, иммунитет! – он гордо выпятил грудь с торчащими из-под пижамы седыми волосами. – Но у очень редких. – Святогорский вздохнул и ссутулился обратно. – Когда Лёле было три годика, моя мне писа-

ла длиннющие инструкции. Чем Лёлю на завтрак накормить – и как это разогреть, во что Лёлю одеть, какими маршрутами Лёлю в детский садик вести, что сказать воспитательнице. И так далее. Как будто мужик в здравом уме и трезвой памяти не может... – Аркадий Петрович махнул рукой. – Лёля уже давно Лёлице. Так мамаша продолжает нести доблестную вахту. Запиливает и дочь, и зятя, и пятилетнего внука. Разве что со свечкой к ним в спальню не врывается. Живут, слава богу, отдельно. Не то и там бы, в опочивальне, советы давала. Всем обрыдла. Скоро своего добьётся – дочь с ней общаться перестанет. Да и сейчас не из любви, а из чувств благодарности и вины, кои моя исполняющая обязанности всевышнего⁵ культивирует с болезненным сладострастием.

– Сублимирует, – расхохоталась Мальцева.

– Танька, я не потому импотент, что моя супруга бревно, а потому, что возраст подошёл. Каждому делу – своё время. А по молодости я, было дело, прыгал налево. И направо прыгал. И наискосок. По разным, в общем, траекториям. Потому что невозможно заниматься этим делом с женщиной, которая в предкульминационный момент говорит: «Молоко забыла в холодильник поставить!» или «Аркаша, ты газ на тру-

⁵ О жене Святогорского написано в книгах «Роддом. Сериал. Кадры 1-13» и «Роддом. Сериал. Кадры 14—26».

бе закрутил?» Ты, Мальцева, прекрасна именно своей безголовой женственностью. И не старайся заботиться хоть о ком-нибудь. Тем более – об интернете. Он взрослый мальчик.

– Забавно.

– Что?

– Ельский и Родин меняют жён. Но, подозреваю, они им – до смены обстоятельств – верны. Вы с Паниным – всю жизнь живёте в благопристойном благополучном браке, но жёнам изменяете.

– Ельский просто очень влюбчивый.

– Да ну!

– Говорю тебе! Под его нарочитой презрительностью таится нежный оленёнок...

– Если Ельский – оленёнок, то я...

– Ты тоже оленёнок. Ты, кстати, мало чем от него отличаешься. Та же надменность, та же холодная насмешливость. Ну и так далее. С поправкой на пол, разумеется. А Родин – он человек крайне увлекающийся. Отсюда и...

– И чем же отличается мужчина очень влюбчивый от своего собрата крайне увлекающегося?

– Вот, вы опять усмехаетесь, Татьяна Георгиевна. Хотя со мной, своим старым – во всех смыслах – другом, в этом нет никакой необходимости. А если бы ты серьёзно относилась к своему старому дяде Аркадию,

он бы тебе объяснил, что разница есть. Колоссальная разница!

Мальцева встала из-за стола, подошла к дивану, на котором сидел Святогорский, и нежно поцеловала его в щёку.

– Я очень серьёзно отношусь к своему старому дяде Аркадию, – сказала она, забирая у него чашку. – Ещё кофе?

– О, нет. Достаточно просто плеснуть коньяка в последки... Да, спасибо, дорогая, – он принял чашку обратно. – Можно было не так щедро, ну да ладно... Ельский никогда и ничего не рассказывает о бывших жёнах. Почему?

– Он вообще не слишком общителен, – Татьяна Георгиевна пожалала плечами.

– Нет! Потому что для Ельского бывшие жёны – отработанный материал. Изжившая себя страсть. Мусор, подлежащий утилизации. Родин, напротив, – постоянно тараторит о бывших. Любовь прошла, а увлечённость – нет. Родин увлечён своей жизнью. Ельскому просто нравится состояние влюблённости.

– Всё это, Аркаша, не более чем досужая ночная болтовня.

– И не говори! Как будто нам заняться больше нечем! – рассмеялся анестезиолог. – Родин мне нравится.

– Мне тоже.

Святогорский подозрительно прищурился в Мальцеву.

– Ой, перестань! – отмахнулась она. – У нас гендерное равенство, между прочим! Я не щурюсь в тебя, вот и ты меня избавь от подозрений.

– Гендерное, но не сексуальное!

– Сергей Станиславович не входит в круг моей избирательности. Я не могу себе представить, как можно заниматься любовью с рыжим толстячком.

– Любовью можно заниматься даже с тубиком крема для загара, что недавно подтвердила очередная пациентка, обратившаяся в приёмный покой с жалобами на невозможность самостоятельно извлечь инородный предмет из влагалища. Кстати, – он понизил голос до доверительного шёпота, хотя в ординаторской никого, кроме них, не было, – на Родина уже открыла охоту Засоскина.

– Будет официальным «моим мудаком» номер четыре? Или уже пять, я запомнила?

– Очень даже может быть, что и будет. Уж слишком он сопротивляется, а это нашу Оксану лишь дополнительно заводит. Как и любую женщину, которой мужчина недоступен по тем или иным причинам! – Святогорский многозначительно посмотрел на Татьяну Георгиевну.

– Мне доступен и Панин. И интерн. Не надо этих неуместных намёков.

– Ладно. Уж и пошутить нельзя. Но Родин умён. И вовсе не так прост, как может показаться. Оксана Анатольевна нынче пребывает в стадии внимательного выслушивания всех перипетий семейных жизней Сергея Станиславовича, и знаешь, что он ей сказал на предмет своей последней экс-жены?

– Понятия не имею.

– Он сказал: «Моя третья супруга относится к той категории женщин, которые каждый год покупают себе новый велотренажёр».

Татьяна Георгиевна расхохоталась.

– Она прониклась?

– Полагаю, да. Хотя в условиях обозначенной цели весьма неглупой Оксане Анатольевне иногда отказывает соображение. Впрочем, мало кто даже из самых умных женщин способен раскусить ядовитость, особенно когда она запущена точно в цель. Возможно, именно поэтому женщины такие живучие.

В ординаторской зазвонил внутренний телефон.

– Да? – моментально подняла трубку Татьяна Георгиевна. – Тьфу ты, господи! Напугал! Что, сейчас зайти? Ладно, иду.

– Панин? – скорее утвердительно, нежели вопросительно произнёс Святогорский, поднимаясь с дивана.

на. – Ноги домой не несут?

– А вот Панин какой? Очень влюбчивый или крайне увлекающийся?

– Панин – однолюб, Татьяна Георгиевна, – серьёзно ответил Аркадий Петрович.

– Смешно.

В кабинете начмеда был разложен и застелен диван. Сам Семён Ильич был одет в цивильное. В джинсы и свитер. Что сразу делало его домашним и уютным. Он был очень хорош собой, не отнять. И даже став дедушкой, он не перестал быть хорош собой.

– Мы что, начнём заниматься этим прямо у тебя в кабинете? – удивлённо вытаращилась Мальцева на свежие простыни и откинутый пододеяльник в мелкий голубой цветочек. – Откуда такая пошленькая расцветка? Ты решил создать иллюзию семейной жизни, которую призвано символизировать это ложе?

– Дура! Я еду домой. А ты ложись и спи. Не то будешь со своим интернетом до утра свистеть.

– Можно было так не стараться. Я одна всё ещё отлично помещаюсь на неразложенном диване. Или тебя моторика подвела? Под официальную супругу стелил?

– Дура, – уже куда более ласково сказал Панин.

Он надел куртку, подошёл к Мальцевой и поцеловал её в щёку.

– Твой сарказм неуместен. Я уйду – перекури в окошко и ложись спать.

– Ты не спрашиваешь, как кесарская?

– Я к ней заходил. Она стабильная. При ней интерн. Через неделю мы отправляемся в Питер на конференцию по вопросам урогенитальных инфекций.

– С интерном? – глупо переспросила Мальцева.

– С тобой.

– Ладно, – согласно кивнула Татьяна Георгиевна.

Панин протянул ей ключи от кабинета и, не оборачиваясь, быстро пошёл к выходу. Едва он закрыл за собой дверь, она как-то внезапно обмякла, обесилела и с какой-то даже неожиданной и неуместной радостью подумала, что это очень здорово – побыть пару дней вдвоём с Сёмой. Пусть даже и на конференции. Наверное, она просто очень устала. Не было сил на язвительные мысли, не было сил на... Ни на что не было сил. Она легла на диван и моментально уснула. Необходимости ставить будильник – никакой. Как только санитарка начнёт убирать коридор обсервации – Татьяна Георгиевна откроет глаза и моментально вернётся в ясное состояние сознания, что твой Штирлиц. Хотя кабинет начмеда от её владений отделяет звуконепроницаемая дубовая дверь, коридор холла, дверь в коридор, расходящийся в направлениях акушерской и детской обсервации,

и дверь в собственно отделение. Так собака, запертая в квартире на шестнадцатом этаже, чует подъехавшего на стоянку хозяина – недоступным, непонятным, неуместным для нормальных людей шестьсот шестьдесят шестым чувством.

В послеродовой палате прооперированная Касаткина крепко держала за руку Александра Вячеславовича и глядела на него влюблёнными глазами.

– Правда я выгляжу гора-а-аздо моложе своих тридцати пяти? – ворковала она сквозь забомблённое медикаментами сознание. – Моей старшей дочери – пятнадцать лет, вы бы могли поверить?! – совершенно неуместно хрипло хихикала пациентка. – Вы бы дали мне тридцать пять лет? Вы бы ни за что не дали мне тридцать пять лет!

Похоже, что ответной реакции ей не требовалось вовсе. Эндорфиновому откату возбуждённого гипоталамуса было достаточно присутствия красивого молодого врача. Любая из женщин после родов способна к полному уходу в отрыв от объективно существующей реальности. Кто-то в меньшей степени, иные – в большей. Но колоссальный всплеск гормональной продукции на женской «фабрике», достаточно быстрое перепрофилирование всех органов и систем в совершенно иной режим функционирования создают плотное, удушливое, нейрогуморальное об-

лако вокруг любой самки, простите за совершенно бесхитростную и потому не оскорбительную констатацию факта. Подавляющее большинство моментально становятся стебанутыми матерями – и готовы изводить любого подвернувшегося под руку утомительными деталями и чуть ли не поминутным таймингом процесса родов (именно подобные экземпляры затем с неослабевающим упоением описывают первые «покаки», качество и количество срыгиваний, слюней, соплей и прочих особенностей бессонных ночей и прикладывания к «сисе», и увлекаются своими «самыми необыкновенными» детьми настолько, что перестают самоидентифицироваться – и вместо полноценного, солидного, надёжного «я», вводят в устойчивое употребление глупое, нелепое, размытое «мы»). Некоторых послеродовое состояние приводит в настороженную готовность к влюблённости – и они замирают в этом своём предчувствии на некоторое время, как сеттер, почуявший перепела. И стоит только подвернуться подходящему объекту, как хвост... то есть «все фибры души» – начинают дрожать, и непрерывные ментальные и духовные мультиоргазмы способны довести подобную дамочку до лёгкого идиотизма. По счастью – временного. Впрочем, оргазмы иногда встречаются и самые что ни на есть физиологические. Например, во сне. Что иногда крайне пугает

первородок, хотя из последствий разрешения от беременности эта опция далеко не самая пугающая. Это как раз нормально.

Родильница Касаткина, судя по всему, относилась к категории гормонально готовых к эйфоричной влюблённости. Муж так и не появился – и миновав стадию гнева с помощью седации, она по полной отрывалась на Александре Вячеславовиче.

– Первый раз я вышла замуж по большой любви! По огромной! Ах, вот это была страсть! Вы себе не представляете, что это была за страсть! Мы не были расписаны, но мы были мужем и женой! Сейчас он сидит за убийство. Он много пил, мы постоянно ругались, родилась дочь, денег не было, я что-то зарабатывала переводами, он меня бил, деньги отбирал, четырёхлетняя наша Алисочка аж синяя была – такая тощенькая, мы поругались, он ушёл в ночь. И теперь сидит за убийство! – с какой-то нечеловеческой радостью рассказывала Касаткина, терзая большую, красивую, сухую ладонь интерна Денисова своей взмокшей птичьей лапкой.

Александр Вячеславович приподнял брови и с интересом посмотрел на родильницу. Затем глянул на монитор. Давление и пульс были немного выше нормы. Ничего удивительного. Аккуратно высвободившись, он подошёл к столику с медикаментами, достал

шприц, вскрыл ампулу, набрал содержимое – и медленно ввёл в жилу внутривенной системы.

– Вам надо успокоиться, – ласково сказал он.

– Ах, доктор! Сядьте, возьмите меня за руку! Мне так хорошо с вами! – щебетала утихающая Касаткина.

За ночь интерн Денисов всё узнал и о сожителях номер два, три и четыре. Второй, по словам Касаткиной, был приличным человеком. Они родили с ним девочку, и он ушёл из-за её, Касаткиной, загулов. В смысле, после вторых родов она внезапно осознала, что очень привлекательная женщина. Номер три был полным подонком. Но от него родился потрясающий мальчик. Ему сейчас шесть. И в отличие от пятнадцатилетней шалавы, которую бдительная мама Касаткина недавно за руку отвела на аборт, и тринадцатилетней бесцветной бессловесной дуры – младшей дочери, которая ничего из себя не представляет вообще, – парень серьёзный и вдумчивый. Касаткина учит с умным сыном английский и французский и называет его исключительно «Анатолий». И вот четвёртый. Муж. Хороший. Добрый. Немного бьёт её, но это не так важно, потому что он катает Анатолия на санках, играет с ним в шахматы и недавно выпорол пятнадцатилетнюю дочурку. Ну, ту, что от убийцы.

Хочешь узнать женщину – проведи с ней ночь после родов. Хочешь узнать женщин – становись вра-

чом акушером-гинекологом. Психологическое образование получишь непосредственно в траншеях на передовой.

Утром в палату зашёл Ельский и мрачным тоном пробубнил, что с мальчиком Касаткиным всё в порядке, соответствует суткам послеродового периода и, если мать себя хорошо чувствует, может находиться на совместном пребы...

– Вы же ещё ко мне придёте, доктор?! – пронзительно захрипела мамаша вслед уходящему из палаты Александру Вячеславовичу.

Ельский только махнул рукой и, не закончив фразы и не удивившись, никак не прокомментировав отсутствие интереса к новорождённому, тоже удалился.

– Ах! – мечтательно закатила глаза родильница. – Сколько мужчин! Красивых мужчин!.. Но где же этот штопаный гандон?! – злобно просипела она после.

Нащупав мобильный телефон, Касаткина потыкала кнопки, приложила его к уху и, помолчав несколько секунд, запела:

– Алёшенька, любимый, ну где же ты? У нас чудесный мальчик! Здоровый чудесный мальчик! Только немножечко худой. Ты же приедешь?.. Да-да, я понимаю, ты устал после смены и... – она кокетливо захихикала. – После наших предродовых упражнений. Они же меня, сволочи, прокесарили, как только я вер-

нулась!.. Да, управы на них нет!.. Ну, прости, прости, что разбудила. Ты как выпишься и поешь, сразу приедь. ... Да нет, мне ничего не надо. Разве только сигареты. Они у меня отобрали и сигареты, и водку! Ты же знаешь, я не могу заснуть без маленькой рюмочки. Всю ночь не спала, чем меня только не шпиговали! Ну всё, люблю, люблю...

Нажав отбой, Касаткина моментально уснула, крепко стиснув в руке телефон. Было ровно пять часов утра. В кабинете начмеда раскрыла глаза Мальцева. В двери приёмного покоя стремительно вошла Марго.

– Мальцева в роддоме?

– Доброе утро, Маргарита Андреевна, – не отрываясь от швабры, Зинаида Тимофеевна поприветствовала старшую акушерку обсервации. – В роддоме, где ж ей быть! Так тут и состарится, дура, – беззлобно сказала санитарка. – Дрыхнет у Панина в кабинете. – Она кинула взгляд на круглые часы, висящие на стене. – Проснулась уже, наверное.

– А Панин?

– А Панин дома дрыхнет, Маргарита Андреевна.

– Чего так?

– А устали они друг от друга, Рита, устали.

– Тоже мне, знаток человеческих отношений! – хмыкнула Маргарита Андреевна. – Почему акушерка не на посту?! Ко мне сейчас клиентура поступит! Да-

вай, буди!

– Да не спит она! В лабораторию пошла, за анализами.

Но Маргариты Андреевны уже и след простыл. Старшая акушерка обсервации могла перемещаться со скоростью гоночного болида. Среди врачей даже ходили слухи о её способности к нуль-транспортировке.

– Знаток – не знаток, – проговорила санитарка, опершись на швабру, – а когда баба и мужик друг от друга устают – знаю. И когда, отдохнув, снова начинают друг друга поедом есть – тоже!

И Зинаида Тимофеевна погрозила кулаком куда-то вбок, совершенно непонятно, кому и за что. Затем, воровато оглядевшись, перекрестилась на часы.

– Надо из дому иконку принести. Везде понаразвесили, а на входе... Как они только живут? Дёргаются, ёрзают туда-сюда, размножаются, суетятся. А бога нет ни в ком. Неуютно в них богу. Холодно. Темно. Стыдно.

Санитарка посмотрела в окно на предрассветную мартовскую тьму, издала что-то среднее между презрительным «а!» и мрачным протяжным «о-о-о...», оставила доморощенную философию и вернулась к надраиванию полов. Потому что в пять утра в приёмном покое родильного дома надраивание полов – са-

мое что ни на есть уместное занятие. Тут бы даже бог не возразил. Если бы ему было до этого дело, конечно же.

Кадр двадцать девятый «Я же его люблю!»

В приёмном, примостившись на краешке стула, сидела худая, утомлённая женщина лет сорока. Может, тридцати восьми. Хорошо потрёпанных тридцати восьми-сорока лет. Рядом с нею, охая, перетаптывалась юная тощая девица с выдающимся животиком. Обе выглядели испуганно.

– Паспорт и обменную карту! – размяла связки дежурная акушерка.

– Мы к Маргарите Андреевне, – извиняющимся тоном тихо пробормотала женщина.

– Но паспорт и обменная карта всё равно нужны, – смилостивилась та, став елейней. Не от сострадания, разумеется. А заслышав имя-отчество великой и ужасной всемогущей старшей акушерки обсервационного отделения Маргариты Андреевны Шрамко. А где Шрамко – там и Мальцева. Ну их! Если это их клиент, то и разговаривать можно помягче, колпак не свалится.

– Паспорт есть, а обменной карты нет, – вскочила худая женщина.

– Нехорошо! Почему не обследовались?

– Мы, это... – дама дрожащими руками достала из сумочки паспорт и протянула его акушерке приёмного. – Сначала я не знала, а потом, когда она уже сказала... Ну и к тому же беременность – не болезнь! Чего лишний раз врачей тревожить?

– Да не ваш паспорт! – изучив не только фамилию-имя-отчество, но и странички с прописками и семейным положением, акушерка вернула документ. – Не вы же рожаете!

– Ой, ну да. Я думала... Она же моя дочь.

– Взрослая уже девочка. Вон, рожать пришла.

Женщина извлекла из сумочки ещё один паспорт, по дороге уронив на пол дешёвую пудреницу. Та расколотилась вдребезги.

– Аккуратней нельзя?!

– Извините, – покраснела женщина и, неловко присев на корточки, стала собирать осколки.

– Оставь, милая! – всплыла в предбанник приёмного покоя Зинаида Тимофеевна. – Я сама. А ты чего тут из себя директора Советского Союза строишь?! – рывкнула она на акушерку.

– Ой, девочки, больно! – махом записав в «девочки» и молоденькую акушерку, и собственную мать, и пожилую санитарку, запрыгала на одной ножке юная роженица, придерживая обеими руками живот.

Из наблюдательной смотровой приёмного покоя в

предбанник вошли Маргарита Андреевна и Татьяна Георгиевна.

– Вот, Татьяна Георгиевна, Катенька и Катенькина мама! – нежно заворковала Маргарита Андреевна.

– Татьяна Георгиевна, садитесь! – акушерка вскочила со своего стула.

– Спасибо, сидите. Обменная карта? – обратилась она к дамам.

– У нас нет, – проблеяла Катина мама, пока Катерина охала и прыгала по предбаннику приёмного покоя.

Акушерка мухой состроила лицо фасона «я же говорила!» и укоризненно адресовала его Катиной маме.

– Ладно. По крайней мере, есть показания к обсервации. Наберите кровь на РВ, ВИЧ и австралийский антиген. И... – она пристально посмотрела на Катю, всё ещё прыгающую на одной ножке, – в короткой курточке и обтягивающей короткой же юбчонке, совсем не соответствующих ни погоде, ни Катиному состоянию. – И измерьте таз. Тщательно, все размеры. А не абы как на глаз!

– Татьяна Георгиевна, я сама всё сделаю, не волнуйтесь! Идите, мы тут сами справимся. Через полчаса будет в родзале, туда и приходите! – заголосила Марго тоном пионерки-отличницы.

Мальцева кинула на подругу очередной испепеля-

ющий взгляд. Но Маргоша была огнеупорная.

– Маргарита Андреевна, когда переведёте Катю в родзал, зайдёте ко мне в каби... Зайдёте ко мне к себе в кабинет! Всё! С этого момента я работаю в вашем кабинете!

Татьяна Георгиевна подошла к старшей, вытянула правую руку и несколько раз прожестикуюлировала, сжимая и разжимая ладонь. Маргарита Андреевна со вздохом вынула из кармана связку ключей и отдала заведующей.

В кабинете Маргариты Андреевны невозможно было пройти из-за каких-то коробок, упаковок, карнизов, тюков и подобного прочего. Мальцева с испугом обзрела карнизы, увенчанные вычурными заглушками, и содрогнулась. Наверняка этот нелепого вида девайс предназначался для её кабинета. Она прошла к Маргошиному столу, оживила лептоп и решила изучить, что там за конференция по урогенитальным инфекциям. Стоило бы, конечно, послать туда Маковенко как молодого ординатора, но раз начмед решил, что ехать должна заведующая, и так собаку съевшая в обсервации на этих самых инфекциях, – то так тому и быть. Наверняка присутствовать они с Сёмой будут только на сходке «для своих» в честь открытия. И на банкете в честь закрытия. Всё остальное время проведут в койке и в романтических прогулках. Хотя

март – то ещё время для романтических прогулок по Питеру. Так что вместо прогулок будут, скорее всего, рестораны. Но с программой стоит ознакомиться. На пару-тройку докладов стоит пойти. Конференция совместная с урологами. Возможно, что-то новое и будет. Хотя вряд ли.

Татьяна Георгиевна набрала в поисковике ключевые слова и открыла сайт питерской медицинской академии на страничке программы конференции. Ну разумеется, с докладом по инфекциям группы TORCH будет выступать профессор Елизавета Петровна Денисенко. Великий теоретик... Доцент Матвеев заявлен в совместном докладе с весьма знаменитым академиком-урологом. Этих надо послушать. Юрий Владимирович Матвеев хотя и редкостная язва, но в медицине, в отличие от профессора, соображает. Не смотри, что доцент, да и тот – по совместительству.

В кабинет внеслась Маргарита Андреевна.

– Что ты в моём компе лазаешь?! – возмутилась она.

– Так-так... – Мальцева сделал вид, что читает страницу. – Фигуристый шатен двадцати пяти лет прислал вам сообщение...

Маргарита Андреевна захлопнула крышку ноутбука, даже не заглядывая.

– У кого что болит. Меня фигуристые шатены два-

дцати пяти лет не интересуют. Нет, ну, может, и интересуют, да только я их не интересую!

– Маргоша, кто же такие объявления на сайте знакомств пишет! – Мальцева снова раскрыла лептоп и зачитала с монитора: «Не красавица, не худышка, но знакомые говорят, что обаятельная, смешливая и преданная. Сорок первый год». Чушь собачья! Вместе с собачьей же преданностью. Кто тебе сказал, что ты не красавица? И что это такое – «сорок первый год»? Звучит как объявление войны от Совинформбюро!

– Мне сорок первый год. Ну, соврала, скостила несколько лет. Вообще не знаю, зачем я это написала.

– Про сорок первый? Я тоже не знаю. Дату рождения ты в профайл вбила честную. Как человек, полностью выдрессированный отечественной бюрократической системой, и вообще – материально ответственное лицо.

– Да нет, я про сайт этот! – Марго полыхала всеми цветами заката.

– Да ладно, это забавно! Я сама как-то раз зарегистрировалась – пару дней развлекалась, как сумасшедшая.

– Ага. А Панин мне мозги пудрил из-за этих твоих развлечений.

– Короче, вот как надо! – Татьяна Георгиевна споро застучала по клавиатуре. – Красивая молодая женщи-

на, обаятельная, длинноногая, стройная (но со всеми положенными упругими выпуклостями), с весёлым лёгким характером, ищет мужчину сорока-пятидесяти лет для совместного проведения времени. В браке и сожительстве не заинтересована, но и формат «тайная любовница» и «жилетка для поплакаться на жену и детишек» – не предлагать. Материально и жильём обеспечена, но пустопорожние альфонсы и высокодуховные нищелюбы могут идти лесом. Любовь предпочитает равных.

– Шутишь, да?

– Изменить профайл? Да, дорогой! Измени-ка нам профайл! – И Татьяна Георгиевна с выходом и некоторой гусарской лихостью нажала на кнопку «Enter».

– Танька, что ты делаешь?!

– А ты что делаешь? – Мальцева захлопнула лептоп и сделал начальственное лицо. – Тащишь мне сюда в пять утра необследованную девицу, наверняка неконтрактную, да ещё и...

– С поперечносуженным тазом, – понурила голову Марго. – Тань, клянусь богом, чисто из ёбаного гуманизма! Девчонка эта с мамашей в соседнем подъезде живут. Там не жизнь, а чисто Горький, «На дне». Так ты что, из мести мою страничку загадила? – опомнилась Марго и посмотрела на подругу укоризненно.

– Из сострадания! Вечером откроешь почту – уди-

вишься. Не это самое – так хоть согреешься. А с тем, что у тебя там прежде висело... Сорок первый год! Надо же! ... Кто сегодня в родзале дежурит?

– Маковенко. До шестнадцати ноль-ноль.

– Вот её и вызывай на свою девицу.

– Та-а-ань, ну поперечносуженный же таз!

– А я что могу сделать? Как природой суждено, так и...

– Слушай, ну там и так не...

– ...не жизнь, а чисто «На дне». Понятно. Но я то тут при чём? И так по всему роддому разговоры, что в обсервации работает только Мальцева. Исключительно в связке со Шрамко. Где Мальцева – там и Шрамко. Где Шрамко – там и Мальцева. Ты сама журнал родов открой, почитай! А молодым где учиться? На трупах? Возникнут проблемы – не брошу. На то я и заведующая. А пока – Маковенко Светлана Борисовна. Всё равно баб сюси-пуси волнуют куда больше врачебной квалификации. Скажешь, что твой клиент – Маковенко вся сладкой влагой истечёт. Да и времени у неё больше, чем у меня. У меня сегодня плановое на пятом.

– Профессору ассистируешь? – ехидно засмеялась Маргарита Андреевна.

– Ага. Бартер у нас. Я ей «ассистирую», она за меня все подписи на допуск статьи в печать ставит. Дол-

баная ещё эта диссертация! Зачем я только ввязалась? – Татьяна Георгиевна запустила руки в волосы и на несколько секунд закрыла глаза. – Так! Когда ты мой кабинет отремонтируешь, а?!

– Через неделю.

– Ты неделю назад говорила «через неделю»!

– Тань, ну то одно, то другое. В рекламе все такие правильные, а на деле – шабашники колхозные. Я же хочу, чтобы всё было качественно! Чтобы в едином стиле...

– Этого я и боюсь, – пробормотала себе под нос Мальцева.

– Что ты там фыркаешь?! Я наступила на горло собственной песне! Ничего розового. Всё, как ты любишь – в скучных пыльных тонах.

– Да?!

Татьяна Георгиевна бросила красноречивый взгляд на угрожающе фестончатые карнизы.

– Это не тебе, успокойся. Это на буфет. Кстати, а что там у тебя с форматными двадцатипятилетними шатенами? А Сёма почему тебя баиньки уложил, а сам к Варваре отправился? А где наш Волков Иван Спиридонович с его алюминией «Мандалой»?

– Маргарита Андреевна, проведите беседу с введенным вам средним персоналом. У нас интерны по ночам трамадол пациенткам в вены льют. Мне не жал-

ко. Я даже за. Но за одно место холодными руками возьмут вас. А всё почему? Потому что ваши подчинённые хранят медикаменты не слишком должным образом.

– Кто?! – аж задохнулась Марго, моментально забыв о перипетиях половой жизни подруги.

– Вот и разберитесь, кто. А я пошла. У вас в кабинете тоже невозможно работать. И, – Мальцева смягчила тон, – Маргоша, я не специально на твою страничку на сайте знакомств зашла. Я просто хотела посмотреть кое-какую информацию, а у тебя стартовая открылась.

– Да перестань. Во-первых, у меня от тебя нет секретов. А во-вторых – ерунда это всё. Полная чушь.

Ровно в девять тридцать Татьяна Георгиевна Мальцева стояла помытая и одетая в операционной физиологического родильно-операционного блока. На месте первого ассистента. Рядом с нею, на месте ассистента второго, стояла – тоже, разумеется, в полной боевой готовности – Оксана Анатольевна Поцелуева. На столе лежала изрядно напуганная молодая женщина. Святогорский делал недовольное лицо. Операционная сестра, санитарка и анестезистка понимающе переглядывались. Профессор опаздывала. Пардон – задерживалась.

– А где Елизавета Петровна? – нервно поинтересо-

валась со стола беременная.

Поцелуева щёлкнула пальцами в анестезиолога. Тот кивнул анестезистке. Та ввела что-то в жилу капельницы.

– Зачем тут две эти стер... – успела прошипеть пациентка и вырубилась.

– Пушай поспит, во сне время быстрее идёт, – удовлетворённо кивнул Аркадий Петрович. – Как жизнь, стервы?

– В одиннадцать моя плановая. Где эта пизда? – мрачно поинтересовалась Оксана Анатольевна.

– Это вся твоя жизнь, Засоскина? «В одиннадцать моя плановая»? Скучно живёшь.

Операционная сестра конём перетапывалась у своего столика. Анестезистка скучно глядела на мониторы.

– Лаборантку вызови, – попросила Святогорского Татьяна Георгиевна. – Пусть тут стоит, наготове.

– Типун тебе на язык!

– Аркаша, мой язык уже давно в мозолях. Лучше перебдеть, чем недобдеть. Особенно в те редкие дни, когда наша профессор решает взять в руки скальпель.

Доктор медицинских наук, профессор, член-корреспондент Академии медицинских наук Елизавета Петровна Денисенко относилась к тому весьма многочис-

ленному отряду остепенённых и увешенных званиями врачей-теоретиков, за спинами которых кривят губы в презрительной улыбке врачи-практики, насмехается средний медперсонал и даже санитарки громко хохочут, тягая каталки по подвалу. Эхо славы подобных образчиков устойчиво плещется в профессиональных кругах, отражаясь от стен лечебно-профилактических учреждений, но до обывателя, как правило, не долетает. Нет-нет, существуют действительно действительно – возможно, излишний академизм – профессора, не только понимающие, как в транс-Гольджи сети происходит сортировка лизосомальных белков, но и досконально познавшие ремесло вручную. Но таких, увы, единицы. Елизавета Петровна плавала в теории (за исключением узкоспециальных вопросов, являвшихся темами её диссертаций), а что касается практики – так даже где её берега представляла весьма смутно. Разумеется, она могла отличить скальпель от большой акушерской кюретки, но первым пользовалась весьма редко, что касается второй – так и вовсе никогда в руки не брала. Попади ей в лапы бранши акушерских щипцов – трудно предположить последствия. Но благо она их даже «на суше» в замок-то соединить не могла.

В мире медицины действуют те же законы, что и в мире сантехников, плотников или музыкантов. Всё те

же философские законы. Например, о качественном скачке. Навык не создается мыслеформой, а лишь рутинным каждодневным его выполнением и повторением. От гаммы до мажор, не минуя этюды Черни, к исполнению моцартовской «Волшебной флейты». Чем больше починено труб, создано табуреток и просижено у рояля – тем надёжней профессионал. Хочешь узнать, хорош ли акушер-гинеколог? Загляни в журнал родов. Чья фамилия там чаще прочих мелькает? На него и ставь. Хирург не внушает доверия? Изучи журнал операционных протоколов. Если фамилия Сидоров там встречается с куда большей достоверностью, чем Иванов – то плевать на то, что Иванов называет тебя «моя птичка», а Сидоров – хмурый и небритый. Он просто не успел побриться между подходами к аппендицитам и перитонитам. Под наркозом всё равно, птичка ты или пациентка Петрова. А вот брюшной полости вовсе не всё равно, какие руки по ней пройдутся – умелые или скрюченные страхом неопытности. Но, увы, журналы родов и операционных протоколов – документы для служебного пользования. Можно, конечно, ориентироваться на Интернет. Но, по правде говоря, он источник куда более субъективный. Впрочем, если на одном и том же форуме полощется в хвост и в гриву доцент Матвеев – за, разумеется, грубость и хамство, а также язвительность и сарказм

– можно сделать вывод, что специалист он хороший. Пациенткам вовремя поставлен правильный диагноз, они верно и качественно пролечены и теперь здоровы. Раз имеют силы и время облаивать некоего Матвеева во всемирной паутине. Будь это иначе – они бы лежали в другой больнице, у другого врача, и мысли их были бы заняты совсем другим. Более надёжны личные контакты и старое доброе сарафанное радио, когда врача передают из рук в руки и отзывы о нём получают из уст лично пользовавшихся его услугами. Но не существует в мире той объективной статистической величины, которой можно было бы измерить доверие, потому как исходные данные слишком индивидуальны и, соответственно, тоже являются величинами необъективными. Потому и казусы возникают гораздо чаще, чем хотелось бы. И чем принято полагать. Такой вот, к примеру, случай: ваш дядя, пиликающий на скрипке в симфоническом оркестре, случайно оказался в одной компании с профессором Денисенко на ужине в ресторане, они обменялись визитками, и теперь она его единственный лично знакомый врач, – не может быть включён в группу обследования, равно как и в группу контроля, потому как не подлежит статистической обработке, ибо слишком узки заданные параметры. Если хотя бы три дяди, играющие на скрипках в симфонических оркестрах, три профессора Де-

нисенко и три беременные племянницы с сахарным диабетом – тогда уже можно делать какие-то выводы и практические рекомендации. А так...

Дядя-скрипач, имеющий на руках визитную карточку Елизаветы Петровны со всеми её, разумеется, шумными регалиями (и в эти регалии свято верящий, потому как сам заслуженный артист и не оставляет надежды стать народным), узнав о том, что любимая племянница, больная сахарным диабетом (причём первого типа, инсулинозависимым, с деструкцией β -клеток, приводящей к абсолютной инсулиновой недостаточности), беременна (причём от семьи факт беременности весь первый триместр скрывала, потому как заставят сделать аборт), звонит этой самой профессору Денисенко. Племянницу скрипача госпитализируют в отделение патологии беременности той самой клинической базы, на которой профессор Денисенко надувает щёки. Всем отделением патологии любимую дядину племянницу тащат сквозь беременность (в основном силами умницы Поцелуевой-Засоскиной, лично курирующей данный случай), опытными лоцманами обходя ухудшение толерантности к углеводам и все связанные с нею полиурии, полидипсии и потери веса. Лично начмед на обходе отбирает как-то у дядиной любимой племянницы торт, читая лекции о повышении уровня гликемии. Татьяна Георгиев-

на Мальцева как-то ночью, будучи ответственным дежурным врачом, выводит любимую дядину племянницу из гликемической комы, потому как торт она всё-таки где-то раздобыла, несмотря на бдительность родни и персонала. Всем роддомом любятся с дозами вводимого инсулина, привлекая самых крупнокалиберных эндокринологов, и мудрят с пропорциями коктейлей сахароснижающих препаратов. И даже дважды (!) дядину племянницу лично (!!!) посещает профессор Денисенко. Чтобы назвать её «моя птичка» и сказать, что «всё будет хорошо!». «Птичка» жалуется профессору, что Оксана Анатольевна Поцелуева как-то раз назвала её «безответственной дурой», а Татьяна Георгиевна Мальцева после вывода из комы вообще говорила страшные слова «надо срочно решать вопрос о целесообразности пролонгирования беременности!», чем «птичку», разумеется, страшно оскорбила, причинив ей невыносимую боль. Профессор Денисенко вызывает Поцелуеву и Мальцеву на ковёр и чихвостит их в хвост и в гриву за грубое обращение с пациенткой, с которой они, по правде сказать, носились, как с доверху наполненным ночным горшком.

– Её дядя – заслуженный артист России! – кричала Елизавета Петровна на ехидно переглядывающихся дам.

Татьяна Георгиевна изо всех сил сдерживала сар-

кастическую усмешку, помимо воли искривлявшую её мимическую мускулатуру. Елизавета Петровна являлась номинальным руководителем её кандидатской диссертации. Которая ещё не была защищена. Оксану Анатольевну не связывало с профессором ровным счётом ничего. И потому она тут же отфутболила:

– Какое это имеет отношение к сахарному диабету первого типа у беременных?

Елизавета Петровна побагровела, посинела, побелела и снова побагровела. Причём всё это за несколько секунд. И выдавила из себя:

– Оксана Анатольевна, вам надо работать над своим характером!

– Слишком много работаю, времени для работы над характером не остаётся, – сказала Поцелуева-Засоскина, опустив долу светло-бирюзовые очи, в которых плескалось неугасимое ехидство.

Консилиум постановил родоразрешать «денисенкину племянницу скрипача» путём кесарева сечения. Оперировать её, разумеется, должна была Елизавета Петровна. Дабы не посрамить отечественный медицинский академический цех перед цехом заслуженных артистов России. Ну и потому, что «Семён Ильич, это *моя* пациентка!» На этих словах Засоскина скривила такую козлиную рожу, что дежурная акушерка, присутствующая на консилиуме, помимо воли прыс-

нула. Профессор снова бросилась менять цвета, а Панин быстренько сказал:

– Хорошо. Ассистенты – Мальцева и За... Поцелуева.

И вот, наконец, настал тот торжественный день, когда профессор Елизавета Петровна Денисенко впервые в этом году будет вписана в журнал родов и поставит свою закорючку под протоколом в операционном журнале (куда ход операции запишет, само собой, Засоскина). В прошлом году профессор аж дважды была занесена в кондуиты. Оба раза ассистировал Панин. Действительно, не интерны же будут профессору ассистировать! Или, для тех, кто понимает, – и объяснять ничего не нужно.

Минут через двадцать в операционную внеслась профессор, в ярко голубой пижаме, выгодно оттенявшей её малиновый цвет лица. Она нарочито-торжественно воздевала вымытые руки, а на лице её было выражение, более уместное в пафосном «мысле», где на сорок семь минут экранного времени одной серии не менее семи раз произносится реплика: «Мы – врачи! Мы спасаем жизни!»

– Извините, задержалась. Важный министерский звонок. Вы готовы? – со сдержанным благородством актрисы медийной галёрки изрекла Елизавета Петровна.

– Давно! – подхватил в унисон на октаву ниже Святогорский.

Профессор зыркнула в него, но на лице анестезиолога была прописана такая деловитая серьёзность, что любой обожающий гротеск профессиональный ёрник забился бы в завистливых корчах и сделал харакири.

Санитарка подала профессору халат. Та кое-как в него въехала. Вечером санитаркам будет о чём поговорить. Операционная сестра развернула и поочередно подала перчатки. Профессор кое-как в них втиснулась дрожащими руками и ещё некоторое время неловко поправляла пузырящиеся на пальцах латексные кафтанчики.

– Перчатки нормально подать не можешь! – вызверилась профессор, уронив на пол поданную турунду с хлоргексидином.

Операционная сестра молча подала другую. Под маской не было видно выражения её лица, но глаза сестры мрачно хохотали. Вечером всей дежурной смене будет над чем мрачно похохотать, а уж как будет обложена профессор, ой!.. Долго, ох, долго проживёт Елизавета Петровна.

– Скальпель! – рявкнула профессор, мрачно восстав на место хирурга перед давно обложенным операционным полем.

Операционная сестра молниеносно подала Засо-скиной корнцанг. Оксана Анатольевна быстро обра-ботала операционное поле. Профессора швырнуло в багрянец, который просвечивал даже через маску. Её лоб моментально покрылся испариной.

– Скальпель! – повторила она.

Операционная сестра глянула на Мальцеву. Та кивнула. Сестра подала профессору скальпель. Та схватила хирургический инструмент, и... скальпель заходил ходуном. Тем не менее профессор занесла его над надлобковой областью. Перехватила, помогая себе левой рукой. И ещё раз перехватила.

– Йодонат, – сказала Мальцева.

Операционная сестра, ехидно подняв бровки, демонстративно взяла лежащую на операционном столе ватную палочку и, не менее демонстративно окунув её в раствор йодоната, подала Мальцевой, подмигнув.

– Показатели стабильные?! – строго уточнила профессор у анестезиолога, пока Мальцева рисовала йодонатом линию разреза для профессора, в строгом соответствии с заветами Пфанненштиля.

– Ну разумеется, – елейно растёкся Святогорский. – Мы же ещё не начали оперировать.

В операционную зашла врач-лаборант со своим чемоданом.

– Ну, что тут у вас... – недовольно начала она, но увидев спину профессора Денисенко, замолчала, изобразив в сторону анестезиолога пантомиму: «Понятно, молчу, молчу!»

– Елизавета Петровна! – сказал Мальцева.

И профессор наконец сделала разрез.

– Не было никакой необходимости в одномоментном проникновении в брюшную полость! – не выдержала Оксана Анатольевна, быстро промокнув салфеткой обильно выступившую кровь. – Надо было входить как обычно, послойно! Теперь е... любись с ушиванием!

– Фарабеф! – завопила профессор чуть не истерически.

– Надлобковое, – спокойно сказала Мальцева.

Операционная сестра подала Поцелуевой надлобковое зеркало, та моментально и споро установила его куда и как следует.

– Скальпель! – снова издала истошный вопль профессор.

Операционная сестра снова подала профессору скальпель, который несколькими мгновениями прежде та швырнула на операционный столик, не глядя. Поцелуева промокнула нижний маточный сегмент. И ещё раз промокнула. И ещё раз промокнула.

– Елизавета Петровна! – повторилась Мальцева.

Профессор занесла было скальпель над нижним маточным сегментом, но... передала его Мальцевой. Та моментально вскрыла матку, молниеносным движением аккуратно вернула инструмент на столик и развела двухсантиметровый разрез до двенадцати сантиметров, в рану выплыл плодный пузырь.

– Ножницы! – завопила профессор, но Оксана Анатольевна уже вскрыла плодный пузырь, сделав крохотный поверхностный надрез скальпелем. В руках Мальцевой и Поцелуевой хирургические инструменты жили, играли, танцевали и пели, как самые что ни на есть народные артисты. В руках у Елизаветы Петровны они превращались в кургузых увальней, совершавших нелепые пьяные па под караоке.

Операционная сестра ловко извлекла надлобковое зеркало. Мальцева родила в рану живую доношенную гипотрофичную девочку, Поцелуева перерезала пуповину между наложенными операционной сестрой зажимами и передала новорождённую неонатологу.

– Извлечение на пятой минуте, – констатировал анестезиолог.

– Шить углы! – скомандовала профессор.

Операционная сестра подала Елизавете Петровне иглодержатель. Мальцева молча вставила обратно надлобковое зеркало. Профессор воткнула иглу в матку гораздо выше требуемого уровня.

– Ой, надо переколоть! – суматошно-виновато ляпнула она и выдернула иглу обратно. Место укола тут же обильно закровило. Поцелуева промокнула, зло прокомментировав:

– Это не пяльцы! Это живая женщина с инсулинозависимым сахарным диабетом. А вы своими лишними вколами-выколами гоните ей в кровь тромбопластин.

Профессор кое-как наложила швы на один угол.

– Промокните, я ничего не вижу!

– Уберите руки из раны! – шепнула операционная медсестра. Впрочем, достаточно громко.

Это были элементарные знания и навыки, наличие которых подразумевается даже у начинающих, не то что у профессоров.

– Окситоцин! – заорала профессор.

– Уже ввели, – коротко ответила Поцелуева, возвращая на операционный столик пустой шприц.

– Который час? – спросила Елизавета Петровна. – Мне пора ехать на министерское совещание. Вы сможете без меня закончить? – попятилась она от операционного стола.

– О, не волнуйтесь! Без вас мы сможем-таки и продолжить, и закончить! – со злорадной интонацией заверила Поцелуева, переходя на её место. Мальцева уже как раз наложила шов на второй угол и приняла у операционной иглодержатель с заправленной в иглу

длинной нитью для ушивания разреза на матке.

Профессор Денисенко вынеслась из операционной, сопровождаемая невольным хорovým вздохом облегчения. Святогорский перекрестился. Врач-лаборант спросила:

– Я могу идти?

– Ольга Евгеньевна, время свёртываемости проверь – и иди. До диссеминированного внутрисосудистого профессор нас не довела, но тут сахарный диабет. Так что свёртываемость, сахар – и иди.

– Господи, хорошо, что она её насквозь не проткнула. Нет, ну у неё руки из жопы растут, она одновременно в брюхо втыкается, а мы тут теперь препарируем!

– Сепарируй! – поправил Аркадий Петрович. – Препарируют в морге.

– Так бабу жалко! У неё и так диабет, проблемы с заживлением могут быть, – грустно произнесла Оксана Анатольевна, умело ассистируя молча работающей Мальцевой. – Нет, ну не стоит у тебя – так какого лезть? Сказала бы своему скрипачу, что прооперировала. Никто же её не выдаст! Какого тут, где все тебе цену знают, устраивать спектакли курам на смех? – никак не могла успокоиться Засоскина.

– Ушла – и на том спасибо, – спокойно сказала Татьяна Георгиевна.

– Тань, она когда скальпель над маткой этой сахар-

ной дуры занесла, у меня своя собственная чуть в трусы не выпала! Я только молилась, чтобы она скальпелем куда-нибудь в щёчку или в ухо заехала неглубоко. Хорошо, что ты у неё...

– У этой девочки больше шансов родить не будет, с её диабетом-то.

– Да уж, теперь мне возись, выхаживай. Святогорский, возьмёшь в реанимацию понаблюдать?

– Реанимация, Оксана Анатольевна, потому и называется реанимацией, что там не наблюдают, а реанимируют. То есть – возвращают к жизни.

– Да у неё сахар прыгать начнёт...

– Вот ты и наблюдай за прыжками. А профессор мне распоряжений укладывать свою пациентку в ОРИТ не давала, – отчеканил Святогорский.

– Ну, Акра-а-адий Петрович, ну, миленький! Ты же знаешь, что она моя пациентка...

– Не ной, Засоскина. Возьму, – смилостивился заведующий анестезиологией и реанимацией. – Что же теперь, после таких мук по вынашиванию, дитя матери лишать?

– Тань, знаешь, почему она забеременела, сахарница эта?

– Ребёнка хотела. Почему ещё беременеют?

– Ещё беременеют по залёту, – хихикнула операционная медсестра.

– Ну, Люба, это ты у нас спец по этому делу! Умные женщины не боятся контрацепции. Умные женщины боятся аборт. Но конкретно эта девчушка, Тань, которая знала о всех рисках беременности при её заболевании, потому как в приличной семье выросла и вообще не очень глупая, признаться честно, несмотря на торт, забеременела, потому что её муж, проживший с ней уже пять лет, вдруг страшно возжелал наследника. Нет, когда он, лимита деревенская, женился на девочке из очень приличной московской семьи, он знал и про её инсулинозависимый диабет, и о том, что вынашивание ребёнка и роды для неё – смертельный риск. Ни она, ни её семья от него ничего не скрывали. И он был на всё согласен. А теперь, когда он уже москвич, когда они из него совместными усилиями человека сделали, так он встал в позу и заявил, что если она ему не родит, так он найдёт бабу на стороне, оплодотворит её и этого ребёнка в свою, так сказать, семью откупит.

– Но есть же суррогатное материнство, в конце концов! – сказал Мальцева и резко оборвалась, вспомнив недавние события.

– Ага. Есть. Суррогатного материнства наша диабетичка не хотела. Гормонами пичкаться для синхронизации цикла и стимуляции овуляции, ну и... морально-этические, юридические и материальные пробле-

мы. Всё такое.

– Пичкаться не хотела? – со скепсисом заметил Святогорский. – Естественным образом напичкалась, ничего не скажешь!

– Видала я свистопляску с сахаром во время беременности, но такую, как у неё... У меня всё поседело, что не закрашено и не выбрито! Но я не об этом. В общем, этот мудака, её муж, становится в позу. И она, наплевав на все запреты, беременеет. И не потому, Тань, что она хочет детей. А потому, что – и Поцелуева скопировала женщину, отдыхающую под наркозом: – «Яжееголюблю-у-у!»... Убивала бы баб, которые любят мужиков!

– А сама-то?! – расхохотался Святогорский. – Четыре раза замужем была!

– Я, Аркадий Петрович, этих мудаков не люблю. Я люблю заниматься с некоторыми из них любовь, люблю спать в обнимку, если фигура хорошая. Люблю смотреть, как они двигаются. Некоторые из них, – поправилась она. – Я люблю мужчин, потому что они умные, забавные и весёлые. Вот, как Родин, например. Но никогда бы я не родила мужчине ребёнка только потому, что «яжееголюблю-у-у».

– Но ты же родила! – рассмеялась операционная сестра.

– Да. По залёту, Люб, по залёту. Мою самую умную,

самую забавную, самую весёлую и самую нежную на свете дочь я родила по залёту. И я всё время путаюсь, кто из порядковых номеров является её биологическим отцом. А когда вспоминаю, что замужем я тогда была за Егором – потому что она Егоровна, – то кажется мне, что я тогда спала ещё кое с кем, не будем называть его фамилию, потому что он работает у нас в больнице, – и, возможно... – Поцелуева замолчала. И как-то посерьёзнела. – В любом случае, хорошо то, что хорошо кончается.

– Оксана Анатольевна, заканчивайте с Любой, у меня в родзале девчонка с поперечносуженным тазом, да и...

– Да и мышцы с кожей и апоневрозом мы уж как-нибудь ушьём! Иди. Спасибо, что отпрепарировала.

– Отсепарировала! – снова поправил Святогорский. – Ребёнка неонатолог забрал в детскую реанимацию. Но, в общем-то, тоже... понаблюдать.

Татьяна Георгиевна зашла в свой родильный зал. За одним из сдвоенных столов сидела Марго.

– Как дела?

– Нормально. Сейчас уколём третий фон и посмотрим на кресле.

– А зачем ты ей колешь фоны? – с удивлением спросила Мальцева у подруги.

– Затем, что твоя Светлана Борисовна назначила.

– С узким тазом ты колешь фоны?!

– Я – акушерка. Обязана выполнять распоряжения врача.

– Так называемые «три фона» – стандартная рутинная процедура, призванная... Что призваны делать «три фона», Маргарита Андреевна?

– Способствовать размягчению и сглаживанию шейки матки, стимулировать маточную мус...

– Да ничего они не призваны делать, Марго! Гормонально-витаминный коктейль ничего не размягчает, не сглаживает и уж тем более – не стимулирует. Он лишь создаёт предпосылки! В лучшем случае. В худшем – способствует скорейшей биохимической усталости. Что, конечно же, нам о-о-очень на руку. Особенно в случае поперечносуженного таза. Что внутреннее акушерское?

Маргарита Андреевна протянула Татьяне Георгиевне историю родов.

– Маковенко сделала, Маковенко – записала, – равнодушно пожала плечами старшая акушерка отделения. – И только ты никому не говори про своё отношение к трём фонам.

– А ты – не сделала? – проигнорировала Мальцева последнюю реплику подруги.

– Что?

– Маргарита Андреевна, ты издеваешься? Внут-

реннее акушерское исследование!

– Нет. Я – акушерка и...

– И всего лишь выполняю распоряжения врача! Марго, да ты просто ангел сегодня! Сними халат и пижаму.

– Зачем?

– Я хочу посмотреть, не проклюнулись ли у тебя крылья. С каких это пор ты доверяешь врачам? Особенно таким врачам, как Маковенко?

– Чего его лишний раз сейчас делать? Головка только прижалась ко входу в малый таз. Чтобы это понять, мне достаточно живота.

– То есть, что с шейкой – ты не знаешь, ни консистенции, ни открытия. Но три фона – колешь!

– Не я колю. Дежурная смена.

– Маргарита Андреевна, бога ради, не издевайся надо мной. Мне на сегодня хватит Елизаветы Петровны.

– И как сегодня профессор в операционной? – ожилилась Марго.

– Ну да, Люба ещё не съехала в подвал на перекур, потому подробностей ты пока не знаешь! Елизавета Петровна, как всегда, была на высочайшем профессиональном уровне. Давай свою Катю на кресло! И, моя дорогая, истинный гуманизм, на который ты брала меня сегодня утром, предполагает такое же при-

стальное внимание к нищим соседкам, как и к соседкам с отягощенным финансовым анамнезом!

Мальцева швырнула историю на стол. Маргарита Андреевна, никак не отреагировав на вспышку гнева начальницы-подруги, поднялась и зашла в палату. Татьяна Георгиевна отправилась в смотровую, вслед за ней туда забежала вторая акушерка смены.

– Ой, Татьяна Георгиевна, я сама!

– Не лебези! Я вполне способна постелить на кресло пелёнку... Извини, – тут же попросила она прощения у ни в чём не виноватой молоденькой девушки, испуганно отпрянувшей.

Вошла Маргарита Андреевна, ведя под руку охающую Катю с опухшим заплаканным лицом.

– Что, так больно? Всё равно надо постараться не плакать. Роды могут длиться достаточно долго, боль будет становиться всё интенсивнее, ваши роды вряд ли будут простыми из-за узкого таза, и...

– Я не из-за этого, не из-за боли, – перебила Мальцеву устроившаяся на кресле роженица. – Я думала, будет больнее. Мои некоторые подружки уже рожали, а я... – Катя скривила лицо и начала всхлипывать. – Я... Я же его люблю! Йаа-а-ажеево-о-о-люблю-у-у-у!!! – практически уже завывала она, размазывая слёзы и сопли по лицу рукавом.

– Немедленно успокойся! Катя, немедленно успо-

койся, не кради у ребёнка кислород! – скомандовала Маргарита Андреевна.

– Кого она любит? Ребёнка? – немного опешила Татьяна Георгиевна, уже надевшая перчатку.

– Дружка своего она любит. Папашу, – Марго кивнула на живот.

– УЗИ сделали? – уточнила Мальцева, пристально осмотрев живот, неожиданно слишком величественный для тощенькой двадцатилетки.

– Кому? Папаше?

– Маргарита Андреевна!

– А-а-а... Нет. Маковенко не распорядилась.

– Марго, я не знаю другой такой талантливой и опытной акушерки, как ты, – сказала Татьяна Георгиевна, введя правую руку в родовые пути.

– Спасибо.

– Так скажи мне, Маргарита Андреевна, ты зачем тут ваньку валяешь?! – рявкнула Мальцева так, что даже Катя перестала всхлипывать. – Притаскиваешь необследованную бабу, – извините, Катя, – у которой оказывается узкий таз и здоровенный живот, – и ничего не делаешь?!

– Её ведёт Светлана Борисовна Маковенко. Она позвонила Толику, он на неё наорал, чтобы отстала со своими бомжами. А я...

– Акушерка! Старшая акушерка. Долбаная, грамот-

ная, опытная старшая акушерка!

– Маковенко не записала назначение в истории родов.

– А ты ей не подсказала? Ты таким сложным способом хочешь помочь мне избавиться от Светланы Борисовны? Марго, это не надо делать за счёт несчастных баб! Извините, Катя.

– Я же его люблю-у-у, а он!.. – снова захныкала Катя. – Я ему позвонила, что роды начали-и-ись, он сказал, что прие-е-едет, а са-а-ам, ой, схватка-а-а!!!

Мальцева сосредоточилась на исследовании.

– На высоте схватки...

– Головка прижимается ко входу в полость.

– Нет, Марго, она уже вставилась в прямом размере входа, и... Где Маковенко?

– В отделении.

– Так позовите!

Вторая акушерка вылетела из смотровой родзала.

– Катя, пока не вставайте. Сейчас вас осмотрит ещё один доктор.

– Он мне говорил, что не готов стать отцом, но я подумала, что когда я рожу-у-у... – продолжала завывать роженица.

– Маргарита Андреевна, сделайте что-нибудь, бога ради.

– Что я могу сделать?.. Катя, немедленно прекрати!

Сейчас же перестань! Мужиков может быть много, а ребёнок – это на всю жизнь, сосредоточься! Если твой парень говно – то и хрен с ним!

– Не-е-ет, я же его люблю-у-у-у, он хоро-о-оший!

В смотровую внеслась взъерошенная Маковенко, на ходу надевая флазелиновую шапочку. Вслед за ней вошёл интерн. Ну, разумеется. Он же пока прикомандирован к отделению обсервации! Кажется, Татьяна Георгиевна забыла попросить профессора о переводе... Не до того сегодня было. Просто забыла. Просто! Забыла! Ничего более.

– Мы с Александром Вячеславовичем делали обход моих палат, а так я всё время в родзале, Татьяна Георгиевна.

– Смотрите! – коротко кинула Мальцева.

Светлана Борисовна, приняв важный вид, выполнила внутреннее акушерское исследование.

– Шейка матки сглажена, пропускает три пальца – шесть сантиметров, подлежащая часть – головка. Плодный пузырь цел, – безапелляционно констатировала она в пространство смотровой.

– Вы внимательно посмотрели? Больше ничего не хотите нам сказать? Александр Вячеславович, вы?

Интерн надел перчатку, обработал наружные половые органы роженицы стерильным раствором и приступил к исследованию.

– Я могу ошибаться, но у нас задний вид затылочного предлежания и высокое прямое стояние стреловидного шва. И плоский плодный пузырь. Он не надувается во время схватки.

– Да, спасибо, что дождались схватки, в отличие от нашего многоопытного вра-ча!

Маковенко покраснела. Разумеется, Татьяна Георгиевна понимала, что не стоит чихвостить ординатора при акушерках и интерне. Но если ординатор настолько бестолков, что ничего не понимает в акушерских ситуациях, не может настоять на проведении УЗИ и делает рутинные, никому особо не упавшие назначения, то... То давно пора её перевести в послеродовое физиологическое отделение. Например. Или в женскую консультацию. А ещё лучше, чтобы она ушла из медицины вообще. Поскольку она настолько нечувствительна к выбранному ремеслу, что совершенно непонятно, кой чёрт занёс её в акушерство и гинекологию!

– Светлана Борисовна, за каким чёртом вас занесло в акушерство и гинекологию?! – тут же громко спросила Мальцева, несмотря на свои несколько пока-янные мысли. – Вы полагали, тут лопатой гребут ба-бло, особо не напрягаясь? Даже снег гребут лопатой ох как сильно напрягаясь!

Из коридора раздалось пиликанье.

– Айфон! Звонит мой айфон!!! – завопила Катя, чуть не спрыгивая с кресла. – Это он!

– Лежать! – прижала её Маргарита Андреевна обратно. – Ты что, совсем ненормальная?!. Айфон? – тут же озадаченно уточнила она, продолжая придавливать локтём рвущуюся с кресла Катю. – Мне твоя мамаша тут плакалась про «макароны не на что купить», а у тебя – айфон?! Даже у меня, моя милая, самый обыкновенный мобильный телефон. Голимый китайский «Самсунг». И ничего, хватает. И даже тушёночки иногда удаётся к макаронам подмешать.

– Я в кредит, – жалобно проныла Катя.

– Да! Красиво жить не запретишь.

– Принесите мне, это он, это – он!

Пиликанье смолкло.

– Ну вот, он обидится и не придё-о-о-от!

– Послушайте, милая, почему вам не интересно, что это за звери такие: «плоский плодный пузырь», «высокое прямое стояние стреловидного шва» и «задний вид затылочного предлежания»? Которые пропустила врач акушер-гинеколог! – Мальцева зло уставилась на Маковенко. Та пыталась слиться со стеночкой. – Никаких больше родзалов, Светлана Борисовна. Разве что на правах интерна. Рядом постоять, за опытными врачами посмотреть! Вам перед интерном не стыдно?! Я уже не говорю о том, что здесь

поперечносуженный таз и крупный плод!

– Он меня бро-о-осит, он не готов стать отцо-о-ом, он мне говори-и-ил, но я ду-у-умала, что когда родится ребё-о-о-нок, то о-о-он...

– Катя, он не родится! – зловеще гаркнула Марго.

– Что?

Роженица наконец перестала всхлипывать и рыдать и сосредоточилась на медицинском персонале, обступившем её в количестве, достаточном для привлечения внимания нормальной разумной женщины.

– Как это – «не родится»? – обвела она людей в пижамах и халатах уже более осмысленным и сильно напуганным взглядом.

– Светлана Борисовна, а вы чего варежку раскрыли? Звоните операционным! Пусть бригада спускается.

Маковенко выскочила из смотровой.

– Катя, Маргарита Андреевна просто хотела отвлечь вас от заезженного «яжееголюблю-у-у-у» и помочь вам сосредоточиться на куда более насущной ситуации. Насколько мне позволяет уразуметь моя аналитическая функция, вы, что называется, залетели, полагая, что это самый верный и лёгкий способ окрутить нравящегося вам мальчика. Вы ошиблись. Пролонгация беременности – самый верный способ выносить ребёнка и, разумеется, родить его. В вашем

случае последнее оказалось совсем нелегко. Полагаю, вы до этого дня понятия не имели, что у вас поперечносуженный таз, да и сейчас, как я понимаю, вас это обстоятельство не слишком тревожит. Уж не знаю почему, но у вас вдобавок ещё и крупный плод. Или многоводие. Мои глаза – не ультразвук, так что... Александр Вячеславович, а вы почему ещё здесь?! Тащите сюда Анатолия Витальевича с портативным УЗИ!

Интерн быстро вышел из смотровой.

– Могла бы его и похвалить, – пробурчала Маргарита Андреевна.

– За норму не хвалят. Для акушера-гинеколога распознать вид и позицию, а также топографию швов – норма.

– Он всего лишь интерн.

– Он – да. А ты – старшая акушерка отделения. Так что ты своё ещё получишь!

– Таня, я бы её посмотрела через полчаса. Тут нет ничего urgentного.

– Пока нет! Мне случаи травматизма матери и плода ни к чему!

– Я... Я умру? – прошептала с кресла Катя.

– Нет, конечно же! Во всяком случае, не сейчас. Просто в вашем случае родить через естественные родовые пути достаточно сложно. Мы сделаем вам

операцию кесарева сечения.

– Я должна ему позвонить! Я уже могу встать с кресла?

– Тьфу! – только и сказала Маргарита Андреевна, помогая Кате встать с кресла. – Где твоя мама?

– На работе.

– Лучше ей позвони.

– Зачем?

– Тебя будут оперировать, бестолочь! Кесарево сечение – это не на блядки сходить! Это серьёзная полостная операция.

– Маргарита Андреевна, бестолку. Там ум за разум заходит.

– Было бы чему за что заходить, – пробурчала себе под нос Марго.

Через полтора часа, когда прооперированная Катя была переведена в послеродовое отделение, Ельский сидел в коридоре наблюдационного операционно-родильного блока и переписывал из истории родов в неонатальную карту факторы риска. Светлана Борисовна, ассистировавшая Татьяне Георгиевне, сидела рядом с ним, делая запись журнале операционных протоколов.

– Маковенко, это вы писали?

– Да, Владимир Сергеевич.

– Маковенко, вы что, не знаете, что сагиттальные

швы бывают только на секции, а пока плод жив, то и швы у него – стреловидные?

Если бы господин Ельскийкий не был по жизни надменно-презрительным ко всему окружающему, можно было бы заподозрить, что он издевается над Светланой Борисовной. Будь на его месте кто-то другой, Светлана Борисовна наверняка бы вступила в дискуссию на предмет того, что стреловидный и сагиттальный – это один и тот же шов. Но... на сегодня ей было уже достаточно унижений. Поэтому она промолчала.

– Когда вымрет последний акушер-гинеколог, что-то элементарно умеющий руками, неонатологическую службу отменят. Она просто будет ни к чему, – обратился Ельскийкий к пробегающей мимо второй акушерке смены.

Та замерла от неожиданности. Сам великий и могучий Ельскийкий заговорил с ней! Это или очень хорошо, или очень плохо. Ельскийкий, в свою очередь, отметил про себя, что дрожащая перед ним молоденькая акушерочка очень хороша.

– Хм... – продолжил он. – Вы давно здесь работаете?

– Второй год. Раньше я работала в приёмном покое, затем полгода – на первом этаже, а сейчас Маргарита Андреевна перевела меня сюда, – протараторила девушка.

– Не замечал вас раньше. Марго просто так не переведёт в родзал. Значит, вы ещё и соображаете, да... Так вот... Как вас зовут?

– Лена, – проблеяла вторая акушерка смены, и у неё чуть ноги не подкосились.

– Леночка, неонатологическую службу отменяют за ненадобность. Потому что... Посмотрите в Яндексе, что такое «социал-дарвинизм».

– Я знаю, что такое социал-дарвинизм! – неожиданно смело вырвалось у второй акушерки – и из бледной она стала пунцовой.

– Да?! – с удивлением произнёс Ельский, поднимаясь со стула и двигаясь в направлении выхода из родильно-операционного блока. На пороге он остановился и, оглянувшись, сказал: – Лена, мы с вами можем как-нибудь побеседовать об этом. О социал-дарвинизме.

– Ельский – бабник! – зло бросила Маковенко, едва за заведующим отделением неонатологии и детской реанимации закрылась дверь.

«А ты – дура!» – подумала про себя вторая акушерка родзальной смены, но вслух, разумеется, ничего не сказала.

– Дай мне клей! – командно-раздражённо распорядилась Светлана Борисовна.

– В ящике стола! – холодно ответила молоденькая

Лена.

Акушерки не слишком уважают бестолковых акушеров-гинекологов. Этих, в отличие от дядь, мам, пап, подруг и форумов, не проведёшь. Они постоянно рядом и отлично знают всем цену.

Катин молодой человек – двадцатилетний алкоголик – сперва трое суток подряд бухал с друзьями. По причине того, ясен пень, что стал отцом. Катерина практически по двадцать четыре часа в сутки транслировала в айфон подробности своей жизнедеятельности маме и подружкам. А также пыталась достучаться до отца своей вполне здоровой, хотя и действительно крупной – пять килограммов двести граммов – девочки. Ельский протестировал новорождённую на маркеры сахарного диабета, но ничего не обнаружил. Так что причины такого размера были не очень ясны, пока в родильный дом не заявился Катин сожитель. Ростом он был под два метра, весом – за центнер. «Ого!» – удивилась санитарка приёмного, выдававшая ему халат. «Да у меня все такие. Я, знаете, сколько родился? Под шесть кило!» – с гордостью заявил тот в ответ, обдав санитарку термоядерной смесью перегара и свежака. После чего он попёрся в палату к молоденькой маме и сперва объявил, что счастлив, после чего, упав на колени, попросил у Кати прощения за то, что не готов стать отцом. И му-

жем. Начал плакать, а затем – и кричать. Катина соседка по палате была вынуждена отнести своего малыша в детское отделение и затем попросить акушерок и санитарок вывести слишком буйного посетителя вон. Вон его вывел Александр Вячеславович. Потому как санитарки и акушерки с двухметровым кабаном справиться не могли. Катя снова плакала. И рассказывала всем, как она его любит и какой он козёл. На восьмые сутки после кесарева сечения Катю из родильного дома забирала всё та же тощая измученная мать. «Приданное» для внучки было очень скромным. Бабушка несла дитя на руках в такси, а Катя плакалась в айфон очередной подружке про «я же его люблю-у-у-у!», про козла и про то, как бы заставить буйного двухметрового алкаша на ней жениться. Похоже, что ни до врачей, ни до ребёнка, ни до своей собственной матери ей не было никакого дела. Девочка только спала и ела, благо Катя была весьма дойной коровушкой, и никакое кесарево лактации не помешало. Видимо, Мальцева была права насчёт Катиного интеллекта.

– Пороли мало! – резюмировала Зинаида Тимофеевна.

Татьяна Георгиевна положила на стол Семёна Ильича рапорт на ординатора Маковенко. Панин в очередной раз разорвал очередной рапорт и, выбро-

сив его в корзину, наорал на Мальцева за то, что это её вина. Не обучает кадры. Никого не пускает в родзал. Роды принимают только Мальцева и Шрамко, Шрамко и Мальцева. После чего приставал с пылкими поцелуями, ревностями и напоминаниями о конференции.

– Ты же меня любишь?! – сурово вопрошал Сёма. – Ну, как умеешь! – несколько даже просительно смягчал он условия.

– Я же тебя люблю, – устало соглашалась Мальцева. – Как умею.

Женщина с сахарным диабетом была выписана из родильного дома на девятые сутки после операции кесарева сечения, в стабильном состоянии и со здоровой новорождённой, под наблюдение эндокринолога и педиатра. Спустя некоторое время на разнообразных тематических форумах и сайтах появились отзывы о невероятнейших стервах Оксане Анатольевне Поцелуевой и Татьяне Георгиевне Мальцевой. И о чудесной пусе, вдумчивом, мудром профессионале, не утратившей человечность ласковой и милой женщине – профессоре Елизавете Петровне Денисенко. Благодарные мать и отец (а теперь ещё бабушка и дедушка) занесли профессору цветы, конфеты, бутылки и плотные, что называется, полностью legal tender, купюры, переливающиеся приятными зелёными оттенками. Дядя-скрипач остался доволен, и когда

спустя некоторое время забеременела одна его знакомая «со щитовидкой», порекомендовал ей наблюдаться и родоразрешаться только у профессора Денисенко. И возможно, Елизавета Петровна ещё раз попадёт в журналы родов и операционных протоколов в текущем году.

Вечером накануне поездки в Питер Мальцеву пригласил в ресторан Волков Иван Спиридонович. Вызывавший Татьяну Георгиевну из всех своих зарубежных командировок и уже немного утомивший извинениями за тот вечер, когда они с Паниным нахлестались вискаря на её кухне.

– Выходи за меня замуж! – где-то между десертом и сигаретой предложил Волков.

– Почему?

– Станный вопрос, – неловко рассмеялся Иван Спиридонович. – Я делал предложение только раз в жизни, очень давно, покойной жене. И, кажется, она ответила «Да!», а не «Почему?»... Ты очень красивая. Очень умная. Ты помогла мне понять моего сына⁶... И – наверное – я тебя люблю. «Наравное» – в старой трактовке, – тут же поправился он. – То есть – наверняка, – он протянул Татьяне Георгиевне бархатную коробочку.

⁶ См. «Роддом. Сериал. Кадры 1-13» и «Роддом. Сериал. Кадры 14—26».

Кольцо было побогаче того, что преподнёс ей Сёма. Это не имело большого значения. Панин – отец троих детей, дедушка, муж, и, в конце концов, всего лишь начмед родильного дома, хотя и отнюдь не бедный человек. А Волков – человек богатый. К тому же – вдовец. Да и вкусы у всех разные.

– Хорошо. Я подумаю, – ответила Мальцева и надела кольцо.

– А то, что ты приняла кольцо, разве не означает?..

– То, что я приняла кольцо, означает только то, что мне нравится кольцо. И тот, кто его подарил.

Ночевать отправились к Волкову. Она женщина взрослая и свободная. Вольна распоряжаться собой, как ей вздумается. Хотя, конечно, жаль, что она наложила категорический запрет на отношения с интерном. Положа руку на сердце, от двух полувековых мужиков в койке толку куда меньше, чем от одного двадцатипятилетнего. В разных койках, да. Интересно, если предложить Волкову и Панину групповуху, как они отреагируют?

Мальцева хохотнула и прикурила сигарету. Да, очень умная женщина, ничего не скажешь! Пятый десяток, заведующая отделением... И о чём она думает после секса? После так называемого секса. Который, признаться честно, мог бы быть подольше. И покачественней.

– Я тебя очень люблю! Я никогда такого никому не говорил. Кроме покойной жены.

– Да, последнее уточнение было очень своевременным! – ещё раз хохотнула Татьяна Георгиевна. Хотя на сей раз ей стало грустно. Кажется, «групповуха» идёт не по её сценарию.

– Извини. Я сварю нам кофе, – Иван встал с постели и отправился на кухню.

Итак, в активе три предложения руки и сердца. Одно – от мальчика, другое – от женатого мужчины, третье – от вдовца, который, похоже, при каждом удобном и неудобном случае будет поминать покойную жену.

– Матвей⁷, ты скотина! – прошептала Татьяна Георгиевна в потолок. Прошептала нежно. И по лицу её потекли слёзы. – Какого чёрта я от тебя ребёнка не родила? Я же тебя так любила!..

– Маргарита Андреевна, у тебя трое суток. Если кабинет не будет отремонтирован к моему возвращению с конференции, я тебя уволю! – сказала Мальцева вечером следующего дня, поцеловав подругу в щёку.

– К твоему приезду будут доделаны последние детали! Ты закачаешься!

⁷ Муж Мальцевой, погибший в автокатастрофе, см. «Роддом. Сериал. Кадры 14—26».

– Этого я и боюсь.

– Приятного романтического отдыха! – ехидно пожелала немного обидевшаяся старшая.

– Маргоша...

– М? – недовольно промычала подруга.

– Маргоша... Я же тебя так люблю!

Татьяна Георгиевна схватила акушерку в объятия.

– Всё равно я на тебе не женюсь! – проворчала Маргарита Андреевна. – Я, блин, не готова!

Подруги захохотали.

– Ладно, идём перекурим на крыльце. Скоро подъедет твоё такси. Панин по привычке катается в СВ «Красной стрелы»?

– Ну, ты же знаешь, в иных вопросах он ретроград. СВ в «Красной стреле» кажется ему куда романтичней бизнес-класса в «Сапсане».

– Кстати, мне такое шлют на твоё объявление, ой!

– Что же ты молчишь?!

– Так ты вся то в работе, то...

– То в партии. Это эвфемизм.

– Вернёшься – расскажу. Я даже на одно свидание уже сходила. Романтика, ёпть, закачаешься!

Кадр тридцатый

Романтика

Поселились в «Гельвеции». Разумеется, программой конференции была предусмотрена другая гостиница. И хотя отношения Панина и Мальцевой секрета собой не представляли, потому как ни он, ни она секрета из них никогда не делали, минимальные приличия соблюдать стоило. Первый официальный день провели врозь. Как-то не очень хотелось Татьяне Георгиевне глупо улыбаться, находясь заведующей при начмеде, на положенные протоколом вопросы: «Как здоровье Варвары... ммм... Как здоровье законной супруги?» Господи, кто же она у нас? Варвара Андреевна? Варвара Сергеевна? Степановна? Пора тебе, Мальцева, глотать ноотропил. А знаешь ли ты, Татьяна Георгиевна, отчество законной супруги Семёна Ильича? Похоже, что и нет! Там, где всем положено отчество – вроде Сёминой защиты – ты вроде называла её Варварой Степановной (или, всё-таки, Андреевной? Сергеевной?) – и она откликнулась, не поправляя. Похоже, Варвара на отчество вовсе никогда и не претендовала. Поначалу она была смирной девочкой Варей с параллельного потока, благодарно подбрав-

шей брошенной тобой красавца Семёна. Затем она стала женой Варей. Матерью Варей. И вот наконец – бабушкой Варей. Нет, похоже, всю жизнь она так и была – просто Варей. Мальцева, а ты заметила, что никогда ты о ней столько не думала? Ну, Варя – и Варя. Места в твоей жизни и мыслей твоих она занимала не больше, чем постер, висящий на стене твоего кабинета (только бы Марго с ним чего не сотворила!). Так что же такое произошло в последнее время, что Варя из безобидной декорации, не отсвечивающей из под слоя пыли, вдруг переместилась чуть ли не на авансцену твоего сознания? О, боже, Мальцева! Неужели это совесть?

– Американо без сливок и по-турецки, – услышала она Сёмин голос.

У столика перетаптывался официант.

– К сожалению, по-турецки нет. Утро...

Сколько раз они останавливались здесь! Сколько раз Сёма слышал это: «К сожалению, по-турецки нет. Утро...» Но всё равно с маниакальным упорством после более чем пристойного включённого завтрака продолжал заказывать американо без сливок для неё, и по-турецки – для себя. Кажется, это знали уже даже официанты. Сейчас Сёма скажет...

– Тогда два американо без сливок. И без сахара.

Да, обязательно добавит: «И без сахара». Хотя са-

хар – вот он, в деревянной шкатулке, которые стоят тут на каждом столе. Хочешь – с сахаром, хочешь – без сахара. Полная свобода воли и help yourself. Но Сёма обязательно скажет: «И без сахара». Наверняка это самое утомительное в семейной жизни. И если Мальцева так знает Панина, то как его знает Варя?! Варвара... Чёрт, ну как же всё-таки её всамделишное отчество?!

– Как отчество твоей жены?

– Что?! – Сёма чуть не поперхнулся блинчиком с творогом.

– Как отчество твоей жены?

– Андреевна. А что?

– Всё-таки Андреевна. Варвара Андреевна. Прямо так и веет чем-то сильно руссколитературным.

– Нам что, больше поговорить не о чем?

– Не о ком. Твоя жена всё-таки не «что», а «кто». Одушевлённое существительное. Я вдруг стала это отчётливо понимать. Сёма, тебе никогда не было стыдно перед женой?

– Чего это мне перед ней должно быть стыдно? – Семён Ильич зло отодвинул от себя тарелку, которую тут же подхватил услужливый вышколенный официант.

Персонал тут был на пять с плюсом. Слишком много иностранцев – самое сердце Питера. Да и гостини-

ца в русской собственности только наполовину.

– Живёт, как у Христа за пазухой, ни дня не работала – ординатура с очередным беременным животом не в счёт. Горя не знает, копейки не считает, я...

– Разве трое детей – это не работа?

– А она меня спрашивала про тех троих детей? Беременела и рожала.

– Ага, насильно из тебя выдавливала, а ты – невинный мальчик-колокольчик, понятия не имевший, откуда берутся дети. Ты что, их не любишь, своих детей?

– Люблю, – равнодушно ответил Панин. – И вообще, она должна была соображать, почему я на ней женился. Так что никакая она не невинная жертва.

– Ты тоже мало похож на невинную жертву.

– Она всю жизнь так ненавязчиво, но упорно педальровала мою порядочность, что... Варвара Андреевна – весьма умелый манипулятор. Я не говорю, что она отдаёт себе в этом отчёт или сознательно пользуется, но эта растворённость в семье и детях, эти покорные, всё понимающие глаза, – Семёна Петровича передёрнуло. – От чувства вины в отношении Варвары я избавился много лет назад.

– Так почему же ты с ней живёшь?

– Потому что ты не хочешь выходить за меня замуж.

– Жена – это что, туфли?

– В смысле?

– Ходишь в старых, потому что не имеешь возможности купить новые?

– Чушь какая-то!

– Вот и я говорю – чушь! Если любишь – живёшь. Если не любишь – не живёшь. Человек – не туфли. И не «что». И не «потому что».

Семён Ильич бросил на Татьяну Георгиевну странный взгляд. Она не подсмеивалась, как обычно, над его женой. Не язвила. Не пыталась его укусить. Она, похоже, спокойно и на удивление серьёзно размышляла. И он боялся этих её размышлений. Мало ли, к чему они могут привести.

Мальцева, вдруг чуть ли не впервые за всю долгую историю отношений с Паниным, поняла, что Варвара Андреевна вовсе не мебель Сёминой квартиры. Она живая женщина, и детей он с ней делал самым обыкновенным способом, вертя тазом и, возможно, даже подсчитывая фрикции, чтобы не раньше времени, чтобы доставить женщине удовольствие. Возможно – и скорее всего! – что-то нежное шептал ей на ухо. Её лицо скривилось, как от боли.

– Таня, что с тобой?! – обеспокоенно спросил Панин.

– Представила себе, как ты со своей Варварой Андреевной любовью занимался. И занимаешься.

– Бред. Глупости. Прекрати! Если я начну представ-

лять себе, когда, как и с кем ты занималась любовью. И занимаешься. А я этим... Представлениями об этом – полжизни занимаюсь, то... То сойду с ума прямо сейчас, или убью тебя. Убью, а потом – сойду с ума, потому что...

– Но ты же занимаешься с ней любовью? Хотя бы раз в год?

– Всё, хватит!

– У тебя очень крепкая психика, Семён Ильич. И никого ты не убьёшь. И с ума не сойдёшь. Я до сих пор даже не представляла себе, какой же ты всё-таки гад.

– Это я-то гад? Ты на первых курсах с кем хотела, с тем и... А стоило мне ненадолго от тебя уйти и по ревности и глупости трахнуть с этой несчастной Варей, как – опа! – и в мгновение ока ты уже вышла замуж за своего незабвенного, своего...

– Сёма, если ты скажешь ещё хоть слово...

Панин замолчал. К столику подошёл официант.

– Сто граммов водки, – заказал Панин.

– До одиннадцати бар не работает, – извиняющимся тоном произнёс официант.

– Вам что, впредь зайти за барную стойку, протянуть руку, взять бутылку и налить постоянному клиенту вашей гостиницы сто граммов грёбаной водки?! – с раздражением, которое требовалось на кого-то излить, возмутился доктор наук с задиристыми интона-

циями гопника, знающего свои права.

– Извините, но касса спиртное пробивает только с одиннадцати, – тихо и ещё более вежливо и виновато пояснил официант, несколько встревожено оглянувшись вокруг.

Немцы лопотали с финнами по-английски, русских в это время года тут было откровенно мало, и никто не обратил внимания на вспышку соотечественника. Официант беспомощно-призывно посмотрел на менеджера, но та была занята знаменитым польским писателем и никак на сигнализацию официанта не отреагировала. Мальцева достала из сумочки фляжку и протянула Семёну Ильичу. Тот схватил, быстро отвинтил крышечку и жадно глотнул.

– Извините, – улыбнувшись, сказала Мальцева официанту. – Он больше не будет.

Официант заученно улыбнулся в ответ, слегка кивнул и с явным облегчением унёсся от их столика, чуть не прижимая к груди кофейник.

– Всё, полусемейная сцена окончена, Семён Ильич. Не волнуйся, мы тут не за этим. Мы тут за вопросами урогенитальных инфекций, и чтобы отдохнуть, отвлечься и поразвратничать вволю. Чеши на утреннюю сходку президиума.

– А ты? – Панин ещё раз приложился к фляжке и вернул её Мальцевой.

– А я выпью рюмку-другую, полежу в ванне и пойду гулять по городу. У меня нет никакого желания лицемерно улыбаться нашим коллегам, лицезреть ехидную харю Елизаветы Петровны и выслушивать, как тебя поздравляют с рождением внучки. После обеда доклад Юрия Владимировича – я и подойду.

– Будешь по Невскому туда-сюда ходить? Ностальгировать? Ну да! Это же ваш с Матвеем город!

– Это ничей город, Сёма. Этот город – свой собственный. В этом его особенная прелесть, – мягко ответила Татьяна Георгиевна, вдруг утратившая желание расчёсывать область и без того зудящих моральных рефлексий, мацерированных нравственных парадигм и прочей гангренозной совокупности гнуса человеческого бытия. Пара рюмочек. Ванна. Прогулка по аэродинамической трубе Невского проспекта. После этого будет особенно приятно согреться в Семиных крепких объятиях, ни о чём не думая и предварительно хорошенько оглушив себя вечерней дозой спиртного. Романтика!

Даже доцент Матвеев ничем таким не блеснул. Нет, действительно, что такого всерьёз нового можно сказать об урогенитальных инфекциях, их этиологии, патогенезе, терапии и последствиях? Количество представителей фармфирм зашкаливало. Спасибо им. Молодые мальчики и девочки, в лучшем слу-

чае – не успевшие побывать врачами выпускники медицинских вузов и даже не желавшие становиться учёными выпускники биофаков, химфаков и прочих профильных факов. В худшем – «профессиональные менеджеры», хотя бог их знает, кто они такие. Конференция как конференция. Ничего необычного. Возможность потусоваться с коллегами, обновить арсенал сплетен, собрать свежие слухи о творящемся в медицине беспределе. При профессорах ординарцами были аспиранты, катающиеся на подобные мероприятия за свой счёт. При академиках – юные любовницы в доцентских званиях и при доцентских должностях, уже обладающие привилегией ничего не платить за СВ, бизнес-класс и номера-люкс. И забавные интерны, ещё частично верящие в... Во что? В великую медицинскую идею? В «доктора Хауса»? Зачем тут интерны и молодые врачи? Неужели всерьёз в поисках нового? Читайте журналы, дети. Хорошие узкоспециальные книги в этой стране уже немножечко перевелись, увы. Татьяна Георгиевна вспомнила, как сходила на сентябрьскую Международную московскую книжную выставку-ярмарку. И шлялась по ней часов пять, задавшись целью найти хоть одну толковую профильную книгу. Книгопродавцы стендов под вывесками, где так или иначе обыгрывались слова «наука», «знание» и «медицина», предлагали Маль-

цевой травники, книжечки на мотив «в ожидании малыша», а услышав фамилии Кулаков и Айламазян, делали круглые глаза и тут же лезли в свои айфоны и айпады выяснять, кто это такие. Она была готова потратить приличную сумму на что-нибудь толковое, но в результате вернулась с одной-единственной тематической книгой – переводной ерундой кокрановского руководства. Приличная сумма была потрачена на переиздания «Алисы в Стране Чудес» в разнообразных переводах и с иллюстрациями разных художников.

– А у наследников Калиновского права откуплены? – поинтересовалась она на одном из стендов, приобретая «Алису...» в пересказе Бориса Заходера.

– Кто такой Калиновский? – ответил вопросом на вопрос мальчик, к рубашке которого был приколот бейдж, гордо гласивший: «продавец-консультант».

Что уж тут говорить о науке, когда «консультанты» издательств интересуются, кто такой Калиновский?

Вечер был, сияли звёзды... То есть, вечер был, но звёзды не сияли. В Питере звёзды сияют редко. Татьяна Георгиевна стояла у окна банкетного зала гостиницы, в конференц-зале которой проводилась конференция, и курила. Позади грохотала музыка, столики утратили первоначальную нарядность, зияя прорехами в блюдах с нарезкой и похабно раскинувшись раз-

вороченными салатами. Научный банкет переходил в ту благостную стадию, за которой они все сюда и едут, уходя в отрыв от реалий работы и семьи. Лошадки, бегающие по кругу на корде, вырываются в поле, на лужок, свежей травки пожевать, размять застоявшуюся мускулатуру бессмысленным гоном.

– Здрвст-ТЕ, Татьянгеорг-НА! Прекрс-НО выгльде-ТЕ! Впрчем, как всг-ДА!

Мальцева обернулась. Позади неё стоял доцент кафедры урологии и нефрологии, работающий в отделении больницы, в состав которой входил родильный дом. Они были знакомы, но не так чтобы близко.

– Вы же слыш-ли, ккккие у нас ново-СТИ?! Патан-цу... – ЕМ?!

С виду доцент не был слишком пьян, но язык у него заплетался капитально. За его спиной маячила девушка, неловко перетаптываясь и явно не зная, как себя вести.

«Интерн? – подумала Мальцева. – Представительница фармфирмы?» Нет, представительницы одевались побогаче, и не то чтобы интеллекта, но яркости и наглости в глазах у них было побольше. Эдакая вечная готовность продавать в любое время дня и ночи. Продавать всё, включая себя. В первую очередь – себя. В глазёнках же этой девицы, неловко пристроившейся в кильватере доцента-уролога, была скучная

неопределённость, усиливаемая очками с диоптриями. «Как его зовут?.. Игорь, Игорь... Его отчество, в отличие от Варвариного, я точно знаю. Он несколько лет консультировал моё отделение. Редкая гнида. Игорь...»

– Василич, ты как уже успел так набраться?! Впрочем, у тебя и у трезвого с дикцией проблемы! – Подошедший доцент Матвеев, по обе руки которого имелись бравые фармакологические феи, спас положение. Не то Мальцева уже всерьёз стала опасаться за пробои в регистрах памяти собственного головного мозга.

«Точно! Игорь Васильевич!»

– Наш прекрасный и замечательный доцент, Игорь Васильевич! Рекомендую, девицы! – представил Матвеев смежного специалиста своим спутницам. – Ему вы сможете втухать весь арсенал своих таблеток. Он у нас очень любит залечивать гонореи до полностью стёртых клинических форм. Иногда мне даже кажется, – он понизил голос до таинственного шёпота, – что таких образом он создаёт себе пул пожизненной клиентуры. Чтобы иметь свою трудовую копейку с каждой стриктуры уретры. Кто как может, тот так и выкручивается.

– Вы, Юривладимрыч в своём rrr-петруа-PE! – криво усмехнулся уролог.

– Да, характерной особенностью Игоря Васильевича является то, что даже будучи совершенно трезвым, он разговаривает, как Никита Сергеевич. Это, девицы, был такой в стародавние времена на Руси царь. Любил кукурузу и первым завёл моду вывозить цариц за границу. Я вам потом расскажу. У вас что в школе по истории было?

И не дожидаясь ответа ярких девиц, доцент Матвеев тут же продолжил:

– Ни в коем случае, Татьяна Георгиевна, не задерживайтесь рядом с Игорем Васильевичем более трёх положенных светским протоколом минут. Не то он вас измотает рассказами, как от него жена уехала на подаренном им Порше прямо в США, причём в сопровождении роты спецназа – её любовников. А он их догонял на спортивном Камазе и всю ту роту спецназа голыми руками положил. Но жена была такая хитрая и жадная сволочь, что всё равно уехала в США, погрузив все накопленные Игорем Васильевичем скарбы в кармашек той крохотной сумочки, с которой она от него и ушла пешком, без шапки, в ночь холодную. Квартиру тоже умудрилась себе за пазуху упихнуть. Ту самую квартиру, с балкона которой Игорь Васильевич хотел кинуться вниз головой, после того, как целые сутки провисел, цепляясь руками за карниз, размышляя о любви к ушедшей жене. Хотя на самом де-

ле он цеплялся всего лишь за край кухонного стола в попытках осознать своё тело в пространстве.

Фармакологические девы ехидно захихикали. Матвеев картинно раскланялся. Невзрачная девица в очках тихонечко пропела:

– Игорь Васильевич, идё-о-о-мте!

– Да! Я любил её! Я и сейчас её люблю! А она – гадина! Гадина! Я ей никогда ничего не жалел!

– Да! – подхватил доцент Матвеев. – Наш Игорь Васильевич никогда не жалел рассказов о том, как он ничего не жалел для своей жены. Красивой, умной, яркой, талантливой женщины, которая непонятно за каким макарон вышла замуж за подобное ничтожество! Девочки, у вас есть мужья? – обратился он к своим красоткам. – Нет-нет, молчите! Ничего не говорите! Лучше я буду думать, что их у вас нет. Вот у нашей Татьяны Георгиевны нет мужа, и это очень здорово! Вот женщина, знающая себе цену и не разменивающаяся на мудаков. По крайней мере, не разменивающаяся на законный брак с мудаками!

И доцент Матвеев унёсся с замечательной для его возраста прытью, утянув за собой бравых фармдилеров.

– Ну, Игоо-о-рь Васильеви-и-ич, ну идё-о-о-мте, – снова пропела фоновая девица.

Слава богу, к Мальцевой подошёл Панин, еле от-

делавшийся от солидных академических дам. Солодные академические дамы были явно недовольны тем, что все присутствующие на банкете мужики, более-менее соответствующие им рангами, были увлечены бабьём помоложе: аспирантками, ассистентками и всё теми же «пилюлькиными» девицами. И потому солидные дамы изматывали академических мужчин солидными же разговорами на академические же темы. Мальцева не любила подобные сборища. Они были лицемерными по сути, а после очередного стакана становились неприемлемыми и по форме. Понятно же, что солидные академические дамы разойдутся по своим номерам злые и, как обычно, неудовлетворённые. Академические же мужики будут гудеть всю ночь в обществе молоденьких инженерю. Кое-кто даже променяет своих официальных, специально для этого дела прихваченных спутниц, на девчужек помоложе и посвежее. Такова обратная сторона научных конференций, где хлебать начинают с самого поезда, продолжают за занавесом перед выходом в президиум, а заканчивают... О, нет! Нет-нет! Научные конференции – серьёзное мероприятие, где собираются исключительно сливки академического общества, чтобы поделиться друг с другом и научной молодёжью последними достижениями в области медицинской науки. И никак иначе! Никакой обратной стороны

у подобных мероприятий нет! Гнусная клевета!

– Вовремя Матвеев от тебя этого доцентика шуганул. Неприятная личность.

– Матвеев или доцентик? – улыбнулась Мальцева.

– Да оба два! Но Юра – друг. И товарищ. И умён, шельма. И специалист высококлассный. И знает, где бабки брать, а где – бескорыстно делу служить. А этот из дутых. Глуп, амбициозен и жаден. Худшее из возможных сочетаний. Он же после смерти заведующего... – Панин бросил на Мальцеву быстрый и не слишком понятный гипотетическому стороннему наблюдателю взгляд. – Когда урология осталась без заведующего, – тут же изменил Семён Ильич формулировку, – хотел на его место прорваться, но... Ты же знаешь, что у них там... Идём, пообщаемся с министерскими тузами, пока они ещё в сознании.

Семён Ильич ухватил Татьяну Георгиевну за талию и увлёк от приоконного одиночества, нарушаемого лишь «мелкими сошками», в компанию «министерских тузов».

Да, Татьяна Георгиевна знала, что «у них там», в урологии. Как бы велика ни была больница, подобное не остаётся незамеченным. И не только в больнице. Такое не остаётся незамеченным всей медицинской и около общественностью города и области. Прежний заведующий урологией недавно скончался от... рака

предстательной железы.

Анатолий Васильевич Семёнов, врач уролог-нефролог-андролог высшей квалификационной категории, доктор медицинских наук, возглавлял отделение урологии больницы более двадцати лет. Он достаточно рано получил эту должность – достаточно рано по медицинским меркам, где «успешными менеджерами» становятся, как правило, ну никак не раньше сорока лет. И так долго держал бразды правления «хлебным» департаментом благодаря целому комплексу общечеловеческих и профессиональных качеств. Анатолий Васильевич был добрым человеком. Но при этом – отменным администратором. Как в нём уживались эти две противоречивые по сути ипостаси – загадка. Никто и никогда не слышал, чтобы Семёнов кричал или просто повышал голос. Никто и никогда не «съёживался» под его «холодным взглядом». Он всегда был улыбочив, и ему невероятно шли гусиные лапки, радиально разбегавшиеся от внешних уголков его лучистых голубых глаз. Прежний заведующий никогда и никого «не зажимал», не отбирал клиентуру, как это свойственно большинству заведующих. Контроль его был ненавязчив и не унизителен. Не демонстративен. Но все и всегда знали: в случае «если что» Семёнов выручит, прикроет и никогда не вынесет сор из избы. Он умел «выбивать» оборудование и со-

брал отличный костяк высокопрофессиональных врачей, потому никакие бродящие стадами молодые специалисты и многочисленные интерны его отделению были не страшны. Если когда-то и существовал на свете идеальный заведующий отделением не в теории, а на практике – так это был Анатолий Васильевич Семёнов. Как и любой оперирующий уролог, он собаку съел на гипертрофиях предстательной железы. Целую упряжку собак. Вместе с нартами и поклажей. Он всегда крайне настороженно относился даже к самым безобидным с виду аденомам простаты и предпочитал лишний раз перестраховаться и отправить пациента на консультацию в онкодиспансер, если гистология вызывала хоть малейшие сомнения. И по горькой иронии судьбы – точнее, по злому её сарказму – сам он умер от рака предстательной железы. Болезни, развивающейся, как общеизвестно, медленно. И произрастающей из той самой безобидной доброкачественной гиперплазии простаты. Ещё Анатолий Васильевич, разумеется, знал, что рак простаты – самое распространённое онкологическое заболевание у мужчин. И что в начальных стадиях болезнь может протекать без особых симптомов. И что мужчинам после сорока пяти лет нужно регулярно проходить осмотр и не менее регулярно сдавать анализы. Семёнов был в курсе, что у него аденома простаты.

Седьмой десяток, налицо симптомы инфравезикальной обструкции – вялая и прерывистая струя мочи, ощущение неполного опорожнения мочевого пузыря, учащённое мочеиспускание. Никтурия. «Надо бы попросить Зотова в задницу залезть, – подумывал он ночами, глотая таблетки и запивая их крепким кофе. – Хреново это, Толя, императивные позывы! Всё! Завтра же после пятиминутки!» Да и потенция была уже явно не та, не зря молодая, всего лишь сорокапятилетняя жена, смотрела на него зло и неудовлетворённо. Ну да не так страшна импотенция – на седьмом десятке-то! – как слабый напор струи и перерывы во время мочеиспускания. Напор и прицельность струи – вот настоящие мужские качества!

Но «завтра же после пятиминутки» наваливались неотложные дела. Административные, лечебные, семейные. Бесконечная круговерть неотложных дел, которые требовали немедленного разрешения. А что до поссать – пардон, помочиться, – уролог что, не знает какие таблетки глотать?

«Всё! Дальше откладывать некуда! В понедельник с утра тащу Зотова в смотровую!»

Но в понедельник с утра вызывали в горздрав, в министерство, на летальную комиссию, Зотов уходил в отпуск (а никому, кроме старого друга, Анатолий Васильевич не хотел доверять свою задницу).

– Так, Семёнов! – строго сказал как-то раз тот самый Зотов, стоя у соседнего писсуара. Они гуляли в ресторане и, прям как девочки, пошли в туалет вместе. – Или ты мне клянёшься здоровьем сына, что завтра мы тебя обследуем, или я тебя прямо тут делаю пальцевое исследование! – категорически завершил он тираду, сперва скептически понаблюдав за мучениями товарища, а затем задрал голову и свирепо поглядев на старого друга снизу вверх. Сильно снизу и сильно вверх. Анатолий Васильевич был ростом под два метра и весьма атлетического телосложения. Коротышка Зотов доставал ему разве что до плеча.

– Ну ладно, Коля, ну чего ты... Чего тут клясться?! Написано же: «не клянись!» – залебезил Семёнов. – Тем более – сегодня. Завтра как с куста! Это всего лишь аденома. Аденома – она вовнутрь, потому и... – Он печально потрусил кое-каким органом, заправил его в штаны и, несколько бравируя, застегнул ширинку. – Рак уже дал бы о себе знать. Были бы боли в суставах и прочие прелести метастазов. Я аденому торможу пилюльками, не ссы!

– Я-то как раз ссу, а не выдавливаю из себя по капле!.. – мрачно констатировал Зотов. – Ладно, так и быть, не сегодня. И – так и быть, ладно, – сегодня не клянись. Но завтра!..

В ресторане справляли свадьбу Семёнова-млад-

шего. Василий Анатольевич Семёнов, врач-уролог, бывший чуть не на голову выше своего почти двухметрового отца, наконец решил узаконить свои отношения с коротышечкой-однокурсницей, еле-еле дотягивающейся разве что до его груди и уже родившей ему крохотную дочурку.

«Завтра» случилось через неделю. После того, как Зотов прибегнул почти ко всем возможным способам – упрощениям, угрозам и даже шантажу: дал слово чести рассказать жене Семёнова о интрижке её супруга с главной сестрой ургентного оперблока (десятилетней давности). Анатолий Васильевич, отчаянно струсив (ибо нрав у его супруги был ох как крут), согласился на осмотр и сдачу анализов. А затем – и на биопсию простаты. На основе комбинации факторов, таких как Gleason score, скорости повышения уровня ПСА в сыворотке крови и, наконец, количестве раковых клеток в ткани простаты, пациенту Иванову И.И., на которого была заведена карта, был поставлен диагноз: «Рак предстательной железы. T1N3M3». Что в переводе с медицинского на людской означает: «Запущенный. Неоперабельный. С метастазами в жизненно важные органы».

– Как же так? – после чуть не залпом опорожнённой пол-литровой бутылки водки, наконец смог заговорить Семёнов. – Связи между доброкачественной

аденомой простаты и раком не обнаружено... Исследования не указали статистически достоверной зависимости.

– Значит ты – внестатистический счастливчик, – загробным тоном подытожил Зотов.

– Коля, но как же?! У меня же ничего не болело!

– А лимфоузлы у себя в паху ты, мудака, не мог пощупать?!

– Лизе – не слова! – сказал Семёнов.

– Ладно. Ни слова не скажу Лизе. Втайне от неё пройду парочку курсов химиотерапии – она, разумеется, не заметит, как ты похудеешь, облысеешь, посереешь и станешь жидко срать и блевать дальше, чем видишь. А потом я – разумеется, втайне от Лизы – незаметно прикопаю твой хладный труп где-нибудь в окрестностях городской свалки. Не волнуйся, Лиза ничего не узнает!

И старые друзья внезапно разразились долго не прекращающимся идиотическим хохотом, вызвав удивление и беспокойство метрдотеля кабака.

– Что-то радостное празднуете, господа? – любезно поинтересовался он, подойдя к ним.

– Ага! Поминаем этого идиота! – утирая выступившие слёзы, ответил Зотов, кивнув на своего товарища.

– Э-э-э... Ещё чего-нибудь желаете?

Они заказали ещё водки. И закуски, разумеется.

Семёнов умер после первого же курса химиотерапии. Даже не успев попрощаться с женой, которой сообщил, что ему «надо немного подлечиться», категорически запретив другу ставить её в известность, от чего именно. Единственное, о чём Семёнов переживал до последнего мгновения, так это о том, «как же теперь Лиза?» Лиза чуть не убила Зотова, впа-ла в депрессию и похудела на двадцать килограммов за месяц. Всю жизнь она мечтала быстро похудеть. Бойтесь своих желаний. Зотов подарил ей щенка. Купил на птичьем рынке, не стал заморачиваться с «элитными питомниками». Как-то вечером Лиза уже собрала все имеющиеся в доме таблетки и, достав из холодильника бутылку своего любимого вина, приготовилась её выпить вприкуску с антидепрессантами, снотворными, препаратами дигиталиса и всем остальным арсеналом домашней фармакопеи, за исключением активированного угля. Но у маленького бассет-хаунда начался понос – и он, жалобно поскуливая, посмотрел на неё такими глазами, что... Лиза спасла его от чумки, а болезнь щенка – вытащила Лизу из депрессии. Невестка на Лизу обиделась. Потому что жена сына добросовестно пыталась помочь Лизе, чуть не каждый день после похорон привозя маленькую Семёнову к бабушке. Но та бабушку только раз-

дражала.

– Твоей матери пёс главнее нашей дочери! – пилила она Семёнова-младшего.

– Заткнись! – добродушно кидал тот жене-пигалице с высоты своей фенотипически безусловной доминанты. – Да хоть сверчок за холодильником. Главное, что выкарабкалась.

Но бабы – гнусное отродье. Невестку не волновало, что свекровь выкарабкалась. Очень даже может быть, что в глубине своей души она как раз надеялась на обратное. Гоня подобные надежды и желания прочь (или – загоняя их поглубже). У свёкра и свекрови была трёхкомнатная квартира в историческом центре Москвы, доставшаяся старшему Семёнову от родителей. И если бы свекровь не выкарабкалась, то... Ох, нехорошо так думать, нехорошо! А теперь она выкарабкалась – и найдёт себе мужика. Здоровая, тварь. Высокая, красивая, её сорок пять ей никак не дашь. Теперь она, гадина, – стройная дама с собачкой и крутой недвижимостью. И дачей в ближнем Подмосковье! Найдёт себе мужика – и хрен сыну и внучке что достанется. Это как дважды два. Хорошо, конечно, что выкарабкалась, но всё же...

– Пусть она тебя в свою квартиру пропишет, – таская туда-сюда маленькую дочурку на руках между диваном и телевизором (на диване возлежал Се-

мёнов-младший, по телевизору транслировался футбольный матч), – ныла Лизина невестка своему муженьку.

– С какой такой радости? – спокойно и скорее риторически, нежели заинтересовано вопрошал сын покойного. – У меня своя есть.

– Не у тебя, а у нас! – взвизгивала жёнушка, и уже было успокоенная дочурка начинала пиццать.

– Дай сюда!

Семёнов-младший отбирал у жены дочь, подбиравал, агукал и, в конце концов, укладывал себе на живот, где та, насмеявшись и нагулившись, удовлетворённо засыпала.

– У нас, у нас, – примирительно шептал Семёнов, пытаясь рассмотреть за маячившей женой перипетии футбольного матча. – Напоминаю тебе, что нам эту квартиру мой папа купил. Эта – у нас. Мамина – у мамы. И она вольна с ней делать всё, что заблагорассудится.

– О дочери хотя бы подумай!

– Нашей дочери надо жрать, беспрепятственно пукать и спать! Для этого ей созданы все условия. Так, всё, съебалась на кухню! – начинал свирепо шептать Семёнов-младший жене, ласково прижимая к себе мирно спящую дочурку.

И та беспрекословно подчинялась. Достаточно изу-

чив добродушный, но временами гневливый нрав здорового мужа, она точно знала, за какие флажки не стоит переть.

Смерть такого человека, как Семёнов-старший, всегда трагедия для семьи. Особенно смерть скоропостижная. Смерть, к которой никто не сумел подготовиться. Такая смерть, которая не изматывает многочисленными посещениями врачей, привычкой к стационарам с их тягостным запахом дезрастворов, не приучает привычно держать удар перед очередными диагнозами, не присылает извещений в виде муторного запаха лекарств и затухающей плоти в доме, – страшна, как лобовое столкновение с дальнобойной фурой. Это не та смерть, которую ждут. Не та, которая «лучше ужасный конец, чем бесконечный ужас», когда родня делает скорбные лица, про себя молясь лишь об одном (и доленое участие в мраморном памятнике уже подсчитано в соответствии с полученным от умирающего бонусами). Внезапная смерть – сильнейший шок. Для тех, кто любит по-настоящему. Но, как и в случае любой смерти, все, кто не умер – живут дальше. Татьяне Георгиевне Мальцевой был очень хорошо знаком подобный шок. И когда она узнала обстоятельства смерти Семёнова – её вывернуло наизнанку. В буквальном смысле слова. Она еле успела добежать до умывальника. Хорошо, что Панин

рассказал ей эту историю у себя в кабинете. Хорошо, что в кабинете Панина после очередного ремонта появился комфортный санузел.

– Боже, что с тобой?! – перепугался Семён Ильич. – Ты же с ним была всего лишь шапочно знакома! Ты не отравилась?

– Отравилась.

Мальцева упала на колени перед унитазом, и её капитально вывернуло ещё раз. Желчью.

– Что ты ела? – озабоченно спросил Панин, приведя её в порядок и уложив на диван. – Хотя, судя по рвоте, ничего. И уже давно, – строго посмотрел он на неё.

– Я отравилась смертью. Когда мне сообщили, что Матвей...

– Боже мой, сколько лет прошло! Пора уже просто жить дальше!

– Панин, я просто живу дальше. Ты это прекрасно знаешь, – слабо улыбнулась она. – Но «тело помнит». Я не властна над патофизиологией организма. И – да – знакома я с Анатолием Васильевичем Семёновым была шапочно. Но я видела его с женой на нескольких мероприятиях. Жаль, что «умерли в один день» бывает только в сказках. Свари мне крепкий кофе.

Смерть заведующего урологией всколыхнула всю больницу. Во-первых, своей скоропостижностью. Вче-

ра ты поздоровался с коллегой в приёме, а завтра уже стоишь на кладбище и сидишь за поминальным столом. Во-вторых, гротескной, чудовищной нелепостью: один из лучших специалистов-урологов пропустил злокачественную онкологию собственной простаты. Бездумно, безголово, безответственно разменял на авось и на ежедневную круговерть никогда не иссякающей текучки свою собственную единственную жизнь. В-третьих, крупное отделение осталось обезглавленным. Отличное, доходное, «жирное» отделение.

На удивление, сверху никого не спустили. Главврач предложил заведование Зотову.

– Не могу, – коротко ответил Николай Николаевич главврачу.

– Почему?!

Тот ненадолго задумался.

– Не могу – и всё. Ни почему.

– И что мне делать? – с тоской посмотрел на него главврач.

– Не знаю, – Зотов в ответ пожал плечами. – Могу предложить две кандидатуры из наших. Первая – Иван Петрович. Вторая – Игорь Васильевич.

– Так молодые вроде ещё.

– Тридцать восемь и сорок. Не такие уж и молодые. Старпёров вроде меня точно не стоит назначать. А бу-

дешь тормозить – тебе министерство такого же «молодого» блатного пришлёт. Безмозглого, безрукого и с амбициями. Вроде того, что у нас гинекологией заведует. Сколько тебе Панин жалоб на стол положил?

– Бумагу жалко, – вздохнул главный врач. – Но Иван Петрович у нас тоже из блатных.

– Скорее из врачебной династии.

– И кого лучше?

– Ваня добрее, спокойнее. Амбиций меньше, на работе больше времени проводит. Второй злее, честолюбивее, жаднее. Как специалисты – примерно одинаковые. Одна школа. Руки обоим один и тот же академик ставил. Петрович может отделение распустить. Василич – тот так гайки закрутит, что никому жизни не станет, все будут слоняться неприкаянно, вылизывая послеоперационных, он всё на себя заберёт. Не знаю, что лучше, а что хуже. Всё равно больше некого. Если из своих. Остальные – или предпенсионного, или уже сильно пенсионного возраста. Или совсем в подштаниках. Эти двое – всё-таки врачи, а не так, поссать вышли.

– Кстати, о... Коль, слушай, я тут... В общем, ты бы не мог меня завтра обследовать.

– Писаешь, что ли, криво?

– Да нет. Но лучше я проверюсь.

– Моя смотровая – твоя смотровая! – с радушным

грузинским акцентом развёл руками Зотов.

После внезапной глупой смерти Семёнова все мужики «за сорок» немедленно обследовались на предмет простаты. Включая Панина. Разумеется, втихаря. Мужчины умнее женщин. Кроме ахов и охов они ещё и действовать не перестают. Другое дело – прекрасный пол. Узнав, что соседка или знакомая умерла от рака матки, оставив сиротами двоих детей, они лишь трепетно следят за тем, насколько быстро вдовец обзаведётся женщиной. Вместо того чтобы самим посетить гинеколога.

Главврач принял соломоново решение: устроил тайное голосование среди врачей урологического отделения. Две кандидатуры: Иван Петрович Пустовойтов и Игорь Васильевич Рачковский. С подавляющим перевесом голосов победил Иван Петрович Пустовойтов, врач-уролог высшей категории, кандидат медицинских наук. Игорь Васильевич Рачковский, врач-уролог высшей категории, кандидат медицинских наук и доцент кафедры урологии и нефрологии, чуть не лопнул от злости. То есть сперва, когда главврач объявил о таком раскладе, Игорь Васильевич чуть не лопнул от важности. Он вообще относился к той категории врачей, которые всегда имеют нарочито важный вид, как будто знают что-то такое, что кардинально отличает их от простых смертных. Что-то тайное,

сакральное. Подобные врачи взирают на пациентов слегка свысока, снисходя до равности лишь с особо избранными: сильно блажными и с хорошо отягощенным финансовым анамнезом. Иван Петрович со всеми пациентами – платными и бесплатными, бедными и богатыми, жадными и щедрыми – был одинаково вежлив, мягок и тактичен. Игорь Васильевич, еле-еле защитивший свою кандидатскую, написанную той самой женой, которая от него ушла, так был ударен величиим учёной степени, что коллеги всерьёз беспокоились за его психическое здоровье. Иван Петрович к получению звания кандидата медицинских наук относился проще – как к малоприятной, отвлекающей от дела суровой необходимости нынешних реалий, в которых едва вылупившийся из академии, ничего не умеющий и не соображающий птенец – уже сразу кандидат наук. Как-то неловко нынче быть без этого смешного к. мед. н. оперирующему знающему специалисту, когда у тех, кто за тобой папки носит, на бейджике эти буквы имеются. Иван Петрович, узнав о предстоящем тайном голосовании, лишь кивнул и никак своего поведения не изменил. Игорь Васильевич вызвал каждого к себе в кабинет доцента (у Ивана Петровича и кабинета-то никакого не было – в ординаторской сидел) – и, преломив по стакашке, пообещал золотые горы и особое благоволение заве-

дующего, если выберут именно его. Стакашку врачи с ним преломляли, согласно кивали в ответ на перечисление Игорем Васильевичем характерологических и профессиональных недочётов Ивана Петровича, но... Но тем неожиданней оказался для него результат: практически единогласно коллегами выбран был Иван Петрович Пустовойтов. За Игоря Васильевича Рачковского проголосовала одна-единственная женщина-уролог, работавшая в отделении. Ей было уже слегка за тридцать, ни особой красотой, ни особыми талантами она не блистала, а от Рачковского как раз только-только ушла та пресловутая жена. И пару раз он пил на эту тему с Ириной Владимировной. Правда, он пил на эту тему со всеми, кто под руку подворачивался, но Ирина Владимировна всё-таки была женщиной. Одной-единственной незамужней женщиной среди поголовно женатых мужчин-врачей этого урологического отделения. И одним-единственным врачом, проголосовавшим за Игоря Васильевича. Как-то так, в общем.

Рачковский месяц не разговаривал с Пустовойтовым. Хотя до этого они практически дружили. То есть – близко приятельствовали. Или как это называется, когда люди связаны одними учителями, долго и плотно работают плечом к плечу, вместе выпивают и даже ходят друг к другу в гости семьями. То есть – ходи-

ли. Пока от Рачковского не ушла жена. После того как она ушла, Рачковский таскался к чете Пустовойтовых в одиночестве или с медсёстрами. И они мужественно выслушивали его становившиеся всё более фантастическими саги «всё о том же».

Будь расклад иным, Пустовойтов бы пожал Рачковскому руку, поздравил его с избранием на ответственную должность и даже с искренним удовольствием обмыл бы с коллегой это дело. Рачковский же молча встал и с обозлённым видом вышел из ординаторской, хлопнув дверь. Будь иным Пустовойтов, он немедленно обрезал бы Рачковскому все подходы к операционной (как непременно бы сделал Рачковский, выбери коллектив заведующим его). А Рачковский не здоровался и не разговаривал с Пустовойтовым месяц, передавая ему бумаги на подпись с медсёстрами. Если бы заведующим выбрали Рачковского, Пустовойтов имел бы кучу проблем из-за малейшего опоздания, но заведующим выбрали Пустовойтова – и потому Рачковский приходил на работу когда хотел и частенько свои действия и решения с заведующим Иваном Петровичем не согласовывал вовсе. Тема ушедшей жены разбавилась темой: «Ванька – сволочь, ему папа помог!» Чем «Ваньке-сволочи» мог в тайном голосовании помочь папа – да, действительно заведующий гастрохирургией этой же больницы,

да, действительно бессменный областной хирург – не понятно. Ещё более непонятно то обстоятельство, что Рачковский обливал за глаза жидким говном Пустовойтова всем встречным-поперечным, друзьям и врагам, знакомым и не очень, врачам, медсёстрам, санитаркам и собственным пациентам Ивана Петровича, а тот, всё зная, молчаливо терпел и на любые справедливые возмущения по этому поводу лишь сдержанно говорил: «Человеку плохо. От него жена ушла. Прекратите сплетничать». Через месяц Пустовойтов подошёл к Рачковскому и виновато сказал:

– Игорь, ну чего ты? Ну что за ерунда? Столько лет вместе. Давай пять!

Рачковский пожал Пустовойтову руку, но подрывной деятельности не прекратил. Впрочем, цену ему все знали. Выбор отделения был понятен.

Что касается набившей оскомину всей больнице бывшей жены Рачковского, то ушла она от него не просто так. А по тем же причинам, по которым коллеги предпочли выбрать в заведующие Пустовойтова: Игорь Васильевич был лицемерен, жаден и, признаться честно, откровенно глуп и скучен, когда речь не шла о выделительной урографии. Непонятно другое – почему она вообще вышла за него замуж. О чём на их свадьбе некогда спросил всё тот же Зотов, сказав, обращаясь к ней, буквально следующее:

– Вы умны, красивы и порядочны. Зачем вам это?

Бывшая жена Рачковского не стала тогда объяснять Зотову, что внезапно ей просто захотелось покоя. Которого не было ни в отчем доме, ни с многочисленными, сменяющимися друг друга любовниками. А Рачковский настолько предсказуем и житейски правилен, что, наверное, ей с ним будет хорошо.

Она ошиблась. Рачковский не был житейски правильным, он был бытийно-ущербным. Каковым, впрочем, является преобладающее большинство, и ничего ужасного в этом нет. Просто каждый должен найти себе подходящую пару. Бывшая жена Рачковского не была ему достойной парой. А он – не был достойной парой ей. Когда она это осознала – тут же ушла. В чём была, взяв только свой собственный паспорт. Но слишком взволнованный уходом жены Рачковский не мог понять, отчего это ему так мятежно на душе, и всем рассказывал, что «эта сука, которую он так любил, а она оказалась страшной блядью», отобрала у него всё. И он даже хотел покончить жизнь самоубийством. Сперва ему верили и сочувствовали, но когда рассказы и жалобы приобрели уже и вовсе неправдоподобные масштабы, все перестали слушать сказочку про белого бычка. А некоторые даже почувствовали себя идиотами. Особенно после истории с выборами заведующего. Стали припоминать события, де-

тали, мелкие события и детальки, и... И даже всегда спокойный, как слон – потому что большие люди, как правило, добрые, – сын покойного Семёнова как-то раз протрубил на всё отделение: «Я всегда знал, что Василич – страшный жмот, гондон и врун!» Короче, Игоря Васильевича перестали слушать. Даже единственная женщина-уролог в отделении, Ирина Владимировна. Ей даже замуж за него внезапно перехотелось.

Но в очередном академическом году в урологическое отделение поступила новая партия интернов. И незамужняя очкастая девица двадцати семи лет – долго поступала, тяжело урологию выбивала – обратила свои пристальные взоры на холостого доцента. Напрашивалась на операции, третьей постоять. Заполняла его истории и заполняла за него журнал операционных протоколов. И смотрела влюблёнными глазами. Но призрак гнусной твари, высокой тощей блондинки, разбившей ему жизнь, пока заслонял всё. Доцент приблизил девочку-интерна к себе, но лишь потому, что нынче только она одна могла выслушивать страшные истории о бывшей жене. Её питала надежда стать женой нынешней. Доцент пока был не в курсе. Не давал себе труда понять, что вот оно, его истинное счастье! Из всех книг, в отличие от «проклятой проститутки, которая только и делала, что читала»,

прочитавшей только букварь и «вон ту, синюю, про почки». Ещё не отдавал себе отчёта доцент Рачковский, что простенькая и незамысловатая интерн, мечтающая о печати в паспорте, «ребёночке» и пожизненном месте в поликлинике, – и есть его настоящая пара. Но девочка-интерн уже оплатила своё участие в конференции по урогенитальным инфекциям, пригласилась за доцентом (участие которого оплачивали фармфирмы, ибо он участвовал в протоколе клинических испытаний) в Питер и не отпускала его от себя весь первый банкетный вечер.

– Ну, идё-о-о-мте, Игорь Васильевич! – услышала Мальцева тихое, умоляющее, удаляясь с Паниным.

– А ведь она его на себе женит! – сказала она Семёну Ильичу.

– Ой, да ладно. Кто отказывается переспать, особенно когда оно само упорно напрашивается? Трахнет, поплачется пьяными слезами про бывшую и... – Панин внезапно замолчал.

– Ага. И женится. Это ведь так происходит, Семён Ильич? «Оно само напрашивается». Трахаешь. Плачешься пьяными слезами на бывшую, а потом – бац! – трое детей, плюс ты – бабушка. Романтика! – хохотнула Татьяна Георгиевна.

– Стерва ты, Мальцева! – привычно-спокойно ответил Панин.

– Нет, мне теперь даже интересно. Через полгода мы услышим звенящий над отделением урологии звон свадебных колоколов. Молодая будет в белом платье и беременная. Спорим?

– Танька, нельзя быть такой циничной!

– Я не циничная, Панин. Я – опытная. Ладно, идём уже к твоим министерским. Только ненадолго. Я устала.

– Тогда ну их, министерских, поехали отсюда. И я не хочу сегодня больше никаких разговоров, никаких размышлений ни о чьих судьбах. Я хочу быть сегодня только и только с тобой.

– Ладно. Поиграем в эти игры, – согласно кивнула Мальцева.

Действительно, для чего ещё придуманы игры? Для того, чтобы отвлечься от реальности. Чтобы о реальности забыть. Чтобы не думать об отсутствии любви и неизбежности смерти. Первая случается куда реже второй и поголовно подменена «отношениями». Вторая – ужасна и непривлекательна, особенно если её бояться. А как же её не бояться, если гарантированно неизбежной смертью (через болезни и жизнь, полную лишений и несправедливости) ещё и постоянно пугают болезненно внушаемых прямоходящих, которых уже и людьми-то перестали считать, переименовав в «группу обследования», «целевую аудиторию»,

«потребителей» и ещё чёрт знает во что.

– Панин, ты чего так долго?! – несколько ехидно протянула Мальцева, облокотившись на локоть, а затем и откинувшись на белоснежную подушку гостиничного люкса.

Дверь в ванную комнату была приоткрыта.

– По капле выдавливаешь из себя раба?

– Дура ты, Танька! – испуганно отозвался Семён Ильич.

Татьяна Георгиевна встала, натянула на себя белоснежный «общепароходский» махровый халат, прошла к широченному подоконнику, раскрыла окно и закурила.

– Закрой окно, простудишься! – строго сказал Панин, вышедший из ванной в таком же халате.

– Плесни-ка мне, – лениво и довольно отозвалась Мальцева, никак не отреагировав на его заботливое замечание. – Курить запрещено. Надо уважать порядки.

Панин налил виски в стакан и подал Мальцевой.

– И не надо ехидничать! У меня всё в норме. Я проверился! – чуть обиженно сказал Семён Ильич. – Всё в норме! – повторил он.

Татьяна Георгиевна насмешливо прищурилась, выдыхая дым.

– Не только потенция! – чуть мальчишески выго-

ворил так и не дождавшийся комплиментов Семён Ильич.

– Да знаю я, что все вы проверились. После смерти Семёнова. Мальчики, пугливое племя. Бедный Коля Зотов месяц не разгибался от заслуженных пожилых задниц, – захохотала Мальцева. – И каждая, разумеется, была обслужена под большим секретом. Ну разве что манипуляционная медсестра дайджест ежедневно обнаруживала.

– Слушай, ну, стрёмно всё-таки. Чего издеваешься?

– Я не издеваюсь, Сёма, – вздохнула Мальцева. – Всё правильно сделали. Просто то, что так внезапно умирают те, с кем ты... на «ты», это как-то...

– Все умирают внезапно. Даже те, о ком ты знать не знаешь.

– А представляешь, Панин, сколько тех, о ком мы знать не знаем, побывало в этих халатах и на этих простынях? Чем они отличаются, гостиничные, от больничных? Такие же, «всехние», простерилизованные... У меня есть одна приятельница, она всегда с собой возит комплект постельного белья, пижаму, тапки и халат. В поездах бельё перестилает.

– Глупость какая! В нашем мире, где давным-давно можно ездить с кредиткой...

– Да, глупость, – вздохнув, перебила его Мальцева. – Я ей тоже всё время говорю, что это ужасная глу-

пость. Всё прожарено. И не возить же за собой стулья. Или в самолёт – со своим креслом. Мир так удобен для пользования и путешествий налегке. Любая точка пространства обеспечена всем необходимым. Человеческие нужды унифицированы.

– Что-то ты очень грустно об этом всё говоришь...

– Сёма, но мы же все – разные! И нуждаемся – в разном! И любим мы по-разному. И болеем. Вон, у Семёнова покойного гематурии не было.

– Да, это так романтично! Мы с тобой в Питере, о чём бы нам с тобой поговорить, как не о клинике течения рака у покойного!

– Это ничуть не менее романтично, чем гостиничные простыни, тапки и халаты.

– Уверен, с Матвеем тебе на всё это было наплевать. С Матвеем ты могла совокупляться и в чужом вшивом спальнике, – чуть зло сказал Семён Ильич и налил себе куда щедрее, чем следовало бы.

– С Матвеем – да, – совершенно спокойно ответила Мальцева, равнодушно выдыхая дым в вечно затянутое питерское небо. – Разница между Матвеем и всеми остальными в том, что Матвей понимал – никакой разницы между чужим вшивым спальником и гостиничными белоснежными простынями нет.

– И что эта глубокомысленная сентенция должна значить?!

– Ничего, Семён Ильич. Ровным счётом ничего, как и любая мало-мальски уважающая себя глубокомысленная сентенция, – улыбнулась Мальцева. – Но с тем, кого не любишь, совокупляться на чистом белье всё-таки приятней. Тебе ли не знать.

Кадр тридцать первый «ЦА»

Мальцева запарковалась на своём законном месте, под окнами обсервационного буфета первого этажа. Конференция закончилась, а вместе с ней и иллюзия отдыха. Всё равно мобильный разрывался. Но теперь она могла его ненадолго отключить. И она, и даже Панин. Всё-таки Родин был не только высококлассным специалистом, но и очень ответственным и надёжным человеком, не в пример своему предшественнику.

– Здравствуйте, Татьяна Георгиевна! – подскочила с места молоденькая акушерочка приёмного. – Вот, к вам оформляем! – кивнула она на симпатичную девушку, сидящую напротив неё на краешке стула.

– У меня только схватки начались. Вы меня не помните?

Дальше обыкновенно следовало: «Я у вас лежала/рожала!» Но ничего подобного не последовало. Возможно, Мальцеву привлекали для консультации. Она внимательнее взгляделась в лицо девушки. Симпатичная, даже красивая, мордашка. Знакомая. Но с какого-то момента все типы симпатичных, даже

красивых, равно как и несимпатичных и откровенно некрасивых «мордашек» становятся любому акушеру-гинекологу на одно... место.

– Я редактор той передачи, где вы снимались!

– Ах, да, да...

За последний год Мальцева только и делала, что «снималась» в передачах. Раз десять, никак не меньше. И ещё больше – отказывалась в них сниматься. Но Панин орал про узнаваемость роддома, про то, что все эти пляски – роддому на пользу. Происходило это обыкновенно так: поступал звонок с неизвестного номера.

– Да?

– Здравствуйте, Татьянгеоргна! Вас беспокоит редактор передачи «Шурумбурум», которая выходит на канале Бурум-Шурум. Мы хотели бы пригласить вас в качестве гостя/эксперта/гостя «в стул»/прокомментировать ситуацию с умершей в городе Гнилозубово девочкой...

Первый редактор, позвонивший с подобного рода просьбой, был послан по вполне конкретному адресу. После чего Мальцеву вызвал к себе Панин и ныл, что у него люди попросили прислать специалиста, а он этим людям не может отказать... Почему он не отказывал людям на задницу Мальцевой, а не на свою собственную – не понятно. В итоге Татьяна Георгиев-

на на какое-то из телешоу покатилаь.

В арендованном Мосфильмом сарае она тогда просидела несколько часов, хотя подъехала к точно назначенному сроку. В неё сперва вцепились две разухабистые тётки и, вымазав ей лицо замазкой, начернив веки и ресницы, а губы унавозив ярко-алой помадой, схватились за плойку и сделали из её гладких опрятных волос кубло куделек, по которым ещё потом прошлись начёсом и забрызгали это всё лаком. В результате Мальцева стала похожа на ярчайшую представительницу отряда «мохеровых беретов» – гримёры способны испортить любую красоту. Первый раз она всё это безропотно снесла, потому как полагала, что доверять профессионалам – это норма. И, вероятно, гримёры знают что-то такое, чего ты сам о себе не знаешь, и им стоит верить больше, чем зеркалу.

– Ну вот, теперь красавица! – безапелляционно рявкнула главная из разухабистых тёток.

Мальцевой ничего не оставалось, как покорно согласиться. Всё равно при помощи всего лишь расчёски привести кубло в порядок не представлялось возможным. Тут или бритва, или обильное мытьё головы со всеми возможными масками, увлажнителями, кондиционерами – иначе то, что останется, не расчесать.

Такой «красавицей» Татьяна Георгиевна и просидела в присарайном помещении несколько часов, ди-

вась про себя, сколько же вокруг бездельников, а между тем в стране, как обычно, кризис, и работать, как это и положено, – некому. Какого-то невнятного возраста мальчики и девочки «восемнадцать-сорок» сидели, галдели и носились вокруг. Сидели они с глубокомысленным видом, являвшим миру презрение и усталость. Пусты были их глаза, уставившиеся в айфоны, айпады и лептопы. Галдели они о чём-то непонятном Татьяне Георгиевне. О маршах справедливости, о трагедиях креаклов («О трагедии кого?» – уточнила она у одного из «мальчиков», схватив его за полы свисающего палантина, обмотанного вокруг шеи пару раз. – «Креаклов!» – брезгливо облил он её презрением в ответ, потрусив ручкой). Носились они вокруг, потому что кто-то задерживался, кто-то – опаздывал, а кто-то просто – «гандон немытый!», ну и потому, что ведущей нужна была то лиловая юбка, то зелёные боты. Что-то в таком роде. Изуродовавшая её гримёрша пару раз вытянула Мальцеву покурить, они даже о чём-то посмеялись. Гримёрша оказалась в общем-то неплохой бабой, со взрослым сыном, молодым мужем и кучей общечеловеческих проблем, которые тут же вывалила на Татьяну Георгиевну. После чего ещё пару раз прошлась по ней из баллончика с лаком – в помещении уже, разумеется, где и так не было особо чем дышать, – на правах почти что подруги. Мальцева

всё покорно терпела. Не хотелось обижать хороше-го человека. Единственного, кто тут действительно не покладал рук, усердно тонируя, разукрашивая и причёсывая. От нечего делать – статьи из научного журнала в такой обстановке всё равно в голову не лезли – Татьяна Георгиевна даже стала наблюдать за теми, кого встречающие втыкали разухабистым бабёнкам в кресло. Особенно её заинтересовала оказавшаяся донельзя глупой разрекламированная телеэкранами и глянцевыми изданиями «психолог» с очень русско-литературной фамилией. Пожалуй, по уровню интеллекта она была куда ближе к больничной каталке, чем даже к обыкновенной, среднестатистической, гипотетической потребительнице её «психологических советов». Неужели же кто-то ещё всерьёз может верить в то, что мужчине нужен «только секс!» – и по-жрать. Или таки больничные каталки сожительствоуют с кислородными баллонами. И весь мир добрых обывателей, потребляющих это гонемо, населён идиотами и идиотками. Причём – клиническими. Ай-яй-яй, Татьяна Георгиевна! Да ведь это снобизм!

– Ах, как я люблю Наташу! Она такая!.. – закатила глаза главная гримёрша, когда психолог вытащилась из кресла, где просидела минут сорок, в результате чего стала похожа на клумбу. – Нет-нет-нет, Наташенька! Не обувайте сейчас эти туфельки! Пол в сту-

дии очень скользкий, вы просто нае... упадёте просто! Вы в креслице сядьте как есть, а редактор вам туфельки поднесёт!

– Кто такие креаклы? – спросила Татьяна Георгиевна у гримёрши.

– Представители креативного класса! – сказал та. – Ну, журналисты, рекламщики, писатели и прочие не пришей к этому самому рукав! – пояснила она следом. – Те, которые руками ничего не умеют, а только пиздеть горазды.

Через несколько часов съёмка, наконец, началась. В холодном убогом помещении. Звукорежиссёр ледяными руками пролез Мальцевой за пазуху и, нисколько не смутившись от того, что задел её грудь, прицепил микрофон на воротник. Что-то там проорал невидимый режиссёр, выскочила злая, как ведьма, страшноватенькая коротконогенькая ведущая в безумного цвета ботах и нелепой юбке, и дураковатое шоу началось. Мальцева что-то там комментировала, много говорила и спорила с людьми, бывшими не очень, как ей показалось, в теме передачи, но от неё в записи остались только две фразы, вырванные из контекста и купированные.

– Боже, какой ужас! – шептала она, просматривая передачу у Панина в кабинете. – Кстати, юрист там был настоящий. А все вот эти тётки – подсадные. Ве-

душая – вообще полная дура, к тому же ещё с православным уклоном.

– Я у неё роды принимал, – коротко кинул начмед.

– Вот ты бы и шёл на это мудацкое шоу! – рявкнула в ответ Мальцева.

– А ты чего кудри накрутила, как буфетчица артиллерийского училища?

– Всё! Больше никогда! – вызверилась она на Сёму и направилась к двери.

– Мы всей душой за то, чтобы женщина сама решала, где и как ей рожать! – проорал ей вслед Панин, копируя её интонацию.

– Там была запятая, «но» и ещё целая куча осмысленного текста! – И Мальцева от души хлопнула дверь.

«Никогда не говори “никогда”».

Вскоре её пригласили сняться в документальном фильме «Хроники совкового быта».

– Расскажите нам об ужасах абортов в сталинской России, – ни разу не моргнув, попросил её обаятельный корреспондент, чьё выражение глаз никак не свидетельствовало о низком коэффициенте интеллекта.

– Как вы думаете, сколько мне лет?! – рассмеялась Мальцева.

Корреспондент попросил оператора выключить камеру, глубоко вздохнул и сказал:

– Татьяна Георгиевна, мы ориентируемся на ЦА. Наша ЦА жаждет знать об ужасах сталинской России. Я понимаю, что родились вы при Брежневе. При Горбачёве в школу пошли, но...

– Родилась при Брежневе. И в школу при Брежневе пошла. И гонки на лафетах отсмотрела уже в комсомольском возрасте, но благодарю за комплимент. В любом случае, об ужасах абортів при Сталине я не могу говорить как акушер-гинеколог.

– Наша ЦА всё равно не умеет считать. Наша ЦА вообще стоит жопой к телевизору и моет посуду. Ей важно, чтобы с экрана проникновенно...

– Да кто она такая, ваша ЦА? – перебила корреспондента Мальцева. – Централизованное Агентство? Царица Анэнцефалов?

– А кто такие анэнцефалы? – заинтересовано уточнил корреспондент.

После чего они хохотали минут пять. Корреспондент Дмитрий оказался не только обаятельным и умным, но и весьма образованным парнем. И признался, что по ночам читает томик Ницше. И детскую энциклопедию советских годов издания. Но ЦА...

– ЦА – это целевая аудитория, Татьяна Георгиевна. И подавляющее большинство креаклов считает ЦА быдлогодниками...

– А-а-а!!! – завопила Мальцева так, что дремлющий

у камеры оператор проснулся.

Дело было в ресторане-клубе «Кино» – и услышавший вопль Мальцевой бармен, руководствуясь каким-то своим, присущим только барменам и официантам чутьём, принёс Татьяне Георгиевне стакан виски. Приняв его, она мужественно рассказала всё, что знала об ужасах аборт в сталинской России. В которой они, к слову, были запрещены.

– К женщине относились как к мясу, так? – подбадривал Татьяну Георгиевну корреспондент Дмитрий. – Аборт выполнялся без наркоза, после аборта её кидали в общую палату, ведь правильно, ведь верно? – угодливо заглядывал в глаза корреспондент Дмитрий.

– Да. И кормили её исключительно варёной кукурузой, – вполне серьёзно отвечала Мальцева. – Или, подождите, кукурузу разрешили уже при Хрущёве. А до этого женщин кормили только чёрной икрой. И не давали воды. Вот такие ужасы аборт были в сталинской России, в которой аборты, говоря по правде, были запрещены. Ну а при Брежнев вообще всем кабздец настал. Понастроили женских консультаций, медико-санитарных частей, врачей везде понапихали по разнарядке, акушеров-гинекологов, анестезиологов, чтобы любая дура, не отходя от горячего цеха, могла не изуродовать и не покалечить себя, а получить квалифицированную и специализированную ме-

дицинскую помощь. Но кормили всё равно плохо, го-
вёным свежим хлебом, паскудным сливочным мас-
лом, отвратительной манной кашей, насильно влива-
ли горячий чай, не считаясь с желанием тут же, по-
сле аборта, сорваться и нестись домой, стирать, вы-
бивать ковры...

Тут уже корреспондента Дмитрия сорвало с кату-
шек. Зато он подарил Татьяне Георгиевне полную
версию записанной фильма со словами:

– Мы-то уж думали, наше гонимо прикроют, но серия
с вами взяла такой высокий рейтинг, что её уже четы-
ре раза крутили. И проект продолжается. ЦА в востор-
ге. Вы же ещё раз у нас сниметесь?

Татьяна Георгиевна диск в подарок приняла, но
клятвенно заверила Дмитрия, что больше никогда!
Самое ужасное было то, что Татьяну Георгиевну ста-
ли узнавать на кассах в супермаркетах, и даже тот уз-
бек, у которого она постоянно закупала сухофрукты
чуть не в промышленных масштабах, сообщил ей, что
всё его семейство – на родине – смотрело фильм с
участием Татьяны Георгиевны. В роддом стали при-
ходить из других районов, чтобы «рожать у той док-
торши, что рассказывала по телевизору про ужасных
советских врачей».

– Ой-ой!.. – чуть скривилась красивая девушка на
краешке стула. – Я редактор передачи «Членом по

столу». Вы снимались у нас, на эмтээрка «Май», тема была «Аборт – в надлежащую волну».

– Чем? Где? Куда? – пробормотала Мальцева.

– Членом. На московской телерадиокомпании. В надлежащую волну! Там на вас ещё три мужичонки накинудись! – с милой улыбкой сказала передышавшая схватку молоденькая хорошенькая роженица.

– А-а-а! – с каким-то даже экзистенциальным облегчением выдохнула Татьяна Георгиевна.

Она вспомнила эту милую, приятную, улыбчивую девочку. И московскую телерадиокомпанию, где запись передачи не задержали ни на секунду. И где такая же разухабистая, с лёгким флёрсом панибратства, видимо, присущего всему цеху, гримёрша не стала сурьмить ей брови и ресницы, выслушала её пожелания на предмет цвета теней для век и – самое главное! – не стала делать из неё залакированного на смерть пуделя, а порекомендовала оставить всё, как есть. Потому что «это ваш стиль, вам идёт, если живенько, то можно!»

Инфоповодом для передачи «Аборт – в надлежащую волну» явилось постановление о селективных абортах в одной из прошлых союзных республик, ныне – независимого мусульманского государства, где мальчики считаются большей ценностью, чем девочки. Потому в этом самом государстве было принято

решение разрешать аборт, если плод женского пола. За обмусоливание разнообразных морально-этических, нравственных и физиологических аспектов данной темы радостно схватились наши телевизионщики, которым бы погорячей и позабористей. А там – хоть трава не расти. Формат передачи «Членом по столу» предполагал героев, противников и сторонников. В данном случае не селективного аборта в стране, ныне не имеющей никакого отношения к России, кроме ещё не окончательно вымерших русскоговорящих среди коренного населения, а прерывания беременности как такового. Татьяна Георгиевна отчего-то была приглашена в главные героини передачи, хотя ни одного аборта не сделала. Хм, двоякое утверждение: не сделала ни одного аборта. Абортов она, разумеется, выполнила множество. И в раннем сроке, и по медицинским показаниям. Но она не сделала ни одного аборта. Или всё-таки сделала? “This dark assertion will be illuminated later on”⁸, как сказал бы старичок О.Генри. Или бы продекламировал рыжий знаток литературы Родин Сергей Станиславович.

Не такая уютная, но тоже весьма сараюшного вида студия (нет, как они выглядят так красиво на экранах, представляя собой в жизни полнейшее убоже-

⁸ «Эти туманные намёки будут разъяснены далее» (англ.) О. Генри, «Дары волхвов».

ство?!), была зонирована следующим образом: слева от подиума, по которому живенько рысачил коротышка-ведущий, была тумба, за ней стояли «противники», справа – тумба со «сторонниками». Перед самим подиумом располагались два кресла для главных гостей. Позади амфитеатром громоздились скамьи со зрителями, аплодирующими и смеющимися по сигналу, и Татьяна Георгиевна представить себе не могла, что это за люди, где их находят и на каком аркане сюда тянут. А она что тут делает?

– А вы что тут делаете? – улыбнувшись, шёпотом спросила она сидящую с нею рядом в «главногеройском» кресле молодую девицу.

– Я актриса! – высокомерно ответила та.

Не родилась ещё та актриса, которая акушера-гинеколога холодом и высокомерием обдаст. Ну, или уже умерла. Фаина Раневская, например, очень бы даже могла. Но вряд ли бы захотела. Девица явно хотела облить Мальцеву холодом и презрением. Не понятно, почему. В любом случае, Татьяна Георгиевна не придала этому никакого значения.

– В смысле, актриса? – удивилась она. – Вы сделали много абортс и будете настаивать на том, что женщина – хозяйка своему телу, или вы не сделали ни одного аборта, у вас уже семеро детей, несмотря на молодость, и вы станете нести в мир, что бесконеч-

ные беременности – это прекрасно?

– Да нет! – внезапно хихикнув и куда теплее сказала молодая девица. – Я актриса. Просто актриса. В сериалах снимаюсь. Вы меня разве не узнаете? Я актриса первого медийного ряда.

Это было ещё до того, как грамотный в вопросах не только медицинской терминологии Родин разъяснил Татьяне Георгиевне, что это за медийные ряды такие: «Первый медийный ряд: даже если не знаешь фамилию, морда знакомая. Второй: морда малознакомая, но если сказать, где и кого играл-играла – вспомнишь...» – и потому Мальцева этому «первому медийному ряду» никакого значения не придавала.

– А вы кто? – поинтересовалась девица.

– Я врач. Акушер-гинеколог.

– Настоящий? – встrepенулась «просто актриса».

– Да. Настоящий акушер-гинеколог. Вон, за правой тумбой ещё настоящий врач акушер-гинеколог стоит. Доктор наук. Профессор. Приличный, что называется, настоящий профессор. Странно, что она стоит в «сторонниках». Насколько я её знаю и сколько я с ней пересекалась, она является ярой противницей абортoв. Как и любой настоящий акушер-гинеколог.

– Не делает, что ли?

– Почему не делает? Делает.

– Зачем же она их делает, если она их противница?

– Затем, что лучше их сделает она, чем баба Клава. И потому что есть такая профессиональная опция: «медицинские показания».

– А что это за три помятых мужичка за тумбой противников аборт? – спросила «просто актриса» у Мальцевой.

– Понятия не имею.

«Тишина в студии!» – раздался грозный голос, и все притихли. «Просто актриса» закинула ножку на ножку и профессионально выгнула спинку, попутно придав самый выгодный ракурс своему смазливому личику, безошибочно вычислив, какая именно камера сейчас главная. Мальцева, напротив, вальяжно развалилась в кресле, как назло, оказавшимся слегка покачивающимся, и стала, собственно, в этом самом кресле слегка покачиваться. В студии становилось душновато.

Бодро выскочил коротышка-ведущий, размахивая руками, и с задорной серьёзностью протрубил в одну из камер: «С вами программа “Членом по столу” и я, Ерофей Шашкин, добрый вечер! Тема нашей сегодняшней передачи “Аборт – в набежавшую... в убежавшую... в надлежабля...” Давайте ещё раз!» В общем-то, не слишком и задержал Ерофей Шашкин съёмку, уже со второго раза без проблем справившись в творении очередного креакла – «Аборт – в

надлежащую волну».

– Боже, какая безвкусица! – прошептала Татьяна Георгиевна себе под нос.

– Тишина в студии!!! И вы, гость в кресле, не качайтесь!

«Просто актриса» бросила на Мальцеву укоризненный взгляд. Но мягкий такой, как учительница младших классов. Мало ли. Настоящий гинеколог. Вдруг пригодится? Надо не забыть взять визитку после съёмок. Татьяна Георгиевна осадилась на мягкое кресло. Бедному Шашкину в третий раз пришлось произносить неудобоваримую тарабарщину.

– ...щуюволнуисегоднянасвгостях, – багровея от недостатка кислорода и втягивая нужные химические элементы из среды, по всей видимости, жабрами, без паузы тараторил ведущий, – основательцентраостановимубийство... – Далее следовали имя-фамилия, которые Татьяна Георгиевна не смогла вычленить из потока речи. – А-а-а, – всё-таки наполнил лёгкие воздухом Шашкин, – а-таа-а-кжеещё-о-о-один-прола-а-айфер-и-борец-за-права-эмбриоо-о-нов...

И снова Мальцева не поняла ни имени, ни фамилии, хотя дикция у Шашкина была безупречная. Видимо, это был какой-то профессиональный фокус, ну или у Татьяны Георгиевны внезапно приключилась избирательная глухота.

Со стороны противников – точнее сказать: ратующих за категорическое запрещение аборт даже по медицинским показаниям – был ещё один мужичонка в дешёвеньком помятом пиджачке. Юрист. Со стороны «сторонников» – вернее: людей с головой, понимающих, что аборт – это плохо, но временами необходимо и что категорический запрет легальных аборт ведёт лишь к всплеску аборт криминальных – так же был юрист. Куда более спокойный и солидный дядя. Куда более образованный и умеющий вести вежливую аргументированную беседу, как показало дальнейшее развитие событий. А так же две женщины: профессор акушер-гинеколог Ольга Кустотина и депутат, фамилии которой Мальцева не запомнила. У депутата голос был такой же визгливый, как у пришибленных пролайферов, но вещи она говорила неглупые. Интеллигентную Ольгу Кустотину мужичонки так закидали шапками, что толком и слова не давали профессору акушеру-гинекологу сказать. И в какой-то момент Татьяне Георгиевне надоело слушать про то, что «бабы должны рожать!», «в стране не хватает солдат и рабочих!», «врачей-убийц – к ответу!», «жизнь – священное право каждой делящейся клетки!» – и она, включив так обожаемое Паниным ситуативное глубокое контральто на полную мощность, певуче, гулко и сильно затянула:

– А я вооообще за права бактерий и категорическую отмену антибиотиков и мыла!

На мгновение в студии воцарилась «тишина неожиданности». Хихикнула Оля Кустотина. Засмеялись в зрительном зале безо всякого сигнала. Не дожидаясь каких-либо указаний от ведущего или «студийного голоса сверху», пользуясь их внезапной ошарашенностью, Татьяна Георгиевна так же гулко и сильно и так же спокойно обратилась к мужичку – основателю центра «Остановим убийство»:

– Извините, у вас дети есть?

– Есть! – выкрикнул он.

– А жена?

– Какое это имеет значение?

– Ответьте на вопрос.

– Нет!

– А вы помогаете своей не жене, возможно, даже не одной, растить ваших детей?

– Я не понимаю, какое это имеет значение?! Мы тут говорим о глобальных проблемах, о стране, о том, что вы, врачи, ежедневно совершаете узаконенное убийство, в то время как...

– Так вы помогаете своей/своим не жёнам растить ваших детей?

Вместо того, чтобы достойно ответить на простой, в общем-то, вопрос – а хотя бы и уверенно соврать, –

мужичок всё дальше и со всё большим визгом углублялся в глобальные аспекты проблемы, оперируя несуществующими текстами какой-то альтернативной ВОЗ. Профессор уже утирала слёзы, выступившие от хохота, зрители перестали реагировать на сигналы и смеялись от всей души, пролайферы стремительно теряли лицо, которого у них, признаться честно, с самого начала-то не было.

– В штате Нью-Джерси был проведен опрос пролайферов, в рамках крупномасштабного социологического исследования. Они заполняли длинную анкету, где среди самых ненужных деталей, вроде того, какую марку зубной пасты вы предпочитаете и где похоронен ваш прадедушка, был запрятан самый главный вопрос-тест, очевидно выявляющий готовность человека к убийству. Девяносто девять и девять процентов активных пролайферов признаны потенциальными убийцами, у них зашкаливает уровень агрессии, – перекрывало тягучее мальцевское контральто шум аудитории и визг трёх «пролайферов». – Кстати, почему среди вас нет женщин? И всё-таки, вы помогаете ваших не жёнам растить ваших детей?

Шашкин делал в камеру недовольное лицо и периодически говорил: «Татьяна...», но «студийному голосу сверху» сделал какой-то знак, мол, не тормози! Пуцай гутарит! Профессору акушеру-гинекологу, юри-

– Публично? – от неожиданности вырвалось у Татьяны Георгиевны. – Руки убери, – сказала она так холодно, что у пролайфера как-то поубавилось пылу, и он тут же отпустил её.

– Вы должны покаяться. Это синдром выгорания, – скучно и даже чуть расстроено сказал он, продолжая тащиться за ней по холлу телерадиокомпании. – Покайтесь. Покайтесь...

Она вышла на улицу и пошла к машине.

– Покайтесь! – тащился за ней пролайфер.

– Послушайте! – Мальцева внезапно остановилась и резко обернулась к чуть не врезавшемуся в неё «борцуну». – Вот вы, взрослый человек. Уверена, не совсем кретин, раз наловчились с какого-то фонда бабки сосать. Возможно, вы даже верите в то, что несёте. Но поверьте, частенько вовремя выполненный аборт – это благо. Для здоровья и жизни женщины. И не только для неё.

– Усыновите дауна! Покайтесь и усыновите дауна! – снова-здорово завыл пролайфер, и Татьяна Георгиевна подумала, что, пожалуй, погорячилась, назвав его не совсем кретином.

– Здрасьте, приехали! Почему это я должна усыновлять дауна?

– Вы хорошо одеты, вон какая у вас машина. Вы врач и наверняка отлично зарабатываете, вы должны

усыновить дауна! Я бы усыновил, если бы у меня было столько всего, сколько у вас!

– Так заработайте – и усыновите!

Мальцева поняла, что попытки бесполезны и, нажав на брелок, подошла к машине.

– А вы куда едете? – будничным голосом уточнил «борец за права эмбрионов». – Подбросите на Тверскую?

– Пошёл вон! – тихо сказала Мальцева.

– Вот видите, какая вы злая. Вам надо покаяться.

– Я сейчас позову охранника.

– Не надо охранника. Придётся ждать вызванное редактором такси, – вздохнул пролайфер и потопал обратно, ко входу в здание телерадиокомпании.

– Это. Какой-то. Маразм, – сама себе сказала Татьяна Георгиевна, слегка подражая Карцеву в роли Швондера.

К соседней милой барби-букашке насыщенного ультрамаринового колеру подбежала «просто актриса». К слову, молчавшая всю передачу и только менявшая коленку и ракурс профиля милого личика в ту или иную камеру.

– Ой, Татьяна Георгиевна, вы были великолепны! Как вы их уделали! Мне вот тоже один говорил: «Роди, и я для тебя...» – Актриса слегка нахмурилась. – Ты сначала «для меня». А потом я уже тебе рожу. Че-

го это я тебе рожать буду, если у тебя жена и дети. – Хорошенькая актриса помрачнела. Но совсем чуть-чуть. – Да что я тут!.. Рада была с вами познакомиться. У вас визитка есть?

Татьяна Георгиевна вынула карточку из сумки и протянула актрисе со словами:

– Лучше предохраняйтесь. Аборты – зло.

– Да вы же сами только что говорили, что каждая женщина имеет право распоряжаться своим телом, что существуют показания и что...

– И что глупость – куда большее зло, чем аборты. Что не делает аборты меньшим злом, – вздохнула Мальцева и посмотрела на актрису с ничуть не меньшим сожалением, чем минутой прежде на пролайфера.

«Людей любить невозможно!» – подумала она и, пожелав актрисе всего самого наилучшего, стартанула со стоянки. Дав себе слово: «Больше никогда!»

Через месяц ей позвонила редактор передачи и сказала:

– Татьяна Георгиевна, вы нашу ЦА порвали! Это была одна из самых рейтинговых передач! ЦА от вас просто в восторге! Мы хотим позвать вас на передачу о нетрадиционных способах лечения. Ну, там, экстра-сенсы всякие, керосин с мёдом. Вы же придёте, придёте?! – Мальцева разговаривала с ведущей по теле-

фону, но у неё создалась полная иллюзия того, что редактор умоляюще глядит ей в глаза.

– Нет, ни за что! – категорически ответила Мальцева.

Чтобы через неделю припереться на запись передачи и устроить потрошение тётеньки-целительницы с пятнадцатью дипломами никому неизвестных академий, трижды доктора никогда не существовавших наук. Зла она на себя была до ужаса. Во-первых – за неспособность отказать этой милой редакторше. Во-вторых – за свою способность быстро заводиться и рвать всех в клочья. А ЦА, как выясняется, просто любит корриду, были бы бык с тореадором позабавней и балет покровавей. Ох уж эта ЦА. Ох уж эти телешоу. Нет, больше никогда!

И вот сегодня, более полугода спустя, эта милая девочка-редактор сидит на краешке стула в приёмном покое и явно собирается рожать. Слава богу, не на запись телевизионной программы приглашает.

– А почему в обсервацию?

– Австралийский антиген.

– Ясно. Оформляйте, – кивнула она дежурной акушерке.

– Татьяна Георгиевна, а вы у меня роды примете?

– Есть дежурный врач...

– Ну, мы же с вами знакомы! Ну, пожалуйста, Та-

тьянгеоргна! Ну, пусть это будете вы!

На сей раз редактор действительно умоляюще смотрела Мальцевой в глаза.

– А заранее вы не могли мне позвонить, договориться?

– Ой, ну вы же такая безотказная!

Приехали. Вот тебе и грозная заведующая. Марго на ней ездит. Редакторы телеканалов погоняют... Кстати, о Марго. Кабинет! Если он всё ещё не отремонтирован, то она снесёт Маргарите Андреевне голову. Как Коннор Маклауд. Ей богу. Сил уже никаких нет. Впрочем, как и ключа от кабинета.

В приёмный покой внеслась Маргарита Андреевна.

– О, не успела приехать, уже рожает? Как отдохнула? Идём, я покажу тебе твой кабинет! Ты – закачаешься! – скороговоркой протараторила Марго. Она явно гордилась собой. Ей явно не терпелось похвастаться. И она явно ожидала от заведующей если не похвалы и одобрения, то – как минимум – благодарности. Но ни при каком раскладе она не была готова к тому, что произошло.

– Всё, можешь снимать повязку! – сказала старшая акушерка отделения обсервации Маргарита Андреевна Шрамко своей давней подруге, заведующей тем же отделением Татьяне Георгиевне Мальцевой. Заставив её эту самую повязку на глаза нацепить ещё в

своём кабинете, торжественно проведя за ручки до её кабинета и посреди кабинета ту немного раскрутив, как в детстве, перед раундом игры в «Слепота кота». И сама же эту повязку с неё и сдёрнула.

Татьяна Георгиевна несколько ошарашено поглядела вокруг, глаза её приобрели испуганное выражение, затем она на несколько мгновений сфокусировала взгляд на постере-репродукции анатомического рисунка Леонардо Да Винчи «Плод во чреве матери» и, внезапно обессилена упав на новый диван, зарыдала. Зарыдала горько, взхлёб, как плачут только очень сильно обиженные дети.

– Ой, какой красивый кабинет у Татьяны Гео... – в двери засунула нос любопытная санитарка.

– Так, быстро вышла отсюда. Чего шляешься, заняться нечем?! – моментом выставила Марго санитарку и заперла дверь изнутри.

– Быстро рассказывай мне, что случилось!

Маргарита Андреевна по-хозяйски раскрыла новый модный холодильник, где стояли всё те же растворы и полупустая бутылка водки. Цапнула бутылку и быстро налила в крохотную рюмочку ледяной тягучей жидкости.

– Танька! Немедленно посмотри на меня и скажи, что случилось!

– Ни... Ни... Ни... Чего!... Не... Случи-и-и-лось! –

поддывала Мальцева, отрицательно мотая головой и, не отрывая ладоней от лица, размазывала слёзы, льющиеся из глаз водопадом.

– Тебе что, ремонт не нравится? – Марго посмотрела на рюмку, приготовленную для подруги и, вздохнув, залпом опрокинула её в себя. – Ничего розового, никакого малинового и даже намёка на бордовый! Сделала всё, как Панин велел! Мы оба тебе сюрприз готовили. Он сам, лично, и мебель, и ткани выбирал. И даже этот холодильник. Вся ты теперь в любимом бежево-пыльном, твоего любимого оттенка, и бледно-зелёном – цвета твоей жизни. Так что – чего ревёшь?! – топнула ногой Марго.

– Ни... Ни... – Мальцева шумно всхлипнула.

– Так, всё! – Марго подошла к Татьяне Георгиевне и с силой оторвала руки той от лица. – Быстро объясняй мне своё «ничего»!

– Этот... пос...тер! – всхлипнула Мальцева. – Был в другой рамке!

– Ясир Арафат, мать честная! – всплеснула руками Марго. – Действительно, как я сразу не догадалась, из-за чего истерика. Какая трагедия!

Татьяна Георгиевна слегка успокоилась, но на слова подруги никак не реагировала, утирая руками и без того опухшие глаза.

– Это был сарказм. Тань, ты различаешь сарказм?

– А ты что, «Доктора Хауса» насмотрелась?

– О, как приятно слышать нотки ненависти в твоём голосе. Это так бодрит! Спасибо, Маргарита Андреевна, что так оперативно сделали такой прекрасный ремонт!

Старшая акушерка картинно замерла в ожидании реакции заведующей.

– Это был твой текст, если что, – так и не дождавшись благодарности, она отмерла.

Татьяна Георгиевна встала и налила себе водки в ту же рюмку, которой чуть раньше воспользовалась Марго. И молча выпила.

– Постер был в простой, чёрной, слегка потёртой рамке. Тонкой. Простой. Элегантной. Без ваших мудрых фестонов и блядских рюшечек, – мрачно прокомментировала она, проглотив пятьдесят холодной водки. И, немного помолчав, добавила: – И этот постер, в *той* рамке мне подарил Матвей. И ты, и Панин это знали.

– И я что?! – внезапно зло заорала Марго. – Должна сейчас упасть на колени и биться головой об этот свежеположенный дорогуший паркет? Возможно, я и знала. Возможно, ты до сих пор хранишь использованные менструальные прокладки, только потому, что их тебе купил Матвей. Очень даже может быть, что ты хранишь его нестиранную рубаху, точнее – истлев-

шую рубаху. Или трусы! Возможно, ты жалеешь, что закопала его, а не мумифицировала труп. И я, и Панин, зная, что этот постер в той рамке тебе подарил Матвей, просто-напросто забыли это! Потому что мы – не фетишисты. И не некрофилы, в отличие от некоторых тут! Мы поменяли эту ёбаную рамку к этому го-вённому постеру только потому, что всё здесь в бежево-палево-пыльно-оливковых тонах. Угодить хотели-с! Извините-с, барыня-с!

Прокричав всё это, Маргарита Андреевна обессилено упала на стул и, запрокинув голову, закрыла глаза.

– Маргоша... Маргоша, извини меня!

Мальцева подошла к подруге и неловко обняла её за плечи.

– Заперлись в кабинете и обнимаются. Точно как две старые лесбиянки, – проворчала Марго. – Отстань от меня со своими обнимашками, дрянь неблагодарная.

– Маргарита Андреевна, – Мальцева опасливо присела на свой новый стул за своим новым столом. – Я очень тебе благодарна. И за бежевый. И за оливковый. Только это... – Татьяна Георгиевна ещё раз оглядела кабинет. – Фестончиков и всякой... – она долго подбирала слово. – И всякой мишуры всё-таки немного чересчур.

– Ага! Надо было всё в чёрненькие потёртые плапочки укатать, как я не догадалась! – язвительно пробормотала Марго.

– А... А куда ты дела... прежнюю рамку? – аккуратно и почти, как ей казалось, безразлично поинтересовалась Мальцева.

– Таня, я её выбросила. На свалку. В мусор. – Маргарита Андреевна посмотрела подруге прямо в глаза.

– Ну... Ну, ладно, – смутилась та, поглаживая свой новый стол. – А чего он такой лакированный. Чувствую себя какой-то... Глянцевой Барби какой-то! Лакированный стол, господи! И такие изгибы... И кресло. И занавеси какие-то... Разве у меня не должны быть моющиеся занавеси?

– Они, Та-ня, стирающиеся! – отчеканила Маргарита Андреевна. – В общем, спасибо, госпожа заведующая, что не ударили, – подпустив в тон ядовитости, прошипела старшая акушерка отделения, вставая со стула. – Пойду я работать.

– Марго, я ребёнка хочу! – внезапно выпалила Мальцева и покраснела.

– Оба-на! – Маргарита Андреевна плюхнулась обратно в новый стул. Точнее сказать, полукресло «под Гамбса».

– Всё-таки очень вычурные мебели ты мне подсунула, – хихикнула Татьяна Георгиевна. – Толку-то, что

оно всё не розовое в малиновую крапинку? Какой-то пошлый диванчик в валиках. Кожаный. Как я на нём спать буду?! Он же звуки издаёт! Все кожаные диваны издают неприличные звуки. И эти безобразные кресла, стеклянный столик. А уж стулья! Ну, чисто Ильф и Петров.

– Эльф и Петров! Ты мне зубы не заговаривай. Ты вернись к вот этому, к...

– К чему, Марго?

– К – кого ты хочешь?

– Ребёнка! – раздражённо выпалила Мальцева. – Завидно мне стало, что у тебя великовозрастное дитя Светка есть, которая из тебя все соки тянет и издевается над тобой, как хочет. Вот, тоже ребёнка хочу, чтобы жизнь малиной не казалась.

– Класс! – восхищённо промолвила Марго, не обратив никакого внимания на иронию подруги. – Я всё ждала, пробыёт тебя до климакса или так и сдохнешь в одиночестве? И от кого будем рожать?

– Беременеть. Беременеть будем от интерна, – деловитым конспиративным шёпотом произнесла Мальцева.

Маргарита Андреевна пригнулась к необъятному лакированному столу.

– О господи, ну и рожа у меня с утра! – невольно вырвалось у неё, когда она наткнулась на своё отра-

жение. – Почему от интерна?

– Вот! Ты мне специально этот лакированный стол-зеркальце подсунула, чтобы он мне круглосуточно правду про мой возраст транслировал!.. Он мне нравится. Интерн, – зачем-то уточнила Мальцева. – Он – умный. По-крайней мере – не глупый. Красивый. Высокий. Молодой, что немаловажно. Не от старпёров же типа Панина или Волкова рожать, риск синдрома Дауна от них повышен. Помноженный на мой возрастной риск. В общем, интерн... – она неопределённо помахала ручкой.

– Годится в производители, – резюмировала Марго. – Так вот и выходи за него замуж!

– Марго, чтобы забеременеть, замуж выходить не обязательно. Полагаю, что как высококлассная акушерка ты с этим фактом знакома не понаслышке, – саркастически скривилась Мальцева.

– Тогда беременей от интерна, а замуж выходи за Волкова.

– Да, очень красиво! Дорогой Иван Спиридонович, я забеременела от чудесного юноши, не соизволите ли дать моему ребёнку вашу фамилию, раз уж я так любезна, что дала своё согласие на брак с вами?

– Ты что, идиотка? Волкову ты, разумеется, скажешь, что это его ребёнок.

– Марго, это – не порядочно!

– Да посрать!

– Мне – не посрать. И вообще, мне не нужен муж.

Мне нужен ре...

В кабинет требовательно постучали. Марго чертыхнулась. Мальцева властно кивнула ей, быстренько пройдясь пальцами по лицу. Маргарита Андреевна встала и открыла дверь.

– Боже мой! Какая красота! С ума сойти! – на пороге стояла дежурная акушерка родзала. – Маргарита Андреевна, вы гений! Это же прям в журналы про модные интерьеры можно снимать.

Старшая акушерка горделиво подбоченилась, оглядываясь на Мальцеву.

– Ты за этим сюда пришла? Моим кабинетом восхищаться?! – сурово уставилась на акушерку заведующая.

– Ой, нет, Татьянгеоргиевна. Я просто от.. от восторга. Там эта девочка, которая рожает, к ней двое пришли. Хотят оплатить семейный родзал и присутствовать на родах. Двое мужчин. Двое молодых мужчин, – уточнила она, всё ещё в пароксизме совершенно искреннего восторга вертя головой. Мальцева, следуя за взглядом акушерки, пришла в ужас и от вычурных плафонов, и от безвкусного зеркала, и от какого-то слишком уж будуарного умывальника. И в ещё больший ужас, что сразу это всё не переделать. Нанесе-

ние Маргарите Андреевне смертельных обид не входило в её ближайшие планы. – И они ей не муж, и не брат, и не... В общем, они вас ждут в приёме, Татьяна Георгиевна.

– Сейчас подойду. Всё?

– Ой, ну какая красота! – ещё раз восхищённо протянула акушерка и нехотя вышла за дверь.

– Видала, ЦА в восторге! А у тебя просто вкуса нет! – подытожила Маргарита Андреевна.

– А ты знаешь, кто такая ЦА?

– Целевая аудитория, чушка ты отсталая!

– Ага, а ещё этой целевой аудитории нравится то, что по телевизору гонят. И, разумеется, исключительно по факту наличия изысканного вкуса!

– Так, мы с тобой ещё про ребёнка не договорили.

– Маргарита Андреевна, идите в приём и разберитесь с мужчинами рожаящей девочки, – скомандовала заведующая. И слегка издевательски добавила: – Она, кстати, из телевизора, эта девочка. Явно твой клиент! Поговорите с ней о вкусах ЦА. И абы кого мне просто так в семейный родзал не пускать!

– Но мы с тобой ещё не закончили!

Маргарита Андреевна поднялась и решительно направилась к двери.

– Закончим. После того, как о своих интернет-свиданиях мне расскажешь! И, Марго...

– Что? – обернулась та на пороге.

– Рамку тебе никогда не прощу! – Татьяна Георгиевна ткнула подбородком в постер. Висящий, надо признать, на том же самом месте, что и до ремонта.

Наверное, она была несправедлива к Маргарите. Наверняка. Маргоша старалась. Изо всех сил старалась просоответствовать её вкусам. И про рамку – ну, действительно! – просто забыла. Любой бы забыл. Все уже забыли. Кроме неё, Мальцевой. Никто и не обязан помнить. Возможно, Маргоша и права. Прах к праху, в конце концов. Действительно, пахнет некрофилией. Нельзя настолько любить память о покойном. Надо признаться себе: лишь память о покойном. Любить надо живых. К психологу, что ли, пойти? И чем ей поможет психолог? Есть у Мальцевой приятельница – психолог. Занимается семейной психотерапией. Разрешением семейных проблем. И даже сексуальных. Самое смешное, что эта самая приятельница разведена, а сексуальные отношения у неё с парнишей на десять лет моложе – ну никак не налажутся. У парниши есть официальная гёрлфренд – его ровесница. И строгая еврейская мама. Потому семейная психотерапевт занимается с парнишей сексом в его не слишком роскошной и удобной машине в каких-то случайных местах. А в одинокой квартире утешается котиком, пирожными и фейсбуком. Разве воз-

можно, чтобы травматолог оперировал поломанными руками? Или кардиолог в состоянии острого сердечного приступа принимал пациента с лёгкой транзиторной аритмией? Дама же с неустроенной семейной, личной и сексуальной жизнью берётся решать такие проблемы у доверчивых обывателей. И они несут денежки и не парятся. Нет уж, обойдётся она, Мальцева, без психологов. Вон, Маргоша – лучший психолог. Правильно она рамку выкинула... У Татьяны Георгиевны защемило сердце и слёзы хлынули из глаз. И в этот момент в кабинет вошёл интерн.

– Александр Вячеславович! Вы бы хоть стучали! Всё-таки кабинет заведующей, а не клизменная!

Она вскочила из-за стола и подбежала к умывальнику. И, повернув вверх до упора новомодный кран, вся обрызгалась. Отчего слёзы потекли ещё обильнее. Мальцева стала щедро омыwać водой лицо.

– Татьяна Георгиевна, если это вас успокоит, я бы тоже плакал, увидь я такой кабинет.

– Ужасно, да?! – бубнила она из-под потока воды. – Ужасно, скажи, ужасно?! Жуткая безвкусица!

Интерн тихо прикрыл дверь, повернув защёлку. Подошёл к умывальнику, снял с крючка полотенце. Закрыл кран. И ласково повернул мокрую заведующую к себе. Нежно промокнул ей лицо полотенцем.

– Переоденься. И пошли. Там у нас сегодня такой

пир любви и доверия... Тебе понравится.

Чуть иронично. Но она моментально успокоилась. И даже улыбнулась. И ей захотелось срочно всё бросить и провести с ним целый день. Где-нибудь как можно дальше от родильного дома. Нет! Так не бывает! Двадцатипятилетние мальчики просто не могут быть такими! Психолог не нужен! И психиатр не нужен! Враче, исцели себя сам!

– Вам не кажется, что вы забываетесь, господин ин-терн? – пробурчала она.

– Не кажется.

Он мягко улыбнулся, повесил полотенце на крючок и вышел за дверь. А она осталась, как дура. В мокрой одежде и... И в кабинете после ремонта ещё нет ничего. Или? Она подошла к новому шкафу и открыла его. На плечиках висели чистые и отглаженные пижамы и халаты. Свинья она! Как можно было сомневаться в Марго?! И в том, что это самый прекрасный ремонт на свете!

В приёмном покое обнаружили два весьма привлекательных молодых человека. Высокий широкоплечий голубоглазый блондин. И высокий же, широкоплечий же, кареглазый шатен. С ними рядом стояла в некотором недоумении Маргарита Андреевна. Состояние недоумения для Маргариты Андреевны было такой же редкостью, как для природы – тигр-альбинос.

– Вот заведующая, с ней и решайте! – как-то не слишком внятно произнесла она. – Тут такое! – шепнула она Мальцевой и вышла из приёмного покоя, не удосужившись расшифровать, что же именно «тут такое».

– Мы Юлины... – кинулись хором к Татьяне Георгиевне молодые люди и, переглянувшись, сказали: – Мы хотим с ней рожать.

– Кто такая Юля?

– Юля Солнцева, – сказал голубоглазый.

– Сегодня поступила, – уточнил шатен.

– Сколько мы ей говорили, что нельзя до последнего дня на работу ходить, но...

– ...они там без неё, как без рук.

– Где?!

– Да на телевидении же!

– А! А вы ей, собственно, кто? – всё-таки решила уточнить Мальцева.

– Мы ей – отцы.

– Простите, но вы как-то слишком молоды для её... отцов, – совсем уж растерялась Татьяна Георгиевна.

– Мы не её отцы, – сказал кареглазый.

– Мы – папы её ребёнка, – уточнил блондин.

– Ёксель-моксель! – загудела откуда-то из-за угла вездесущая санитарка Зинаида Тимофеевна. – Живут же люди! У моей дочки – ни одного в папаши канди-

дата не нашлось. А тут – сразу двое. Вы здоровы, соколики? – участливо посмотрела она на молодых людей, разогнувшись в свой немалый рост и опершись на швабру. – Щаз же всякие тесты есть...

– Мы её любим!

– Мы ей доверяем!

– Мы и семейный родзал оплатим, и контракт, и всё, что надо! И вот у нас с собой все справки про все анализы!

Молодые люди бросились доставать из внутренних карманов пиджаков паспорта, деньги и справки.

– Где акушерка? Как придёт – пусть переоденет – и в родзал, – только махнула рукой Мальцева.

Целый день под тем или иным предлогом весь родильный дом – сотрудники, разумеется – заходил посмотреть, как там «рожают на троих». Сказать честно и откровенно, Юле можно было только позавидовать. «Папаши» трепетно внимали кардиотокограмме, теббя акушерку за каждое изменение сердечного ритма плода. И блондин, и шатен были одинаково заботливы, поднося лоток, массируя поясницу и по очереди сопровождая свою Юленьку в туалет. Роды вызвалась принимать Маргарита Андреевна. Ну как она могла упустить такое шоу! (И заработок в том числе, потому как «папаши» щедро совали всем подряд, включая санитарку, и Татьяне Георгиевне пришлось при-

ложить некоторое количество усилий по отъёму денег у персонала и возвращению банкнот законным владельцам. Те обратно принять отказались, и Маргарита Андреевна оформила набежавшую за почти двенадцать часов сумму как благотворительный взнос.) Редактор Юля цвела и пахла, как майская роза в Крыму. А Маргарите Андреевне так и не удалось провести расследование на предмет: «Как оно так вышло?» – «Мы её любим!» – «Мы ей доверяем!» – вот и всё, чего она смогла добиться.

– А кто пуповину будет резать? – ехидно уточнила она, моя руки на потужной.

– Мы оба! – уверенно ответили блондин и шатен.

– Лена, достань из второго набора ножницы, – на удивление спокойно отдала распоряжение Маргарита Андреевна.

– Не, ну а отчество какое? Даже фамилия, ладно, бывает двойная. Ну а отчество-то, отчество?! – бормотала она себе под нос, раскладывая инструменты. – Юля, не дуйся!

– Вырастет – сама решит, – снова синхронно ответил широкоплечий дуэт.

– А мамочка за кого из вас замуж выйдет?

– Ни за кого! – щебетала часто дышащая Юленька. – Замужество разрушает всё самое лучшее!

– Не, ребята, я первый раз такое вижу. А я в родзале

всякого... И-и-и, давай, вдогонку, не теряем потугу!..

Маргарита Андреевна приняла хорошенькую девочку, выложила новорождённую матери на живот, перехватила пуповину зажимами на расстоянии, достаточном для одномоментно перерезающих её пар ножиц.

– Прошу, папаши!

Чуть не прослезившись, голубоглазый и кареглазый синхронно перерезали пуповину. После чего стали по обе стороны от своей Юли и своей... дочери. Кого-то одного, конечно же. Наверное.

Маргарита Андреевна набрала кровь из пуповины в пробирки.

– Видите? Пуповинная кровь! – продемонстрировала она пробирки «папашам». – Для всяких анализов. И на ДНК можно, да? – оглянулась она на дежурного неонатолога. Тот утвердительно кивнул.

– Нет, не надо! – снова в унисон пропели счастливые «папаши».

– Плаценту заворачивать с собой? – уточнила Маргарита Андреевна после того, как закончился третий период родов.

– Нет, не надо! – снова последовал ответ.

– Не сектанты, – пробормотала себе под нос Маргоша.

– Ну-ка, ещё раз мне её промокни! – скомандовала

Татьяна Георгиевна.

Маргарита Андреевна прошла по материнской поверхности плаценты ватно-марлевым тампоном.

– Дефект плаценты, задержка дополнительной дольки! Перчатку на ручное. Святогорского! Этих – вон!

И тут Юленька закровила. «Папаш», разумеется, тут же выставили за дверь семейного родзала, потому что нормальные роды – это прекрасно, а вот патология последового периода – не очень.

– Я так и знал! Ещё когда днём заходил на это чудо посмотреть – знал! – торжествующе говорил за ужином на буфете обсервационного отделения Аркадий Петрович Святогорский. – Внутривенный наркоз потому что – наше всё! Хорошо, что парней выставили. Хорошие же парни! Даже отличные! В конце концов, девочки, главное что? Главное, чтобы все были здоровы! Эх, жаль, я ни с кем не забился, что детёныш-то и вовсе от третьего! Ай, молодца Юлия! И вот, казалось бы!.. Вы бы как относились к совершенно постороннему ребёнку, Александр Вячеславович?

– Ой, для мужиков не бывает чужих детей! – перебил анестезиолога Родин. – Мужики – они какую бабу любят, так уже и всё, что к бабе прилагается: детей, собак, хомяков. Это бабы – собственницы. Такая их сучья натура! Боженька им муки в родах положил во-

все не за то кислое яблоко. А чтобы за их низкий собственнический инстинкт расплачивались. Бабе же в результате ею рождённый ребёнок – всегда её! А мужик там – дело десятое. Есть он, нет его, или и вовсе двое их. Один плох, другого найдёт. Другой не угодил – на третьего сменит. Ну и так далее...

– Так что теперь мы, дамы и господа, знаем и отчество, и фамилию папаши. Эх, люблю внутривенные наркозы.

– Аркадий Петрович, ну ты-то языком не трепи! Мало ли что она под наркозом наговорила! – строго посмотрела на друга Татьяна Георгиевна.

– Обижаешь, подруга! Этика. Деонтология. Врачебная тайна. Не, ну забавно же! Так как бы вы, господин Денисов, относились к совершенно постороннему ребёнку?

– К совершенно постороннему ребёнку я бы относился совершенно посторонне. Но как справедливо заметил Сергей Станиславович, если это ребёнок любимой женщины, то...

– Сергей Станиславович несправедливо заметил. Он сказал: «что». А дети, собаки и хомяки – это всё-таки «кто».

– Ага. А вот нашей Татьяне Георгиевне, если что, надо, чтобы не только «к кому», но и «к чему» относились с любовью. К рамкам, там, к портретам... И ещё

она у нас порядочная дура! – съязвила Марго.

– Порядочная – в смысле изрядная? – уточнил Святогорский.

– Да. Изрядная дура и, к тому же, порядочная! – расшифровала Маргарита Андреевна, поддев вилкой со сковороды ломтик докторской колбасы. И затем осуждающе потыкав «инсталляцией» в направлении Мальцевой: – Нет чтобы брать пример с подрастающего поколения вроде этой свежеиспечённой мамочки Юлии. Плевать Юлии на порядочность с высокой колокольни. Не парится она.

– Это сериалы их испортили, – сказал Родин. – Всю эту ЦА.

– Это не их сериалы испортили. Это нас испортила классическая литература, – грустно сказал Святогорский.

– Поняла?! – многозначительно стрельнула в Мальцеву Марго. – А хотите, я вам про своё свидание «из Интернета» расскажу? – внезапно сменила она тему.

Святогорский с Родиным немедленно захотели «про свидание», «пока не началось». Только чтобы с сексуальными подробностями. Марго сперва минут пять хохотала, когда услышала про «сексуальные подробности». Никак в себя не могла прийти. Ну а потом, когда уже рассказала, – так все вместе хохотали так долго и так громко, что одна из ночных шату-

ний-родильниц даже на буфет зашла и зашипела змеёй:

– Доктора, не орите! Ужас, а не больница! Лучше бы я дома рожала!

– Матвеева, дома ты бы мёртвого ребёнка родила, – беззлобно ответила Маргарита Андреевна, утирая выступившие от смеха слёзы. – У тебя, напоминаю, выпадение петель пуповины было. Когда такое дома – это кабзда, Герасимова. Ни одна аромалампа не поможет.

– Я на вас жалобу напишу! – завизжала шатунья.

– Герасимова, у нас тут сейчас телевизионный редактор лежит. Вы лучше к ней в передачу какую-нибудь напроситесь. Про оборотней в белых халатах. На всю страну можно пожаловаться, – ласково сказал анестезиолог. – Чего не спится-то?

– Да соседка, сука, храпит, как свинья недорезанная.

– Пошли, Герасимова, я тебя в изоляторе устрою, как королевишну. Санитаркам его потом драить, между прочим, и обрабатывать. Но чего не сделаешь ради...

– ЦА! – подсказал Родин, и всех снова пробило на хи-хи!

– Ой, спасибо Маргариточка Андреевна! – залебезила минутой прежде злая Герасимова. – И детским

скажите тогда, чтобы утром мне деточку принесли в изолятор! Я её на ночь сдала – никак не выплусь. Спасибо, доктора!

Кадр тридцать второй

Супермен

Поцелуева пришла на работу очень рано. Были какие-то дела в этом районе, вот она и... Какие дела могут быть в пять утра?! Оксане Анатольевне очень нравился новый заведующий отделением. Кажется, в отличие от её предыдущих мужей он был вовсе не мудаком. Хотя... Человек трижды состоял в официальных браках, и ещё неизвестно, в скольких не состоял! То есть, скольких, не состоя с ними в браке...

Настроение у Оксаны Анатольевны было самое что ни на есть романтическое, потому мысли никак не попадали в штанины формулировок. Ну почему это обязательно трижды состоявший в официальном браке человек – так уж и сразу мудаком! У неё этих самых браков ровно на один больше. Так что она теперь, мудаком? Нет, мудаком – это существительное исключительно и только мужского рода. А она – женщина. И мудаком по определению быть не может. А Родин – он такой замечательный, обаятельный, очаровательный, ах!.. Росточком, конечно же, мог и побольше быть. Она его на целую голову выше. Это же какое-то прости господи! И это она его ещё в моющихся ортопедических бе-

лых тапках на целую голову выше, а если учесть, что ходит она, Оксана Анатольевна, там, в обыкновенной нероддомовской жизни, на высоченных каблуках... Да какая, к чертям, разница?! Зато он не худенький. Не хиленький... Во всех смыслах, похоже, не хиленький. Зря она, что ли, целовалась с ним на восьмое марта взасос? Пальпаторно он во всех местах весьма не хиленький. В сочетании с его замечательным характером... Ну, на первый взгляд – замечательным. Первый взгляд, как правило, не подводит. Первое впечатление – самое правильное. И организовывать людей и пространство Родин умеет. Тыдыбыр на него вообще молится, а Зад теперь вместо того, чтобы мебель переставлять, Родину в кабинет чаи носит каждые полчаса. А девки они молодые, на десяточку с гаком её, Оксаны Анатольевны, моложе. Да без детей. То есть – с массой свободного времени. Кто же устоит, когда тебе молодые девки сами на шею вешаются? Вон, говорят, доцент урологический почти женился на той интернице, что его выпасала. А всё почему? А потому, что первая жена его всегда высмеивала. Особенно не слишком большой ум и огромную скаредность. А интерница – та наоборот. «Ах, какой вы умный, Игорь Васильевич! Ах, какой вы добрый, и щедрый, и внимательный!» Всю больницу задолбала рассказами о том, как он за ней на конференции ухаживал. «Рачков-

ский – щедрый и ухаживал?» – помнится, чуть не подавилась марлей урологическая перевязочная медсестра. «Ну да! Он мне место в автобусе занял. И за музей заплатил!» – гордо ответила той интерница. Тут даже языкатая перевязочная не нашлась, что сказать. «Ну да, ну да...» – пробубнила в маску. Ехидно пробубнила. Но не то интерница совсем тупая, не то замуж хочет так, что во всех местах навязчивый зуд, не то... Влюбилась? В Рачковского?! Ну, бывает, бывает. Ещё и не такое бывает. А потом та интерница и во все в кабинет к Ивану Петровичу Пустовойтову пошла и, роняя слёзы в стакан, рассказывала, как она того Игоря Васильевича Рачковского любит. Вот оно всё Ваньке надо? Учитывая, что Рачковский заведующего ненавидит лютой ненавистью, хотя прежде не один стакан преломили. Было бы, конечно, неплохо выйти замуж за Ивана Петровича. Да не интернице, а ей – Оксане Анатольевне! Но Пустовойтов давно и крепко женат на своей однокурснице. И даже второго ребёнка недавно родили. У Мальцевой. Девочку, хорошенькую, крепкую, красивую. И бумажный плод. Раньше бы и не заметили тот бумажный плод. Он же вместе с последом выходит – и привет. Раньше их, кстати, меньше было, мумификаций... Да не меньше было! Диагностика лучше стала. Прежде никто не замечал, вот и было их «меньше». Иван Петрович к колле-

гам всегда толерантен и, наверное, не совсем мудак, а вот Рачковский... Странно, что жена ещё так долго всё это терпела. Засоскина! Тьфу ты! Поцелуева!.. Вот ведь прилепилось, если сама с собой беседуя, сама себя кличкой называешь, а? Заразы! Ну, сама виновата, сама. И вообще, тебя не Пустовойтов с Рачковским интересуют, а Родин! Ты ещё доцента Матвеева всерьёз рассмотри! Не всерьёз-то ты с ним не раз и не два... Да и ладно. Что-то в последнее время Юрий Владимирович слишком уж язвительный и желчный стал. А когда он таким не был? Оксана Анатольевна! Сосредоточься!.. То, что Рачковский «почти женился» на несчастной интернице – тебя не парит. Рачковский тебя и в холостом статусе не интересовал. Тебя интересуется Родин, потому что...

– На роды, Оксана Анатольевна? Доброе утро! – пробегающая мимо санитарка отвлекла Поцелуеву от погружения в мысли.

– Нет, не на роды. Просто была тут по делам...

– В пять утра?! Какие могут быть дела в пять утра, Оксаночка Анатольевна?!

– Твоё какое собачье дело! – огрызнулась Засоскина.

И, приняв самый грозный вид, двинулась к лифту.

В отделении патологии было тихо и пустынно. В патологии в пять утра жизнь ещё не слишком бьёт клю-

чом, в отличие от обсервации, родзалов и детских. Спят беременные. Наслаждаются быстро истекающим временем спать «от пуза». Оксана Анатольевна, снова погрузившись в размышления на тему Мэ и Жо отношений, вошла в ординаторскую. На столе стоял распахнутый лептоп Родина. Самого Сергея Станиславовича в ординаторской не наблюдалось. Поцелуева села за стол и оживила лептоп. Это всегда так занимательно – чужие лептопы! И уж тем более – ноутбук конкретно Родина.

Перед ней возник раскрытый вордовский файл. Оксана Анатольевна воровато глянула на дверь и стала читать:

«3.ИНТЕРЬЕР. ЦЕНТР. ПАРАДНЫЙ ХОЛЛ. НОЧЬ. («САНИТАРКА ИЗ ХОЛЛА». – ЕЛЕНА ПЕТРОВНА.)

В холле стоит пожилая форматная санитарка в белом халате с современной шваброй. Заходит Елена Петровна. Идёт по холлу.

ЕЛЕНА ПЕТРОВНА

Здравствуйтесь!

Санитарка не отвечает, а лишь подозрительно хмурится. Елена Петровна идёт дальше, санитарка нарочито недовольно тут же протирает пару метров «по следам» Елены Петровны.

4.ИНТЕРЬЕР. ЦЕНТР. ПРЕДБАНИК ПРИЁМНОГО ПОКОЯ. НОЧЬ. (АКУШЕРКА. –

САША. – ИВАНОВ. – 1-Я ПАЦИЕНТКА. – МУЖ 1-Й ПАЦИЕНТКИ.)

Акушерка сидит за столом, что-то пишет. Иванов – на «посетительском» стуле напротив, листает иностранный научный журнал. Саша смотрит в окно. Когда Иванов обращается к нему – оборачивается.

ИВАНОВ

Что ты высматриваешь там, в ночи, отрок Александр? Сгоняй лучше за кофе!

САША

Иванов, вот какого... ты не спишь, а?!

ИВАНОВ

Я на боевом посту! Присматриваю за салагами. (*зачитывает*) Интернетам запрещено находиться в клинике без старших по званию.

САША

Нет там такого! (*кивает на журнал*) И интернов у них нет. Резиденты.

ИВАНОВ

Статья так и называется: «Ошибка резидента». Раздаётся серия коротких звонков в дверь.

АКУШЕРКА

Саша, открой!

САША

Я вам что, главный куда пошлют?!

Звонок начинает звонить непрерывно.

САША

Да иду, иду!

Саша выходит из дверей предбанника в сторону холла приёмного покоя.

ИВАНОВ

Интерн должен знать свои функциональные обязанности!

АКУШЕРКА

Давно ли вы сами, Андрей Сергеевич...

В предбанник приёмного покоя Саша и мужчина вводят под руки измождённую бледную женщину. Женщина дезориентирована, непрерывно приглушенно стонет, больше похожа на страдающее животное, чем на женщину в родах. Муж смертельно напуган.

МУЖ 1-Й ПАЦИЕНТКИ

(Иванову)

Доктор, помогите нам!

ИВАНОВ

Когда схватки начались?

МУЖ 1-Й ПАЦИЕНТКИ

Почти двое суток назад.

Глаза Иванова округляются, челюсть вот-вот готова отвиснуть. Акушерка хватает трубку внутреннего телефона...»

– Доброе утро, Оксана Анатольевна!

– Ой! – Поцелуева-Засоскина рефлексивно захлопнула лептоп. – Доброе утро, Сергей Станиславович!

– Кофе будете? – с несколько змеиной вежливостью поинтересовался Родин. – Потому что если бу-

дете – так я вам сделаю. В меня в родзале столько кофию влили, что я уже...

Родин был ну очень хорошенький! Как на взгляд Оксаны Анатольевны. Да, круглый коротышка. Но какой обаятельный коротышка! И как к его рыжести, к его сияющим голубым глазам шла голубая же пижама, ах! Кажется, старший ординатор отделения патологии беременности Оксана Анатольевна Поцелуева так себя накрутила, что уже влюбилась. Это очень неприлично для женщины её возраста – влюбляться с малолетней скоростью!

– Хочу! – требовательно сказала она и встала из-за стола.

Родин направился в кухонный уголок и стал налаживать кофеварку.

– А что это у вас там... У вас там такое? «Ошибка резидента». Буквально вчера, помнится, Тыдыбыр издевалась над каким-то интерном, хотя сама ещё от горшка два вершка, а не врач.

– Это... – Родин внезапно смутился.

– Нет, я понимаю, что некрасиво читать чужие... Чужие тексты. Но... мне было так одиноко в пять утра, в пустынной ординаторской, а он так заманчиво... Был так заманчиво раскрыт. Так и... Так и манил, – смутилась в свою очередь Поцелуева.

Смущение было так же характерно для Поцелуе-

вой, как для медведя – на роликах кататься. То есть примени какой-нибудь дрессировщик поталантливей методику кнута и пряника, Оксана Анатольевна вполне бы могла освоить науку смущения – она была очень талантливой особой. Но вот так вот, естественным образом... Смущение противоречило её природе. Впрочем, как и натуре Родина. Странно, что ранним утром в «пустынной» ординаторской эти два типчика внезапно обоюдно засмущались.

– Это сценарий, – почти прошептал Сергей Станиславович и покраснел. Покраснел, как краснеют только рыжие – он вспыхнул. – Вы с сахаром?

– Без. Сценарий? В смысле – сценарий?

– Сценарий мыла.

– Сценарий мыла?

– Оксана Анатольевна, что же вы повторяете?

– Я повторяю?

– Сценарий. Сценарий? Сценарий мыла. Сценарий мыла? – изобразил пантомиму Родин, по дороге рассыпая молотый кофе из пачки, которую держал в правой руке. Изобразил и обезоруживающе улыбнулся. – Ну, попробуйте сами вникнуть в смысл слова «сценарий» и словосочетания «сценарий мыла»... Вы телевизор смотрите? – подбодрил он совсем растерявшуюся Поцелуеву.

– Нет.

– Слава богу! – с облегчением выдохнул Родин. – Но вы же знаете, что существует такое понятие – «мыльная опера». Название уходит своими корнями в глубокую древность, когда по радио транслировали пьесы с продолжениями, а в паузах...

– ...рекламировали мыло, – подхватила Оксана Анатольевна, начиная обретать своё обычное состояние.

Родин ограничился кивком и сделал вид, что его очень интересует, как кофе-машина производит собственно напиток из порошка и воды.

– Так вы пишете сценарии для мыльных опер? – ещё раз спросила она. И в тоне её сквозила не столько недоверчивость, сколько язвительность.

Сергей Станиславович снова только кивнул. Машина известила о том, что кофе готов: сперва презрительно и длинно плюнула, а затем – тоненько и жалобно пропищала. Он подал чашку Оксане Анатольевне. Из всех сил стараясь не встретиться с нею взглядом.

– Спасибо, – машинально произнесла она, принимая чашку. И хотя Родин из всех сил старался не только не встретиться с нею взглядом, но и не дотронуться до неё, передавая маленькую чашку из рук в руки, этого не избежать. Удивительно, что Оксана Анатольевна, так много значения придающая тактильности и возникающих в результате флюидов, как-

то совсем на прикосновении Сергея Станиславовича не зафиксировалась. – Зачем?! – удивлённо воскликнула она.

– Платят хорошо, – буркнул Родин. – Одна серия – официальная месячная зарплата заведующего со всеми надбавками за категории, звания, регалии и выслугу лет.

– А санитарку с нашей Зинаиды Тимофеевны содрали? – хихикнула Оксана Анатольевна. – Она у нас тоже, когда не в настроении, своей шваброй прямо чуть не в зад тычет!

– Ну так а чего выдумывать? С природы всегда достоверней. Только знаете что? – оживился Родин. – Сериальщики эти – это такая... Я, пожалуй, тоже кофе выпью. Ещё. Всё равно целый день работать.

– А я когда слишком много кофе выпью – наоборот, засыпаю. Парадоксальная реакция на кофеин.

– Как раз не парадоксальная.

– Не парадоксальная она только для тех, кто кофе не пьёт. А я кофе пью, как все здесь – литрами. Потому для меня такая не парадоксальная реакция – парадоксальная.

– Я вот в последний проект, над которым работаю, предложил эту санитарку ввести. Эдакий тарантиновский персонаж. Старую характерную актрису найти гораздо проще, чем молодых толковых, – вдруг горя-

чо затараторил Родин. – Так мне продюсер сказал, что санитарка – лишняя! Представляете? В родильном доме санитарка ему – лишняя! С ума сойти! Тем более такая вкусная санитарка, как Зинаида Тимофеевна! А редакторы, редакторы?! Это вообще мрак! «Я два раза рожала – в роддомах всё не так!» Это кому она говорит? Мне! Не просто так себе автору сценария с улицы. А мне! Дипломированному сценаристу и действующему, извините, не просто так себе врачу, а заведующему отделением! Никаких сил нет! – Сергей Станиславович обессилено шлёпнулся на диванчик. – Продюсер – трус, каких мало. Редакторши просто штаны на работе за зарплату просиживают, потому должны имитировать деятельность. Режиссёр хочет, чтобы приёмный покой был на пятом этаже, потому что он хочет, чтобы приёмный покой был на пятом этаже! Я совершенно измотан. Я – опустошён!

Поцелуева-Засоскина искренне расхохоталась в ответ на тираду Сергея Станиславовича.

– Вот вам смешно, Оксана Анатольевна. А у меня герой говорит крохотное такое. Вот это вот: «Смысл медицины очень прост. Вот главная её идея: всё в мире выучив до звёзд – всё за борт выбросьте позднее!»

– Ну и? Им и Гёте не угодил? У них другие любимые авторы?! – снова рассмеялась Поцелуева.

– Оксана Анатольевна, – подскочил Родин. – Поз-

вольте, я поцелую вам руку!

– Пожалуйста! – протянула она руку для поцелуя, и Родин почтенно и где-то даже благоговейно приложился. – Но за что?

– Так за Гёте же! За него, родимого! Потому что редакторы спросили меня: «Почему стихи? Актёры не произнесут! Целевая аудитория не поймёт!»

– С каких это пор актёры разучились произносить стихи? – удивлённо подняла брови Поцелуева. – Это же вроде основополагающий базис...

– О-о-о!!! – чуть не рыком прервал её Родин. – Вы не видели те пробы, которые видел я! Актёришко, вихляясь, как раздолбанный кухонный шкаф, мучительно выдавливал из себя: «Ступайте к дамам в будуар...

– ... Они – податливый товар! Их обмороки, ахи, вздохи, одышки и переполохи лечить возьмитесь не за страх...

– И все они у вас в руках!» – завершил цитату Родин. – Он не только был страшно ненатурален! Он ещё и о слова спотыкался. Какие там смысловые паузы! Какое там «верю!»... А продюсер смотрел на меня победоносно, мол, я же тебе говорил! Тут плакать надо, головой об плинтуса биться, а не торжествуяще взирать. И кто им дал право решать, что целевая аудитория поймёт, а что – не поймёт. Или вот говорят мне: «Не надо писать “сурфактант”» – «А как же?!

Как же, – спрашиваю, – писать?!» – «Напишите “такая плёночка...”» – «Где, – ору, – где “такая плёночка”?! В альвеолах?!» – «“Альвеолы” эти ваши тоже не надо! Целевая аудитория не поймёт!» – «Два врача разговаривают друг с другом. Акушер-гинеколог и неонатолог! Они не будут говорить друг другу “такая плёночка в пузырьках”! вспомните хотя бы “Доктора Хауса”!» И что, как вы думаете, Оксана Анатольевна, отвечает мне продюсер? А? Нет, вы предположите!

– Ну, мне нравится «Доктор Хаус». Я, правда, не по телевизору. Я на дивиди. И несмотря на очевидные ляпы, я...

– Очевидные ляпы? Очевидные ляпы?! Да у них не ляпы! У них – сказка просто по сравнению с нами! Но нет! Вы предположите!

– Что в «Докторе Хаусе» неоправданно много красной волчанки?

– Нет! Он, продюсер, отвечает мне: «Моя мама Хауса не смотрит!» Всё. Приехали. Его мама «Хауса не смотрит»! Его маме непонятны слова «сурфактант» и «альвеолы»! – Сергей Станиславович аж побагровел от возмущения. – Ну так что теперь? У нас телевизор ещё и дебилы смотрят, и дауны. «Давай, Андрю-ша! – говорю ему, – голые сиськи будем гнать. Без слов любой целевой аудитории понятно!» – «Голые сиськи, – отвечает, – нельзя, брат Родин. Цензура». Нет, он на

полном серьёзе мне это отвечает! А редакторша: «И Ницше уберите».

– У вас там и Ницше был? – уважительно присвистнула Поцелуева.

– Одна малюсенькая цитатка. Доктор Иванов, он у меня умный, увлекает девицу-интерна на свидание в ночной клуб, цитируя из Ницше о пляске головой и ногами.

– А, да-да, помню... «Я хочу видеть мужчину и женщину: одного способным к войне, другую способную к деторождению, но обоих способными к пляске головой и ногами. И пусть будет потерян для нас тот день, когда ни разу не плясали мы! И пусть ложной назовётся у нас всякая истина, у которой не было смеха!»

– Господи! Можно я вас обниму, Оксана Анатольевна! – и, не дожидаясь разрешения, Родин заключил Поцелуеву в объятия.

– Да... «Так говорил Заратустра», – чуть смущённо пробормотала Оксана Анатольевна, не зная как себя вести.

– Именно! Именно!! Так мне редакторша говорит: «Уберите эту свою Заратустру! Целевая аудитория не поймёт!» Я ей: «Милая моя, вы же умная, вы сто лет в кино, вы Эйзенштейна видели! Ну, причём здесь вообще целевая аудитория? Вот, к примеру, Ильф и Петров. Приносят они, к примеру же, свой труд “Двена-

дцать стульев” в редакцию, а там – редактор вроде вас. И говорит он Ильфу и Петрову: “Уберите свою Заратустру! Из вот этого вот: “Набил бы я тебе морду, да Заратустра не позволяет!” У нас молодое пролетарское государство, молодые пролетарии не поймут про Заратустру, они в гимназиях не обучались!” Так что ли?!» Так она только надулась, обиделась – и привет. Чем, говорю, мой крохотный Ницше тут повредит, кроме того, что кто умный на ваш голубой экран с удивлением уставится и, может быть, вернётся к нему после рекламной паузы. Вон Доктор Хаус цитатами из философов шпарит – и ничего. Отлично идёт у целевой аудитории. «Ой, “Доктор Хаус” не слишком успешный проект и...»

– Что?! – пришла очередь Поцелуевой удивляться. – Не слишком успешный проект? Восемь сезонов, на хрен знает сколько языков мира переведён, целая религия хаусофилов и огромная секта хаусоёбов... Ой, простите! – Засоскина осеклась. Она же должна создать у Родина светлый образ образованной леди (каковой Оксана Анатольевна, впрочем, и являлась на самом деле), а тут вот вылетело...

– Да за что же мне вас прощать?! Вы сто раз правы! А они мне и говорят: «Где же вы видели, чтобы люди в жизни цитатами сыпали?» А «сыпят» – это максимум одна цитата на сорок семь минут серии. Или всё

остальное у них там прямо таки «как в жизни»? Стебануться! – Родин поскущнел. – Даже Гиппократ выхерили. А уж, казалось бы, Гиппократ как никто другой уместен в гоневе «в медицинском интерьере».

– Родин, я хоть и не смотрю телевизор, но сериал по вашему сценарию я обязательно посмотрю!

– Ни за что!!! – вскричал Родин, аж подпрыгнув. – И, надеюсь, никто не читает титры. А я так и в условиях договора прописываю всегда, что сценарист ни в каких мероприятиях не участвует и вообще – жуткое инкогнито. На выходе, Оксана Анатольевна, – после продюсеров, цензуры, режиссёров и редакторов, я уже не говорю о так называемой актёрской игре наших отечественных телезвёзд, – такое, что ой! Они какое бы фуагра не скушали, на выходе у них, пардон, одно и то же. Задумывался врач, а получился рубщик мяса. А чего? И тот, и тот – в белых халатах. – Сергей Станиславович совсем пригорюнился. – Но у меня трое детей. Жёны от детей, некоторые из жён даже актрисы, некоторые – просто гримзы обыкновенные. В общем, деньги не пахнут, – и Родин тяжело вздохнул.

– Ну вы просто... просто супермен какой-то, Сергей Станиславович!

– А ведь какое бы качественное, остроумное мыло в интерьере можно было бы снять, если бы... – он

махнул рукой, не заметив ремарки Поцелуевой. – Оксана Анатольевна! – внезапно он воспрянул духом. – А что вы делаете в субботу?

– А ничего не делаю! – обрадовалась Поцелуева.

– Тогда, может быть, это....

– Попляшем головой и ногами? – рассмеялась она.

– Вы – удивительная женщина! Красивая. Начитанная. Умная... – Родин подался навстречу Поцелуевой, которая была вовсе не против пообниматься и даже, может быть, поцеловаться... Но тут прозвенел urgentный звонок – и более безусловный условный рефлекс в очередной раз доказал рефлексу обыкновенно условному, чьи в лесу шишки, обнаружив мужчину в голубой пижаме и женщину в зелёной не целующимися, а как раз на первом этаже в приёмном отделении. Причём оказались они там с самой что ни на есть суперменской скоростью. Что правда, держащимися «за ручки». Санитарка Зинаида Тимофеевна строго глянула на них и буркнула: «Что за детский сад!» – и они, моментально отскочив друг от друга, принялись за дело.

Впрочем, дел у них особых не оказалось, потому что поступившей уже занимались Татьяна Георгиевна Мальцева, её интерн Александр Вячеславович Денисов и анестезиолог Аркадий Петрович Святогорский. Мальцовой с первого этажа на urgentный звонок бе-

жать быстрее, да и девица была явно по её ведомству.

– Оксана, роды на дому, кровотечение в последовом, папашу долбанутого не отпускай, ребёнка у него заберите! – только и крикнула Мальцева, уносясь со свитой из акушерок своего родзала и анестезисток оперблока вслед за каталкой, которую тащили Денисов со Святогорским.

На стульчике у стола акушерки сидел слегка блаженного вида молодой человек. С козлиной бородкой, тощенький, с длинными, не слишком свежими патлами. «Исусик», одним словом. В приёмном также были дежурный неонатолог и детская медсестра.

– Где новорождённый? – строго спросила Оксана Анатольевна у исусика.

– Дома, – коротко и где-то даже кротко ответил он.

– Как дома?! – ахнула юная дежурная неонатолог.

– Дома. Вы не волнуйтесь, с ним всё в порядке. Он у нас – супермен.

Врачи и медперсонал тревожно переглянулись.

– В смысле – «супермен»? – осторожно уточнил Родин. – Он родился в красно-синем костюме с буквой «S» на груди и сразу объяснил вам, что к чему?

– Вы шутите, да? – так же кротко, чуть не блаженно уточнил молодой человек. – Я оставил его дома. На кровати. С плацентой и пуповиной. Всё будет в поряд-

ке. Нам Света всё объяснила.

– Кто такая Света?

– Света – домашняя акушерка.

– Она с ребёнком? – не на шутку встревожено спросила детская медсестра.

– Нет. Света ушла.

– В машину, бегом! Где «Скорая», что их привезла?! – заорал Родин.

– Их не «Скорая» привезла, а такси.

– Давай в мою машину, придурок! Бегом!

Поехали Родин, Поцелуева, детская медсестра и, собственно, исусик. Дежурная неонатолог не могла покинуть роддом.

Ребёнка обнаружили «в меру живым», по меткому выражению Оксаны Анатольевны. Что правда, Родину пришлось выполнить исключительно мужской фортель под названием «хук справа», потому как исусик категорически не хотел выпускать дитя из дому. Потому что когда он родился, то «плюхнулся маме на живот и облегчённо вздохнул: “Фух, я дома...”». Благо исусик был отнюдь не богатырь, да и треснул его Родин не так чтобы сильно. Детская медсестра несла ребёнка, Родин за шкуру волочил исусика, за руль родинского джипа села Поцелуева.

Мальцева, тем временем, удалила женщине матку. Потому что иных способов, кроме надвлагалищной

ампутации матки, чтобы побороть послеродовое кровотечение, уже манифестировавшее в геморрагический шок и ДВС-синдром, не было.

Приведённого в себя исусика Татьяна Георгиевна допросила у себя в кабинете сразу по окончании операции. Женщина была отправлена в ОРИТ, к Святогорскому. Куда же ещё отправлять с потерей более половины объёма циркулирующей крови?

– Рассказывайте!

– Что рассказывать? – уже без блаженного идиотизма, без надрыва и без агрессии – а он уже продемонстрировал врачам всё перечисленное, – скорее просто крайне недовольно переспросил исусик. – На вашего рыжего этого доктора я вообще в суд подам. За рукоприкладство. И на вас. Вот точно говорят, вам, врачам, только и давай, что матки резать! Как она теперь рожать будет?

– Никак! Так будет жить, не рожая! Ключевое словосочетание «будет жить». В суды потом подадите, как из моего кабинета выйдете. А сейчас рассказывайте, как вы дома рожали. И с кем. В деталях!

– Хотите, чтобы я хорошего человека под монастырь подвёл?

– Хочу знать детали акушерского и неонатологического анамнеза. Лирику для судов оставьте. Итак...

«Итак» ничего особенного не выяснилось. Очеред-

ной вовлечённый в психокульт. Вооружённый из пальца высосанными данными «про роды в Голландии» и домашней акушеркой Светой. Запуганный страшными реалиями роддомовского бытия.

– А роддом – вот это да, тут нужна смелость и отвага. Все вещи мужу. Больничный халатик. Ешь, что дают. Это – нельзя! Побрить, раскорячиться перед незнакомыми людьми. Общая палата. Нету мужа. Эпидоралка. Молчи, дура! Вытягивай-вытягивай. Вот на это на всё надо отважиться, как на подвиг! И вообще, роды – это не болезнь!

– Эпидуралка, – машинально поправила Татьяна Георгиевна. – Про все ужасы роддомов я в курсе, расскажите мне про, собственно, ваши роды.

– Ну, это... Света-акушерка нам сказала, что начнутся схватки – ложитесь спать. Силы вам ещё будут нужны на родах, их нужно побережь. Этот совет мне очень понравился, ну я так и поступил.

– Схватки – это уже роды.

– Что?

– Схватки – это уже роды. Продолжайте. Вы легли спать, а жена...

– Ну, она меня через сколько-то там часов разбудила. Сказала: «Милый, у меня воды отошли». Я посмотрел на часы, ещё ночь была, ну и сказал ей: «Ну и отлично, давай спать!» Перевернулся на другой бок

и уснул. Через какое-то время меня разбудило методичное толкание в плечо. Жена стонала и протягивала мне телефон. Ну, чтобы я акушерке Свете позвонил. Я жене сказал, что неудобно человека будить, рано же ещё, но она настаивала, что больно ей, ну я и позвонил. Ну и Света сказала, что выезжает. Ну и я окончательно проснулся. Жена же рождает! – исусик строго посмотрел на Татьяну Георгиевну.

Мальцева кусала нижнюю губу исключительно для того, чтобы не расхохотаться истерически.

– И что не так?! – даже как-то грозно спросил исусик.

– Рассказывайте дальше.

– А чего дальше? К родам мы были готовы. Знали, что когда-то там тужиться нельзя, а в какие-то моменты надо подтуживаться, что надо дышать то собачкой, то глубоко. Я только не очень точно помню, когда и как, но жене же виднее, она же рождает. Ещё мы ели лён и пили гомеопатию, мы купили все нужные арома-масла, заказали толстый коврик для йоги – и вообще были спокойны!

– Аромасла?

– Ну, ароматические масла. Но коврик для йоги нам ещё не привезли, а когда я хотел зажечь свечи, то уже в дверь акушерка Света позвонила, хорошо я хоть мантры БГ поставил.

– Мантры кого?

– БГ. Ну, Бориса Гребенщикова! Что вы, и этого не знаете? – возмутился исусик.

– Почему не знаю? Знаю. Даже люблю. «Мочалкин блюз», уверена, самое оно для родов. Атмосферненько так, – Татьяна Георгиевна всё-таки хохотнула, не удержалась.

– Вот зря вы так! Мантры – они...

– Да-да. Я всё знаю про мантры. И про веды. И про холотропное дыхание. Больше, чем вы можете себе представить. Равно как и про роды в Голландии. Не отвлекайтесь.

– Ну, роды были какие-то очень стремительные. Схватки, что я проспал, длились, оказывается, два часа. Ну, вот я и не выспался...

– О жене!

– Да я о жене рассказываю! Вы же перебиваете всё время! Ну, короче, свечи зажечь не успел, коврика нет. А быстро было потому, что мы же сыроеды. Мы едим только термически не обработанную пищу!

– Ещё и веганы?

– Ну да. А как ещё можно? – с удивлением посмотрел исусик на Мальцеву. – Мы сыроеды-веганы. А при таком питании ткани становятся очень эластичными.

– Ага. То-то у коров такая балетная растяжка! – снова коротко хохотнула Татьяна Георгиевна.

– Вот зря смеётесь! – исусик стал говорить искренне и горячо, и где-то даже воодушевлённо. Как будто не заведующая отделением родильного дома перед ним, а новая жертва, которую необходимо срочно вовлечь. – Мы едим и пьём лён. Замоченный лён выделяет слизь. Эта слизь очень полезна для организма...

– ... если у вас язва желудка. Да и то не литрами.

– Очень полезна для организма и для родового процесса в частности! – продолжал пороть исусик, даже не обратив внимания на ехидную ремарку Мальцевой. – Эта слизь обволакивает плод и способствует как бы его скольжению.

– Что?! Где та ваша слизь, а где плод!

– Я не знаю, как по-другому объяснить, и всё это, возможно, звучит, как бред...

– Это вы в самую точку!

– ... но вместе с тем – работает! У тех, у кого проблемы со стулом, лён работает так же.

– Вы полагает, что дети и фекалии производятся на свет одинаково?!

– Ну да! – воскликнул исусик, обрадованный тем, что до тугой тётки в белом халате наконец-то дошло. – Мы этот лён ели и пили просто так, добавляли во все салаты, мололи в коктейли и, возможно, слегка переборщили. Вот роды и были такие быстрые. Из-за льна. Который только полезный. И вот, ну, сын наш –

он вообще такой герой, такой супермен, ручкой вперёд шёл...

– Стоп! – осадила Татьяна Георгиевна исусика. – С этого места подробней. Как именно он «ручкой вперёд» шёл? Что делала ваша акушерка Света?

– Наш сын – супермен! Он шёл ручкой вперёд. Наш сын – герой! Юнга с корабля «Стремительный». Он родился, когда начались новые лунные сутки. Новолуние! Какое-то уникальное новолуние, при этом настолько какое-то уникальное, которое случается крайне редко, и люди, рождённые в эти сутки, сверхуникальны!

– Чем?

– Я не помню подробностей, читал в Интернете где-то. И вот наш сын родился ручкой вперёд! И он не кричал, как это требуют в ваших злобных роддомах, а только тихо вздохнул. Только маму немножко ручкой порвал, хорошо у Светы нитки были, так она на домашние роды никогда никаких ниток не берёт. А потом Света уехала, а из жены кровь начала идти. Я Свете позвонил, а она сказала в роддом ехать. А ребёнка я дома оставил, потому что он...

– Супермен. Я помню.

Зазвонил внутренний телефон. Мальцева подняла трубку.

– Да?.. Как и следовало ожидать. Запиши в диагноз

и в факторы риска помимо всего прочего: стремительные роды, выпадение ручки, перерастяжение нижнего сегмента, дефект последа, истинное приращение дополнительной дольки... Да, «везёт» в последнее время на дополнительные дольки. И на «блаженных». Так! – обратилась она к исусику, положив трубку. – Жену вашу можете навестить, когда она придёт в себя. Извините, но без ароматических масел, ковриков для йоги и мантр БГ. И есть она пока будет нашу пищу. Докормите, когда в себя придёт и швы снимем. У ребёнка проблемы с лёгкими – подойдёте к врачу неонатологу, он вам всё объяснит. В настоящее время ваш сын на искусственной вентиляции лёгких. Возможно, он и обладает какими-нибудь сверхуникальными способностями, но для того, чтобы это выяснить, надо чтобы он выжил. Ваша жена перед операцией была приведена в сознание, её согласие на ампутацию матки было получено. Она же пожелала, чтобы мы вам сообщили этот факт. Всё, больше мне вам сказать нечего, – Мальцева поднялась.

– И что, всё?! А кто вернёт моей жене матку?!

– Акушерка Света? Отвар льна?... Вашей жене уже никто матку не вернёт. А вот своим... единомышленникам вы бы рассказали, к чему могут привести роды на дому. Возможно, это сохранит чью-то матку...

– Я подам на вас в суд! Сами в таких кабинетах

жируете... – исусик выразительно оглядел свежееотремонтированное обиталище Мальцевой. – А если кто вам денег не несёт, то здорового ребёнка к своим страшным аппаратам подключаете специально, и женщине сразу матку долой!

– Даже если вы мне принесёте денег... Очень много. Очень-очень-очень много денег, я вашей жене матку не верну. Проводятся опыты – не у нас, в США – по отращиванию лапок тритонов. Пока – безуспешные. Хвост сам отрастает, обходя апоптоз, а вот вырастить лапку хотя бы тритону...

Исусик шлёпнулся обратно в «гамбсовское» полукресло и зарыдал.

– Вы меня извините за, возможно, неоправданный сарказм, – мягко и ровно начала говорить Татьяна Георгиевна, – но мне и правда больше вам нечего сказать. Вы не слушали более-менее разумных людей прежде. Вы задавили рациональную часть себя, погрузившись в свой лён-коноплю. А теперь уже поздно. То «уже поздно», которое иногда безвозвратно. Займитесь вашей живой женой и вашим живым, благодаря доктору Родину, ребёнком.

– Вы за всё ответите! – зло выкрикнул исусик и выскочил из кабинета, хлопнув дверью. Попытавшись хлопнуть дверью. Дверь теперь была модная, «с доводкой».

– Окей, – мирно сказала в никуда Мальцева и откинулась на спинку стула. Через две секунды потянулась к трубке внутреннего телефона и набрала ординаторскую.

– Саша?.. Зайдите ко мне.

Через минуту на пороге её кабинета возник интернет-Денисов с историей родов и журналом операционных протоколов.

– Я всё записал, Татьяна Георгиевна.

– Александр Вячеславович, а что вы делаете в субботу?

– Отправляюсь за город, на конную базу.

– С компанией?

– В полном одиночестве. Но буду счастлив, если компанию составите мне вы.

– Составлю.

Поздним субботним вечером Татьяна Георгиевна Мальцева сидела у маленького камина в маленьком деревянном домике небольшой конной базы. Александр Вячеславович накрывал небольшой стол. Они собирались ужинать. Телефон Мальцева отключила. Чуть не впервые за последние десять лет она отключила телефон. Ей было очень хорошо, и в голове, путаясь в штанишках формулировок, бродили мысли о том, что, может быть, кое-что ещё очень даже не поздно.

А у Оксаны Анатольевны Поцелуевой поздним субботним вечером зазвонил опрометчиво не отключённый мобильный.

– Да? – прошептала она в трубку, выскакивая из постели и шагая на кухню. – Не могу. Я – уродина, – уже громче произнесла Оксана Анатольевна. – ... Дурак ты, Аркадий Петрович! Я. У. Родина, – делая чёткие паузы между словами, внятно повторила она, слегка хихикнув. У Сергея Станиславовича я. В постели. Пусть Мальцева... Не отвечает? Ну, я сейчас никак! Звони Скумбриевичу... Панину звони!.. Нет! Родину не звони ни в коем случае!

Кадр тридцать третий

Изнасилование

Прошло несколько недель. Мальцева стала пропадать по субботам, что крайне беспокоило Панина. Что правда, исключительно в силу рабочих моментов. Семён Ильич вообще как-то вдруг просел. В его семейном гнезде творилась «настоящая трагедия!» – как прокомментировала происходящее Варя Панина, решившая непонятно с какого перепугу поделиться с Татьяной Георгиевной происходящим. А дело было в том, что Алексей Семёнович Панин, старший сын Семёна Ильича и Варвары Андреевны, врач-травматолог, молодой отец и вообще гордость семьи, обзавёлся любовницей. Ну как – «любовницей»... Был застукан на дежурстве в койке с операционной медсестрой. Причём классически – непосредственно женой. Та в лучших традициях своей свекрови (или же – следуя её заветам?) оставила чадо на свою маман и понеслась к Алёшеньке на дежурство с судочками, баночками и термосочками. Как будто работает Алексей Семёнович не тут же, в отделении травматологии при крупной многопрофильной больнице, а в завьюженной ЦРБ, где электричество отключили за неуплату, а

овсяную кашу больным лет пять как перестали выпивать. Принеслась на крыльях любви, тихонько стукнула в дежурку – был поздний вечер, – из дежурки вышел её ненаглядный муженёк, завязывая верёвочку на пижамных штанишках. И вовсе не заспанный... А даже как-то с явно учащённым сердцебиением и крайне раздражённый.

– Ну что ещё слу... – рявкнул он и остолбенел, узрев законную супругу и молодую мать своего чада, – ...чилось? – договорил он и стал теснить жёнушку в направлении от дежурки.

Но любимая была вся в эйфории, представляя себе, как она накроет столик принесёнными из дому салфетками, чмокнула своего официального самца во влажные губки и танком запёрлась в дежурку, и, включая свет, по дороге прощebetала:

– Ты так рано на дежурстве спи...

У кровати спешно приводила себя в окончательный порядок операционная медсестра. Высокая, в отличие от законной жёнушки-коротышки. И тощая, как дрраная кошка. В отличие от законной супруги, изрядно прибавившей в весе не столько во время беременности, сколько сейчас, во время кормления грудью, поскольку и родная полубезумная маменька, и даже спокойная и во всём остальном нормальная свекровь пичкали молодую мать сгущёнкой, грецкими ореха-

ми, варёной телятиной и сухофруктами, как будто она вскармливала не одно-единственное дитя, а целые ясли. Учитывая, что невестка Семёна Ильича относилась к породе скорее мясной, нежели молочной, то результаты в виде пышного зада, живота-фартучка и обильных боков не заставили себя ждать.

– Добрый вечер, – вежливо поздоровалась жена Алексея Семёновича и уронила торбы на пол, ахнув и зажав себе руками рот.

– Добрый вечер, – проворковала операционная медсестра, дружелюбно улыбаясь и тонкой змейкой изящно утекая за дверь дежурки.

– Это не то, что ты думаешь! – тут же произнёс Панин-младший фразу, во все времена призванную только привлечь дополнительное внимание к тому, о чём никто не хочет думать. Мужчины всё-таки идиты. Сказано же: «Лучше промолчи – за умного сойдёшь!»

– Я тебе ужин принесла. Ешь, ещё тёплое. В термосе – горячий кофе. На молоке. Как ты любишь... – сказала законная половина младшего Панина и направилась к выходу, избегая смотреть на супруга. Изо всех сил избегая. Боясь расплакаться. Впасть в истерику.

С таким трудом дающееся ей грудное молоко может иссякнуть на нервной почве. Как будто если не рыдать и не орать, то почва станет менее нервной. А

родная мамаша изводит её на предмет того грудного молока. Хотя и Варвара Андреевна, и Семён Ильич – врачи, между прочим! – уже устали объяснять её маменьке-учительнице, что смеси – не дьявольское изобретение, а грудное молоко – не панацея, а просто еда.

– Ну, зачем ты! У меня же тут всё есть! – воскликнул Алексей Семёнович и осёкся.

– Это я уже поняла, – тихонько сказала Катя, прикрывая за собой дверь.

Кажется, он бежал за ней до лифта. И до выхода из больницы. И до шлагбаума... Прямо в пижаме. Она даже машинально забеспокоилась, не простудится ли. Но за шлагбаум он бежать уже не мог. Потому что дежурство.

– Постой! Ну, постой же! Давай поговорим! Ну не могу я сейчас с тобой домой пойти. Я же на дежурстве! – кричал он вслед монотонно и понуро удаляющейся жене.

Именно так – монотонно и понуро, – она и дошагала до дому, забыв, что можно сесть на маршрутку, проехать пару остановок. Жили молодые невдалеке от больницы. Свадебный подарок Семёна Ильича – двухкомнатная квартирка невдалеке от места работы Алёшеньки. Более чем царский подарок по нынешним временам. Придя домой, она наказала мамаше со-

брать вещи. Та стала докапываться, что произошло. Отвечать не было никаких сил, поэтому молодая жена Алексея Семёновича Панина схватила маленькую Варю, наскоро её во что-то замотала, выскочила на улицу и, поймав такси, через каких-то сорок минут, что удивительно, оказалась дома у свекрови. Та, щедро опоив невестку успокоительными и оставив её и маленькую Варю на попечение среднего и младшего сыновей, принеслась прямёхонько к Семёну Ильичу в кабинет. Где как раз попивала коньячок госпожа Мальцева. Они недавно вышли из операционной.

– Таня, привет! – выдохнула нечёсаная Варвара Андреевна, под бесформенным пуховиком у которой оказался застиранный халат. И тут же вывалила на Семёна Ильича произошедшее. Мальцева осуществила попытку смыться, но Варвара Андреевна попросила её остаться.

– Ну и зачем ты принеслась? – холодно поинтересовался Панин. – Позвонить не могла? И вообще, что я-то сделаю? Они уже не дети. У них уже у самих ребёнок.

– Я... Я не знаю, зачем, – чуть не простонала Варя и, шлёпнувшись на диван (рассказывала она почему-то стоя, суматошно сбиваясь с пятого на десятое), окунула лицо в ладони и заплакала.

Татьяна Георгиевна укоризненно глянула на разь-

ярённого Семёна Ильича, налила полную рюмку коньяку и подошла к Варваре Андреевне.

– Варя, выпей. Залпом!

Та кое-как, трясущимися руками приняла рюмку и, клацая о край зубами, вылила с горем пополам в себя содержимое.

– Я не понимаю, какого чёрта ты принеслась?! – зло продолжил Семён Ильич, когда выражение глаз жены стало чуть более осмысленным и сфокусировалось на нём.

– Она «принеслась» за сочувствием! – сказала Мальцева. – За поддержкой. Зачем ещё женщины «приносятся» к мужчинам? Ребята, я, пожалуй, пойду. Это ваше семейное дело.

– Да нет никакого «нашего» семейного дела! – Панин с грохотом выдвинул ящик стола и достал оттуда пачку сигарет. – Это *их* семейное дело! – Он вытряхнул из пачки одну и стал нервно разминать её между пальцами.

– Таня, останься, пожалуйста! – попросила Варвара Андреевна, обратившись к Мальцевой. – Ты друг нашей семьи и... и, может быть, что-то посоветуешь. Ты же бросил! – ахнула она, увидав в руках у мужа сигарету.

– Бросил. Ты же не переносишь табачный дым! Всю жизнь переносила, а потом внезапно перестала! Я

устал курить у себя дома, как в гостях – на лестничной клетке! – вот и бросил! – язвительно прокомментировал Панин, отправив сигарету в мусорную корзину. Через секунду туда же полетела пачка. Семён Ильич снова шаркнул ящиком стола и извлёк на свет электронную сигарету.

– Таня, ну что же делать?! Катенька уходит от Алёшеньки! Алёшенька... Алёшенька простудится! Он за ней по улице в пижаме бежал!

– Не простудится, – Панин пыхтел электронной сигаретой. – У него в крови эндорфины вперемешку с гормонами стресса. На таком коктейле даже чмо на палочке не простудится, не то что такой лось, – язвительно отчеканил Панин, и эрзац-сигарета отправилась в мусорную корзину вслед за своими чисто-породными родственниками. – Идиотизм какой-то – вдыхать и выдыхать пар! Как в больничную прачечную сходил!

– Таня, что делать?!

– Вам – ничего.

– Но это же настоящая трагедия!

– Трагедия – это когда руку оторвало. Или с ребёнком что-то случилось. Или любимый человек погиб. А это не трагедия. И ничего не надо делать, – мрачно прокомментировала Татьяна Георгиевна.

– Как ничего?! Я сейчас к нему в отделение пойду...

– Двойку в дневник поставишь? – внезапно заорал Панин, подскочив на ноги. – Хватит ему уже позора! То жена прискакала, то мамаша заявится! Он – взрослый человек. Врач! Его давно по имени-отчеству называют, и куда он суёт своё мужское хозяйство – его собственное, мужское, дело. Жениться надо было по любви, а не потому, что женилка зачесалась! Сам теперь пусть и выкручивается. И Катька – дура! Подумаешь, с медсестрой переспал. Нечего было со своими котлетами тащиться! Меньше знаешь, крепче спишь! Тебе ли не знать? – последнее было сказано так ядовито, что Мальцева не выдержала и просто молча вышла за дверь.

Вышла за дверь – и даже не стала ею хлопать. Во-первых – всё та же модная «доводка». А во-вторых – Варя-то причём? Вышла за дверь, вдохнула, выдохнула – и пошла. Коридоры родильного дома всегда оказывали терапевтическое действие. Потому что тут она, Татьяна Георгиевна Мальцева, не пойми кто не пойми кому, а заведующая наблюдением отделением. Самым крупным отделением этого родильного дома. Эти коридоры – реперные точки. А раз есть они – значит, есть и сетка координат. И можно проложить маршрут. А не как все думают, тупо уставившись в пустые небеса: «Зачем мы здесь?» Затем, блин! Делом надо заниматься. Желательно своим. И на глупые

вопросы просто времени не будет.

Панин отправил жену домой на больничной «Скорой». Собственно говоря, он бы мог отправиться домой с нею. Ничто его сегодня в родильном доме больше не держало. За послеоперационной приглядят – тем более лежит она в ОРИТ. Да и не по сану начмеду слишком часто в роддоме ночевать. Но ему не хотелось домой. Мало там Варвары Андреевны и двоих сыновей, так теперь ещё и невестка с внучкой. За ними явно принесётся не слишком вменяемая сваха, и... И он этот курятник не в силах выносить!

Семён Ильич поднял трубку внутреннего телефона и набрал короткий номер. Ждал долго. Неужели она спать завалилась, мерзавка?! Да нет, она всегда спит очень чутко. Он набрал мобильный.

– Да?

– Ты где?

– В родзале сижу.

– В стенку пялишься?

– ...

– Тань, ну прости меня.

– ...

– Зайдёшь?

– Нет.

– А куда ты мотаешься по субботам?!

– Тебе разве не доложили?

– Марго сказала, что на конюшню. Ты лошадей любила? Или... конюха?

– Семён Ильич, я не Варя. У меня нет ни одной разумной причины терпеть твой недобрый сарказм.

Татьяна Георгиевна нажала отбой.

Семён Ильич несколько минут походил туда-сюда по кабинету и, подойдя к мусорной корзине, достал оттуда пачку сигарет. Вытряхнул одну и, секунду поразмышляв, прикурил и блаженно затаился.

– Всё равно сдохну я явно не от этого, – удовлетворённо пробормотал господин Панин, заместитель главного врача по акушерству и гинекологии крупной многопрофильной больницы. – От этого просто не успею!

У Сергея Станиславовича Родина и Оксаны Анатольевны Поцелуевой роман был в самом разгаре. Они даже его дурацкие – как он их сам называл – сценарии стали вместе писать – на двоих историй и наблюдений больше. Кроме того, Оксане Анатольевне всегда было свойственно с головой окунаться в дела своих мужей. Стоило ей выйти замуж за архитектора – уже через год она могла обсчитать строительный объём здания и на глаз прикинуть смету отделки коммерческих интерьеров. Как-то раз она сходила замуж даже и за автослесаря – и никто нынче не мог развести Оксану Анатольевну на ненужную замену детальки, а масло

и колодки – так она и вовсе сама меняла. Роман свой они ни от кого не скрывали (в отличие от написания Родиным сценариев). И вообще – как-то удивительно шли друг другу. Чем вызывали ярое возмущение молодых врачей-девиц Золотухиной Анастасии Денисовны, более известной как «Зад», и Анастасии Евгеньевны Разовой по кличке «Тыдыбыр». Девушки ну о-о-очень хотели замуж, хотя та же Поцелуева не раз им читала лекции о том, что ничего хорошего в том «замуже» нет, она сама там четыре раза была – и что? Девушки слушали несколько скептически, но вслух ничего не говорили. Между собой же постоянно обсуждали, как же это так вышло, что внезапно холостой – какая удача! – Родин обратил внимание не на них, молодых, бездетных и красивых, а пусть и на красивую, но под сраку лет Оксану Анатольевну «с прицепом». Не говоря уже об «анамнезе». Тыдыбыр снова стала с удвоенной силой ненавидеть так нравящегося ей заведующего отделением неонатологии и детской реанимации, но выяснилось, что и на сей раз поезд ушёл. Ельский, кажется, был на полпути к смене детской медсестры на акушерку. Ту самую, вторую акушерку обсервационного родзала, на которую он как-то обратил своё благосклонное внимание. Тыдыбыр даже решила проконсультироваться на сей предмет с Поцелуевой-Засоскиной.

– Оксана Анатольевна, а почему Ельский всё время женится на каких-то... на среднем медперсонале? Как выдумаете?

– Ну, не всё время, не всё время. Когда ты, Настя, ещё пешком до горшка не могла дойти, Ельский был женат на своей однокурснице. Она была очень умной. А поскольку Ельский и сам – ну о-о-очень умный, то с годами они стали ссориться на совсем уж неудобоваримые для семейной жизни темы.

– Это какие, например?

– Например, о механизме апоптоза в эмбриональных клетках. Представляешь себе такое утром, за кофе? И, что характерно, жена его всегда уделывала. А потом она и вовсе его уделала на все сто. Они вместе хотели уехать в Штаты. Да не куда-нибудь, а прямо в Массачусетс, в Бостон. В Гарвард медикал скул, постдоками. Будучи уже, разумеется, кандидатами наук. Так вот – она уехала, а он – фигушки. Её тему сочли более интересной и перспективной. Не говоря уже о том, что по-английски она как птица пела, а Ельский так... – разговаривал. Это был такой удар по его честолюбию и самолюбию, что он с трудом оправился. А потом его жена и вовсе замуж вышла. Там, в Штатах.

– Вот повезло...

– Повезло или нет – я не знаю. Знаю только, что с тех пор Ельский мучается дуализмом.

– Чем мучается?

– Ох, Тыдыбырушка, чему вас там нынче в школах и академиях учат? Котиков в блоге развешивать? – расхохоталась Оксана Анатольевна.

Тыдыбыр слегка насупилась. Тем, как она «прославила» родильный дом в Сети, кто ей только не тыкал.⁹

– Мучается несоответствием желаний и возможностей. Желает умную, но его невозможное эго в этом же месте ставит блок.

– Ах, так вот почему он на меня внимания не обращает! – радостно вырвалось у Настеньки Разовой.

– Не льсти себе! – Оксана Анатольевна красноречиво окинула взглядом Тыдыбыра с головы до ног. – Он ещё и красивую желает. И тут его желания всегда совпадают с его возможностями.

У Тыдыбыра чуть слёзы из глаз не брызнули. Поцелуевой-Засоскиной даже чуть стыдно стало. Человеком она была добрым.

– Нет-нет-нет! Я не говорю, что ты некрасива. Ты – очень красива. У тебя прекрасные волосы, – тут же поправились Оксана Анатольевна. Это было легко, потому что соответствовало действительности. У Настеньки-«Тыдыбыра» действительно были потрясающие, блондинистые, кудрявые, густые волосы. Но, как говорится – это всё. Она была невысокая,

⁹ См. «Роддом. Сериал. Кадры 14—26».

слишком толстенькая, и лицо у неё было простенькое и незамысловатое. – Ты просто не во вкусе Ельского.

– Ага, только такие тощие, как вы – во вкусе всех! – обиженно пробурчала Тыдыбыр.

– Настёна, ты жрать меньше не пробовала?! – отрезала Оксана Анатольевна. – Ну и в завершение темы Ельского: ему нужна неглупая красивая тоненькая медсестричка, а не умный прекрасный стройный врач.

– А что, не с медработниками...

– А не с медработниками у Ельского не встаёт! И вообще, хорош болтать, пошли на обход!

И даже Светлана Борисовна Маковенко переспала с Михаилом Вениаминовичем Наезжиным. Прямо не отходя от рабочего места. Как оно так получилось? Светочка же из всех сил обхаживала интерна Денисова. А у Михаила Вениаминовича и вовсе была жена и двое детей. Как это вообще вышло?! Более биологически несовместимых особей, чем «Серая мышь» и «Мясник» в природе и существовать не могло! Светлана Борисовна кричала, что Михаил Вениаминович её изнасиловал, воспользовавшись её состоянием. Михаил Вениаминович, ковыряя в зубах, презрительно хмыкал и заявлял, что это ещё неизвестно, кто кого изнасиловал и кто чьим состоянием воспользовался. В общем, оба валили вину на санитарку приёмного покоя Зинаиду Тимофеевну, заявляя, что она их опо-

ила самогоном на свой день рождения. «Да, клизмы ставила, грешна!» – ядовито замечала Зинаида Тимофеевна, когда всех троих вызвал к себе на ковёр начмед. Татьяна Георгиевна воспользовалась, что называется, инфоповодом и, надавив на ещё некоторый ряд болевых точек Панина, избавилась-таки и от Светланы Борисовны Маковенко, и от Михаила Вениаминовича Наезжина. Серую мышь Панин перевёл в женскую консультацию, а Мясник отправился в дежуранты отделения физиологии. Его бы стоило вообще уволить, но он находился в каком-то размытом родстве с профессором Елизаветой Петровной Денисенко – и потому вместо улицы пошёл в физиологический родзал, о боги, боги! Минус Маковенко, минус Наезжин, минус пенсионер Линьков, и... И в отделении остались только две почтенные оплывшие пенсионерки – Зинаида Никитична и Надежда Капитоновна, избавиться от которых прямо сейчас не было никакой возможности (иначе кто бы писарями был?), интерн Денисов и... сама Мальцева. Незадача на два этажа обсервации с огромным количеством коек. Мальцева вырвала из патологии Разову. Она наблюдала за Тыдыбыром и решила, что толк будет, был бы учитель пристойный. Тыдыбыр хоть и производит легкомысленное впечатление, но вполне может стать пристойным врачом. А в довесок Панин – из мести! – перевёл

в ординаторы обсервационного отделения Анатолия Витальевича Андриевича. В старшие, разумеется, ординаторы. Как же честь врача-УЗИ можно затронуть? Ну и ладно. Мальцева на это с удовольствием согласилась. Значит, теперь для её пациенток всегда будут льготы на ультразвуковое обследование. Всё-таки с одним Тыдыбыром и интерном Денисовым на подхвате этаж трещал... А дежуранты обсервационные тоже так, фу-фу, всё время контролировать надо, но... Но она почти всё время здесь, Денисов с сентября уже будет не интерн, а ординатор, а если кого со стороны брать, как настаивает Панин, то ну к чёрту! Ещё хуже будет. Врачей много – работать некому. Меньше народу – больше не только кислороду, но и ответственности. А тут ещё внезапно ушла на пенсию бессменная заведующая женской консультацией. Отличная была баба. Хозяйственная. Чёткая. В ежовых рукавицах ЖК держала, а что ещё нужно от администратора? Не, ну какие-то свои мини-аборты она сосала, копеечку пусть небольшую, но стабильную имела, да и здоровая была, как лошадь. Но её внучка родила двойню – и прабабушке нашлось дело. Тем более что в семье заведующей ЖК с деньгами было всё ОК. Что ж, остаётся только позавидовать её внучке – детишки зубки будут чистить беспрекословно и строим, и манную кашу съедать без остатка. Панин зубами скрипел.

Только разрешил вопрос с патологией, переманив Родина из перинатального центра, как опять – двадцать пять – ищи зав ЖК. Главный врач снова угрожает человеком со стороны. А «состоронних» любой начмед боится, как чумы. Или чёрной оспы. Хватало Панину «министерского племянника» в виде заведующего отделением гинекологии, с которым постоянно собачился доцент Матвеев. И по делу собачился. А Панин ничего не мог. Потому что «министерский племянник» – это не степень родства, а диагноз. «Министерский племянник», к слову, срочным образом женился на юной интернице, которая тоже была отнюдь не сирота, а с папой в облздраве, и теперь в гинекологии работал только заведующий, а ассистировала ему и была на подхвате – та самая интерница. Все остальные врачи слонялись без дела, разве что заполняя бесконечные бумажки. На кой министерскому племяннику была та интерница – это ещё можно понять. Она была высокая, красивая, стройная, молодая... А вот на кой интернице стался министерский племянник – это было загадкой. Он был немолод, невысок, не хорош собой (мягко сказать!), задирист, крут нравом и уже, поговаривали, побивал её, хотя и медовый месяц ещё толком не миновал. Кроме того, министерский племянник был несметное количество раз женат, и детей у него от огромного количества браков было

не то семь, не то восемь – он и сам всё время путался. Тем не менее, интерница уже регулярно блевала в служебном туалете отделения гинекологии, и поскольку пить она – не пила, а жирного, похоже, отродясь не ела, – ничем иным, как ранним гестозом её преимущественно утренняя рвота объясняться и не могла.

Страх и ужас был у бедного Панина с кадровым вопросом. Не говоря уже о делах семейных. И даже не вспоминая уже о негодяйке Мальцевой с её интерном, и с её же Иваном Спиридоновичем Волковым, который, по данным, получаемым от Маргариты Андреевны, тоже не совсем ещё исчез с радаров. Весь по самые уши в муках был начмед, муж и отец, а также любовник Панин. С делами семейными и любовными он ничего не мог поделаться, а вот Мальцеву Татьяну Георгиевну он, на правах заместителя главного врача больницы по акушерству и гинекологии, отправил временно исполнять обязанности заведующей ЖК.

– Сёма, ты с дуба на кактус рухнул? – не удержалась от столь банального замечания Мальцева, когда он призвал её к себе в кабинет и объявил о таковом своём решении. – Совсем умом тронулся? Я – действующая заведующая действующим отделением! Ты даже приказа такого – о моём исполнении обязанностей – создать не можешь! Это противоречит трудо-

вому законодательству!

– Да и не будет никакого приказа! Так... Недельку-другую посидишь и...

– И если у меня в отделении, где работает бригада «Ух!», что-то случится, то...

– То тут перебежать по подвальчику – пять минут вместе с перекурами.

– Слушай, я вообще-то женщина, а не лошадь!

– Вот и побудешь поменьше женщиной! Тебе полезно. И к лошадям пару суббот со своим... мальчиком не поедешь! Или ты с мальчиком ездешь, а лошади так, для прикрытия?!

– Ну, началось... Пошла вода в кубрик! Семён Ильич, вы мне кто?!

– Я вам, Татьяна Георгиевна, начмед! Вы назначаетесь исполняющей обязанности заведующей женской консультацией. Временно!

– Панин, я к главврачу пойду!

– А с главврачом, госпожа Мальцева, я уже всё согласовал! – расплылся в ядовитой змеиной улыбке Семён Ильич.

И что оставалось делать?

Работать в женской консультации отнюдь не легче, чем в стационаре. Хотя именно так может показаться на первый взгляд. И аргументы типа «зато нормированный рабочий день и дома спишь» – это, конеч-

но, да. Если ты из «неиграющих» врачей. В медицине тоже своя градация имеется. «Теоретики» на манер Елизаветы Петровны Денисенко, которую лучше и на пушечный выстрел не допускать к живым женщинам (хотя в этот момент становится непонятным, а чему тогда подобные экземпляры могут научить студентов и интернов?). Врачи из племени «наблюдателей» – амбулаторно-поликлиническое звено. Эти очень важны, когда грамотны, образованы и умеют не только, собственно, наблюдать, но и способны собрать информацию в кучу, пропустить её через извилины и сделать верные выводы на предмет «что делать» и/или «куда послать». Предпочтительнее, разумеется, «и», но сойдёт и «или», вполне вписывающееся в концепцию «не навреди!» «Рабочие лошади» – стационарные деятели вроде Панина, Мальцевой, Родина, Поцелуевой, Святогорского, Ельского и многих других. И, наконец, «два в одном» – вроде доцента Матвеева – сочетание отточенной годами практики вкупе с если уж не наукой как таковой, так хотя бы отслеживанием её новейших достижений и умения/желания учить. Что собранное под одной черепной коробкой и в одних руках – ничуть не меньшая редкость, чем цветение папоротника на Ивана Купалу. Кстати, хоть кто-то хоть когда-нибудь видел цветущий папоротник?.. В любом случае, градации, разумеется, рас-

пльвчаты и не имеют чётко очерченных границ. Ельский читает медицинскую литературу и интересуется последними достижениями в своей и смежных областях вовсе не потому, что он без пяти минут доктор наук. И от доцента Матвеева его отличает не только то, что Ельский на дух не переносит общение ни с кем, кроме младенцев и красивых медсестричек – и те, и другие, слава богу, крайне немногословны, – и никогда не займётся преподавательской работой. Но и то, что доцент Матвеев уже давно проехал остановку под названием «докторская диссертация» и в гробу он её видал. Татьяна Георгиевна была способна без напряжения и даже с удовольствием общаться с аудиторией и чему-то её, возможно, научить, но она никак не могла защитить кандидатскую диссертацию. И вовсе не по причине недостатка интеллекта. Просто кафедральная тема была донельзя надумана (и так считала не только Мальцева), а времени на глупости вроде бессмысленных кафедральных совещаний, написания формальных неинтересных статей под свальным соавторством, в отличие от не-пришей-кой-куда-рукав аспирантов, у неё не было вовсе. Резюмируя: и профессор может оказаться полным ничтожеством, что в теории, что в практике. И просто заштатный лекарь уездной поликлиники может быть профессионалом экстра-класса. Правил нет, сплошная уда-

ча. В данном контексте – удача пациента. А работать в женской консультации отнюдь не проще, чем в стационаре, хотя и высокомерничает порой стационарная «кавалерия», кидая насмешливо-презрительный взгляд на поликлиническую «пехоту». Звенья всякие нужны, звенья всякие важны. Если в бриллиантовом колье подведёт крохотный винтик застёжки – оно уже не бриллиантовое кольцо, а бриллиантовое кольцо, *не годное к использованию*.

Заведующая женской консультации смылась на пенсию, не сдав дел. Точнее, не сдав, как положено. И как только Татьяна Георгиевна негласно вступила в неположенную ей по трудовому кодексу должность, она за голову схватилась. В буквальном смысле слова. Потому что, ей богу, было легче списать всё на форс-мажор, утопив компьютеры или даже спалив женскую консультацию (разумеется, ночью, в условиях полнейшей пустынности), чем заполнить годовой пробел в заполнении базы данных. То есть с тех самых пор, как паренёк, занимавшийся этим делом, улетел искать счастья на австралийском континенте. Пенсионерка не дружила с компьютером, и даже мысли о таком элементарном упражнении, как заполнение базы данных, вызывали в её закрашенной под голубое небо седой головушке головокружение, а в сосудах головного мозга – спазм. И пришлось Мальце-

вой поднимать из архива огромное количество никому ненужной бумаги, чтобы к моменту вступления в должность настоящего заведующего всё было в ажуре. Мелькала коварная мысль засадить за это дело Денисова, у которого всё было в порядке с базами данных, но... Но он ей не сможет отказать, и это будет уже какое-то... В общем, не спи она с ним по субботам и немножечко – по воскресеньям, – засадила бы как миленького! А так этика – см. мораль, мораль – см. этика. Беда, в общем.

– Какие-то у тебя хитровывернутые представления об этике и морали! – расхохоталась Маргарита Андреевна в ответ на откровения подруги. – Кстати, хочу тебе сказать, что с тех пор, как ты завязала со старьём вроде Панина и Волкова, выглядеть ты стала значительно лучше! Прямо девочка! Вот что эндорфин благословенный со стареющей кожей делает!

– Мне и с Паниным эндорфинов было хоть залейся, – пробурчала в ответ Татьяна Георгиевна, стуча по клавишам компьютера в кабинете заведующей ЖК.

– А с Волковым? – ехидно уточнила старшая акушерка обсервации, бесцеремонно прикуривая сигарету.

– Марго! Это, между прочим, лечебное учреждение! Даже не подвал лечебного учреждения, а кабинет. Действующий врачебный и административный каби-

нет! – грозно посмотрела Мальцева на подругу.

– Да ты что?! – притворно ахнула Марго. – Вот уж если меня тут поймут, – она бросила уточняющий взгляд на часы, – да в десять часов сорок семь минут – мягко сказать – вечера, ой будет мне нагоняй! И кто же меня тут может поймать? Заведующая?! – саркастически высказавшись, Маргарита Андреевна расхохоталась. Но тут же посерьёзнула и, выпустив дым, строго сказала: – Бабы совсем осатанели! Одну – первые сутки после кесарева – прошлой ночью отловила курящей под бухгалтерией. Стряхивала пепел в фикус! Нет, ну ты подумай, что за бред! У неё же там швы! Кряхтит, скрипит, еле, пардон, пердит, а туда же – курить! – Маргарита Андреевна со злостью выдула дым. – Я уже не говорю о тех беременных прошмандовках, что Святогорский всё время отлавливает под своей кислородной, где баллоны хранятся и вот такенными печатными буквами написано: «ОГНЕОПАСНО»! Хоть бы о детях подумали! – Марго стряхнула пепел в огромную кадку с монетным деревом – гордостью ушедшей на пенсию прежней заведующей.

Мальцева передала подруге карманную пепельницу и сама закурила.

– Ты так и не ответила про Волкова.

– А ты мне не сменила карнизы. И не вернула рамку моему постеру.

– Так что Волков?!

– Слушай, Марго, я не для того на свет родилась, чтобы в постели про покойную жену выслушивать!

– Да что ты?! – Марго даже один глаз прикрыла. Якобы дым попал...

– Это совсем другое! – отрезала Татьяна Георгиевна.

– Я могу ещё раз повторить: «Да что ты?!»

– То, что можно женщине, мужчине – нельзя!

– Да что ты?!

– Марго, я тебя сейчас тресну чем-нибудь тяжёлым по голове.

– Ну ладно, ладно... Вялотекущий роман. Волков сидит на скамейке запасных, лишь изредка выходя на поле. Пусть будет. Кстати, мне на праздники нужны цветы, профессору и главной медсестре больницы дарить.

– Это вообще-то мои цветы!

– А интерн тебе цветы дарит?

– Дарит.

– Но не такие же, как Волков?

– Не такие.

– Понятно. «Закройте рот, Маргарита Андреевна, вас это не касается!»

Мальцева промолчала.

– Ладно, поменяю я тебе карнизы, пока ты тут тол-

чѣшься, – Марго втоптала бычок в крохотную пепельницу с крышечкой и протянула её Татьяне Георгиевне.

– Оставь себе. У меня ещё есть, – она достала из сумки вторую карманную пепельницу, забавную, маленькую вещичку белого металла. Маргарита Андреевна тут же хищно цапнула её из рук подруги.

– Красивая. Серебряная?

– Да.

– И кто?

– Денисов подарил.

– Надо же! Поди, вагоны по ночам разгружает! – Марго снова добавила в тон сарказма.

– Маргарита Андреевна, меня не интересуется, где он берёт деньги мне на подарки. Может быть, это вообще... пепельница его бабушки!

Подруги рассмеялись.

– Слушай, – Маргоша вернула пепельницу Мальцевой, – как бы там ни было, он ведёт себя безупречно.

– Кто «он»?

– Ну не Панин же! У Панина крыша носится то туда, то сюда. Особенно теперь, когда о том, что его сынишка оприходовал медсестричку, вся больничка гудит. А эта дура, Варя, таки попёрлась в отделение. Поговорить...

– С кем?! – удивилась Татьяна Георгиевна.

– С медсестрой. С сыном, насколько я понимаю,

она могла и дома поговорить.

– Вот уж действительно... Выставила парня на посмешище перед всем колхозом. Ядовитее племени нет, чем операционные сёстры. Это же они лет сто теперь только об этом и будут говорить. Я думала Варя умнее... Представляешь, она, кстати, Варвара Андреевна, а вовсе не Варвара Степановна! Недавно только узнала, – Мальцева прыснула. – Тёзка твоя по отчеству. У вас, которые Андреевны, наверное, слишком развит материнский инстинкт. Ты со своей Светкой нянчишься, с коровой двадцатилетней, Варвара побежала со злобной медсестрой, её мальчика наверняка же соблаздившей, тёрки тереть. Зачем?

– Светка – девочка! И я с ней не ношусь. Так... Воспитываю. Люблю, мерзавку.

– Ну и Варвара... кхм... Андреевна своего мерзавца тоже любит. Упаси бог от такой любви. Так что, Катя эта ненормальная ушла от панинского сыночка?.. Не смотри на меня, ты всё равно лучше знаешь! Я с Сёмой на такие темы не разговариваю. Я с ним вообще стараюсь как можно меньше разговаривать.

– Почему ненормальная? Ушла, разумеется. А ты бы не ушла, застав своего мужика в койке с другой?

– Да не потому ненормальная, что ушла. А потому ненормальная, что жратву ему на работу потащила. Ещё одна мама вместо жены. Мужчинам не нужны ма-

мы. Мужчинам нужны женщины!

– Ну да, ты у нас сильно большой специалист. То-то после Матвея... – Маргарита Андреевна осеклась, но ожидаемой вспышки гнева при упоминании имени покойного мужа не последовало. Татьяна Георгиевна продолжала монотонно стучать по клавишам, сверяясь с амбулаторными картами, даже забыв про тлеющую в пепельнице сигарету. – ... То-то после Матвея ты никак замуж не выйдешь! Знаешь почему? Потому что мужчинам не нужны дочери. Мужчинам нужны женщины!

– Чушь! – спокойно и где-то даже весело сказала Мальцева, не отрываясь от работы. – И ты чушь городишь. И я. Просто каждой конкретной женщине нужен конкретный мужчина. А каждому конкретному мужчине – конкретная женщина. Но нас так много на планете, что мы тыкаемся, мыкаемся, маемся и очень редко встречаемся. Такой, знаешь ли, пазл на семь миллиардов фрагментов.

– Танька, а ты меня почему за упоминание Матвея не отхерачила? Не заплакала? Не разозлилась?..

– Ты знаешь... – Татьяна Георгиевна отвлеклась от работы и пристально посмотрела на подругу, как бы сама размышляя над тем, как же оно так вышло, что... – Это из-за Денисова. Он меня как-то... Как-то успокаивает, что ли? Панин всегда на дыбы становил-

ся, хотя очень старался делать лицо. А этот не старается. У этого – всё естественно получается. Я в кои-то веки выговорилась, не чувствуя ни страха, ни... Ни того, что надо мною будут смеяться, или будут меня ревновать. Наплакалась, нарыдалась, навспоминалась...

– Напилась, поди!

– Не без этого, – улыбнулась Татьяна Георгиевна. – Ты же знаешь, я трезвая к Матвею на могилу не хожу. Да и хожу-то я туда один-единственный раз в год. В день его смерти.

– Да-да, знаю... Всегда одна и всегда – поздним вечером.

– Я Денисова с собой взяла, – ровно сказала Мальцева и снова принялась стучать по клавишам, делая вид, что не замечает отвисшей нижней челюсти Марго.

– Ты взяла с собой на кладбище Денисова? – наконец отмерла та. – Нет, не так! Ты взяла с собой на могилу к Матвею тёплого живого человека? Хоть какого-то?! Таня, что случилось?!

– Ну, так... Страшно же поздним вечером на кладбище! – Татьяна Георгиевна рассмеялась, как счастливая маленькая девочка.

– Езус Мария! – ахнула Марго. – Я должна срочно устроить какие-то льготы интерну Денисову. Потому

что он сотворил чудо! Он тебя вылечил! Ей богу, вылечил!

– Да какие ещё ему, к чёрту, льготы? Он добился того, чего я, заведующая, не могу добиться от нашей буфетчицы бабы Галы – любви! И беспрепятственно захода в буфет в любое время суток в любом виде. Он там свою собственную чашку из дому держит, свою тарелку и свою джезву!

– Это я знаю. Сама диву даюсь... За ним даже наша Зинаида Тимофеевна подтирать не бросается цербером.

– Да, он – очаровательный, обаятельный. И он просто прекрасный друг.

– Друг, с которым ты спишь? Интересная дружба.

– Дружба с элементами постели. Чего такого?

– Эгоистка ты, Мальцева. Страшная, махровая эгоистка! Как Волков тебе в той койке только сдуру разок заикнулся о покойной жене, так... Так сто раз себя уже наверняка проклял. А ты мальчику, в тебя по уши влюблённому, развешиваешь о покойном муже – и ничего, нормалёк! И где же тут гендерное равенство и справедливость?

– А я и не оголтелая феминистка. Мне вполне хватает того, что у меня есть право голоса и мужчины когда-то позволили мне получить профессию, имея которую я могу ударно вламывать сутки напролёт. По-

жалуй, этим ограничимся!

Маргарита Андреевна смотрела на подругу, широко распахнув глаза.

– Ну и кроме того, Марго, кто мне тут талдычил, что двадцать пять – это уже не мальчик, а четвертьвековой мужик, а? Ты меня запрограммировала, вот! – она нарочито-укоризненно посмотрела на подругу, подняв вверх указательный палец. И, не выдержав, снова расхохоталась.

– Смеётся. Не плачет. Не впадает в истерики. Не язвит, так... иронизирует. Не, ну я прямо не знаю, что сделать для того Денисова. Пижаму ему, что ли, новую откинуть от фармацевтических даров? Или даже две!

– Марго, а я... – Мальцев посерьёзна и слегка запнулась.

– Что – ты?

– Я Матвея видела! – выпалила Татьяна Георгиевна.

– Во сне, что ли?

– Да нет! Не во сне. Во сне я его тысячи раз видела. Проснусь – и реву белугой. Вот же он, только был!.. Наяву видела. Ночью, на конюшне. После того, как с Денисовым на кладбище была.

Марго коротко вскрикнула и тут же прикрыла себе рот руками. Несмотря на всю язвительность и прак-

тичность, Маргарита Андреевна была крайне суеверной особой и разве что зелёных человечков всерьёз не принимала, а вот всё остальное, – начиная от чёрных котов и пустых вёдер и заканчивая всякой астрологической ерундой – очень уважала. Что не мешало ей высмеивать беременных, мечтающих родить непременно Водолея. Люди – страшно противоречивые существа, как не раз и не одним противоречивым существом было подмечено.

– Ну, или то не Матвей был, а абсент, – грустно улыбнулась Мальцева. – Нормальный такой, пражский абсент, с положенным процентом туйона. И не такое привидится.

– Так что тебе привиделось?!

– Я вышла из домика на воздух. Сильно Денисов камин перетопил. Одна вышла. Присела на завалинку, закурила. И тут передо мною – живой Матвей. Стоит, улыбается. Как только он умел. Так, чуть вроде иронично. Слегка свысока. И безгранично нежно. Я не испугалась, ничего такого. Как будто так и положено. Как будто у всех так: забавляешься на конюшне с молодым любовником в честь поминок покойного мужа, а тут вот – раз, и он сам на вечеринку явился. «Зараза ты, Мотя! – говорю ему. – Ты мне дал такое счастье, которого ни одна женщина на этой вшивой планетке не знала, не знает и знать не будет. А я – знала. С

тобой. А потом ты взял и ухерачился к ебням в этой долбанной тачке!» Разозлилась на него очень.

– А он что? – замороженно смотрела Маргарита Андреевна на подругу.

Та встала из-за стола, достала из шкафа прежней заведующей какой-то пыльный коньяк и начала искать, куда бы разлить. Наконец нашла какие-то мутные хрустальные стопки и стала на них с сомнением взирать. Делала она это, на взгляд Марго, слишком медленно. Маргарита Андреевна подскочила, вырвала у подруги стопки, стремительно, но тщательно ополоснула их под краном – с зубодробительным хрустальным скрипом.

– А он что?! – разливая коньяк по отмытым ёмкостям, нетерпеливо переспросила она. – Нет-нет, стой! За упокой раба божия Матвея, не чокаясь.

Подруги выпили.

– Уж кто-кто, но Матвей – не раб. Даже божий.

– Так что он, в конце концов?! – выдохнула Маргоша, скривившись. – Дрянной какой у неё коньяк...

– Ничего, Марго. Ничего. Он, всё так же улыбаясь, сел со мной рядом – я даже тепло его почувствовала. И погладил по голове. Реально – погладил по голове. Я зажмурилась. Потому что страшно хотела его обнять, а с открытыми глазами – страшно. Страшно, что исчезнет, а я руками буду хватать пустоту. Я за-

жмурилась крепко-крепко и обняла его. И он не исчез. Я думала, вечность там буду сидеть вот так, судорожно сжав его в объятиях. Но проклятая плоть – она же, тварь, своего требует. У меня ноги стали ледяными. Я не знаю, сколько так, схватив Матвея как в последний раз... – Мальцева как-то странно всхлипнула, и Маргоша молча налила ещё. Подруги выпили. – Я вся заледенела, и веки... Веки затекли. У тебя когда-нибудь затекали веки? Ну, так, как затекают ноги. Представляешь?

Маргарита Андреевна отрицательно помотала головой.

– Думаю, досчитаю ещё до ста – и если не умру, то открою глаза. Все сто раз молила – умереть! На каждый счёт. Досчитала до ста и чувствую – не могу глаз открыть. Меня Матвей на руки поднял. Я так думала. А ощущала я, как будто меня просто в воздух подняло. Я же не знаю, сколько я там так сидела, на той завалинке. А март у нас не калифорнийский ни разу.

– Господи! – снова ахнула Марго и срочно налила по третьей. – И?

– И ничего. Утром проснулась, в термобелье, закутанная в одеяло как младенец, а надо мной Денисов нависает с чашкой чая с вареньем. Всё, конец истории, – Татьяна Георгиевна молча хлопнула третьей стопку и снова стала стучать по клавишам, поглядыва-

вая в пыльные документы из архива.

– Как – ничего?! Как так вышло? Что это было?

– Да ничего не было. Я накалалась абсента. Из домика вышел Денисов. Сел рядом и погладил меня по голове. Я вцепилась в него мёртвой хваткой и два с лишним часа не выпускала из когтей. Когда он понял, что нам обоим скоро придёт кирдык – то просто занёс меня в домик, как полено. Ну и переодел, укутал. Ухаживал, в общем.

– Нет! Это всё вовсе ни ничего! Это всё не просто так! – серьёзно сказала Марго.

– Ой, я тебя прошу! Денисов сказал, что я, когда он меня переодевал в термобельё, его буквально изнасиловала. То есть – сперва я его практически изнасиловала, а потом он меня уже – переодел. Я этого совсем не помню. Ужас! Получается, я способна измочалить весьма молодого и выносливого мужика в тряпки – и совсем, напроць этого не помнить!.. Марго, просто я всегда очень остро горюю в... в этот день года. Особенно – в этот день года. Плюс пражский абсент, то есть – тетрагидроканнабиол, читай: марихуана. Плюс схожий по фактуре и на ощупь мужик. Вот тебе и всё про «не просто так». То есть – ничего, – отмахнулась Мальцева, давая Маргарите Андреевне понять, что разговор окончен.

Марго встала и, фыркнув, вышла из кабинета.

Мальцева перестала стучать по клавишам, и налив себе ещё коньяка и прикурив сигаретку, задумчиво произнесла вслух:

– Но это был такой «эффект присутствия», от которого трогаются рассудком...

Дверь приоткрылась и в неё снова всунулась Марго.

– Если захочешь об этом поговорить – я сегодня дежурю!

– Марго, оставь меня в покое! Мне тут до утра сидеть, и, дай бог, с одним месяцем размахуюсь!

Дверь снова закрылась и тотчас же открылась снова:

– Танька, а Танька...

– Ну что тебе ещё?!

– А ты интерна как в постели зовёшь? Интерн? Денисов?

– Да никак я его в постели не зову! У меня в постели всегда мужики говорят. Я – молчу!

– А когда ты его, отмороженная, насильовала, ты его как звала?

– Не помню! Я даже не помню, что я его... Марго, дай спокойно поработать! – И Мальцева, смеясь, запустила в дверь неидентифицируемым лиловым плюшевым чучелом, забытым тут пенсионеркой-заведующей. Маргоша ловко захлопнула дверь, и по тёмному

коридору пустынной женской консультации разнёсся её низкий, практически демонический хохот. Засни тут на стульчике какая беременная – от ужаса бы рожать начала. Чего только порой с людьми не творит их собственное воображение.

Утро нельзя было назвать томным. Одно дело, когда тебя постоянно дёргают то в приёмный покой, то в отделения, если ты спишь в своём кабинете. Любый акушер-гинеколог, работающий (или вернее будет сказать – живущий) в режиме Татьяны Георгиевны Мальцевой, давно научился крепко спать на любой горизонтальной поверхности, любезно предоставленной ему чужими клиническими ситуациями. Или научился, или в консультацию ушёл. Или вообще – с ума сошёл. Но спать в своём кабинете, в своей – всё-таки – кровати (теперь на дурацком новомодном диване, который, признаться честно, куда менее пригоден для комфортного сна, чем её прежняя невзрачная койка, будь здорова Марго со своей заботой!) – куда приятней, чем уткнувшись лицом в клавиатуру ноутбука. Хорошо хоть заполнение базы данных – это вам не вордовский файл. Усни Мальцева на клавиатуре в условиях открытого вордовского файла, проснувшись от хриплой дребезжащей трели внутреннего телефона, она могла бы увидеть чудненький бессмысленный набор букв и знаков, продолжающий набирать сам се-

бя. И это явно не было бы «Войной и миром». Потому что...

– Обезьяна тут была только одна! – скептически осмотрела себя в крохотное зеркальце предыдущей зав ЖК Татьяна Георгиевна. – Да? – проговорила она уже в трубку.

И, разумеется, уже через три минуты топала по гулкому и страшному больничному подвалу-переходу. Спокойно топала, совершенно не замечая, насколько он страшен. Привыкла. Ей было даже комфортно в больничном подвале ночью. Холодно, одиноко и... комфортно. Пятиминутка покоя перед очередным ночным марафоном.

После утренней врачебной конференции, на которой Панин с иезуитским каким-то наслаждением чиховстил в хвост и в гриву текущее состояние дел в женской консультации (как будто оно вчера случилось, то «текущее состояние дел») и её лично, Мальцеву Татьяну Георгиевну (ну да, а как же!), она вяло поплелась в женскую консультацию, чуть не споткнувшись о юного, упругого, живого колобка Тыдыбыра. Последняя была просто счастлива своему переводу в обсервацию и хотела направо и налево размахивать скальпелем, большой акушерской кюреткой и прочими металлическими колющими-режущими и скребущими медицинскими инструментами, которые не все-

гда стоит давать в неопытные руки. А если не давать вовсе, то как они станут опытными? Настеньку распирало от энтузиазма, потому что она давно восхищалась Мальцевой и хотела быть «как она»!

– Ты, «как она», хочешь всю жизнь ходить в любовницах, похоронив в молодости единственно любимого, если не боготворимого мужа? – усмехаясь, уточняла Поцелуева. – Или ты хочешь такую фигуру, как у Мальцевой? От первого – спаси тебя бог, Тыдыбырчик! А второе тебе не светит – кость не та, и аппетит неуёмный.

Настя Разова не обижалась на Поцелуеву. Потому что и ею она восхищалась. Не так, конечно, как Мальцевой. А уж работать лично прямо с Мальцевой, это вообще...

– Татьяна Георгиевна, когда на обход? Сегодня две плановых – можно, я пойду? Татьяна Георгиевна, у девочки в шестой палате...

– Анастасия Евгеньевна, притормозите, пожалуйста! – осадила её Татьяна Георгиевна. – Плановые операции сегодня не мои. Обхода заведующей не будет. А вы мне нужны. Вы имели дело с базами данных?

– Конечно! Я в патологии за всех заполняла.

– Отлично! Вы просто находка для меня. Идёмте со мной. Я попрошу вас об огромном одолжении...

Настенька была счастлива, что Мальцева её лично, Анастасию Евгеньевну Разову, попросит об одолжении! И не просто об одолжении – а об огромном одолжении! Анастасию Евгеньевну попросит, а не Тыдыбыра! Понятно?.. Если бы Мальцева попросила сейчас Настю слетать на Луну на ядре – Настя залезла бы в пушку, не задумываясь.

Не успела Мальцева расположить своего нового юного ординатора за столом заведующей, не объяснила ещё толком, что и от чего отсортировать, как в её кабинет вошла Светлана Борисовна Маковенко. Без стука, между прочим. Что уже ни в какие ворота не лезло. Татьяна Георгиевна только было хотела отчитать Серую Мышь, которую только что вытряхнула из обсервации, так на тебе, снова-здорово, пересеклись пути дорожки, но заметила, что та серее, чем обычно, и страшно напугана.

– Татьяна Георгиевна, там...

– Что случилось, Светлана Борисовна?!

– Там... Там изнасилование, а я... Я не знаю, что делать.

– Настя, сама разберёшься! – коротко кинула Мальцева Тыдыбыру и быстро вышла из кабинета. За ней следом выскользнула Серая Мышь.

Настенька Разова дождалась, пока за Серой Мышью закроется дверь, мухой вскочила, проверила,

плотно ли прикрыта. И затем снова уселась за стол заведующей. Но уже с совершенно другим выражением лица. Важным и несколько начальственно-высокомерным. Достала из кармана халата футляр с очками и айфон. Очки у Насти были без диоптрий, «имиджевые». Достав их из футляра и водрузив на нос, Анастасия Евгеньевна расстегнула халат на пышной груди, приняла крайне загадочный вид и нащёлкала себя айфоном с разнообразных ракурсов. Немного подумав, панорамно запечатлела кабинет заведующей. И отобрав самую удачную, на её взгляд, фотку, тут же запостила её в Инстаграме, сопроводив комментарием: «Приговорили исполнять обязанности заведующей ЖК. Мало мне стационара! Людей навалом, а работать некому!» Затем сняла очки, положила их в футляр, футляр – в карман. Айфон оставила на столе. И занялась базой данных, периодически поглядывая на растущее количество лайков в своём инстаграмчике. Где она нынче тусовалась и где называлась уже не tdbг, как в предыдущей, ошибочной жизни в Живом Журнале, а просто и элегантно: akusher-NA! Анастасия Евгеньева недавно прочитала весьма забавную книжицу именно с таким названием – «Акушер-ХА!» И теперь, когда её в Инстаграме спрашивали, не она ли автор – Настенька или таинственно отмалчивалась, или отвечала невнятно-загадочно, на-

мекая, что, мол, не чужда, не чужда... Что правда, некоторые тётушки очень быстро вычисляли, что к описываемым в «Акушер-ХА!» реалиям пользователь akusher-НА имеет примерно такое же отношение, как ворона к полотенцу, поэтому, собственно, Настенька Разова и прикупила имиджевые очки – для солидности. Она полагала, что они делают её старше. Очки же делали её ещё забавней. Но Анастасия Евгеньевна не унывала. Возможно, такая почти патологическая Настенькина привязанность к Интернету объяснялась тем, что дома, для мамы и папы, с которыми Настенька Разова и жила, она всё ещё была маленькой девочкой, папиной плюшевой мишечкой, маминым пупсиком; её холили, лелеяли, голоса на неё ни разу в жизни не повысили, Настеньку всегда ждали вкусный, сытный обед и перестеленная мамой постелька. Настя Разова очень любила своих родителей, но именно из-за этого она так и не выросла. Настеньку дома всегда ждали душевные уютные беседы и всецелое понимание и приятие. У Насти в доме была настолько нежная и ласковая атмосфера, что даже в подростковом возрасте, когда гормоны бушуют, нейротрансмиттеры бесятся, а душу выворачивает так, что малейшее замечание, не говоря уже о грубом окрике, способно вызвать к жизни совершенно несимметричный экзистенциальный бунт – нимфеточно-трогатель-

ный аппетитно-пухлый мамин-папин «teddy bear Настёныш» просто ел конфеты, запивая их сладким чаем. Не было диктаторов – были старшие друзья, всегда готовые прийти на помощь. Плюс мягкий Настин характер, плюс бесконечная благодарность родителям, плюс... Много плюсов в таком родительском доме, как у Насти. Казалось бы – счастье, но... Но Настя Разова в её двадцать семь лет так и не выросла. И продолжала играть в куклы. Что на самом деле все эти социальные сети, как не игры в куклы с поправкой на возраст игроков?

Мальцева вошла в кабинет, в котором вела приём Светлана Борисовна Маковенко. За ней бочком втиснулась и сама Серая Мышь, нервно закладывая за уши липкие пряди волос, не то снова не помытые, не то с гелем перебравшие. У окна стояла девица – в порванных чулках, короткой юбочке, разодранном пуховичке и с начинающей расцветать параорбитальной гематомой – проще говоря, с фонарём под глазом. На кушетке сидела дородная полицейская в серо-голубой мышинной форме и, по-бабьи вздыхая, мяла форменную ушанку в руках. Но стояла девица, слава богу, на своих двоих и, судя по её презрительному выражению лица, только-только перестала собачиться с полицейской. Отсюда и усталый взгляд, и бабьи вздохи последней.

– Вот, доктор! – обратилась к Мальцевой полицейская. – У меня такая же шалава. Всё шляется по морозу в коротких юбках, всё ей мальчики да компании. Вот так же дошляется!

В голосе представительницы закона и порядка не было злобы, а лишь какая-то неизбывная обречённость и покорное сожаление, которые появляются у иных соотечественниц к определённому возрасту. Будь они полицейские, будь – кассиры супермаркетов, будь хоть звёзды балета.

– Я не шалава! – огрызнулась девица.

– Вот и у моей отца нет. А как с ними справиться, с безотцовщиной этой?!

– Есть у меня отец! Только уж лучше бы его не было!

– Это вас что... Это... вас... – Вдруг отмерла Светлана Борисовна, у которой внезапно руки буквально заходили ходуном, потому что слово «затряслись» – не отразит. – Вас отец... изна... – Маковенко аж слово это из себя выдавить не могла, – изна...силовал?

– Ты что, с шестнадцатого этажа упала?! – с искренним возмущением ахнула девица. – Больная на голову извращенка?! Это что, твоя сексуальная фантазия, что тебя отец насилует? Вот! – она повернулась к полицейской. – Потому я и хотела другого доктора, потому что эта какая-то гадкая!

– Что случилось? – Мальцева взяла бразды правления в свои руки.

Если сейчас Светлана Борисовна в характерной для неё манере начнёт читать морали женщинам – добром это не кончится. Кстати, нужно будет выяснить, что у неё с головой. Нет, с головой у неё на сексуальной почве давно не всё в порядке. Но похоже, у Светланы Борисовны далеко не всё в порядке и с телом. И, возможно, уже давно. Может, человек в помощи нуждается? Можно сто раз быть недовольной работой Светланы Борисовны. Можно брезговать её неряшливостью и даже ставить ей на вид, поскольку она всё-таки, на минуточку, врач. Но как только в сознании Мальцевой Светлана Борисовна превратилась в гипотетическую пациентку, в женщину с проблемами – всё лично-неприятное и врачебно-административное моментально ушло. Включился профессиональный рефлекс – любопытство к задачке. Но это позже. Сейчас есть пациентка.

– Так изнасиловали её, – ответила за девицу полицейская. – На улице её подобрала. Брела, как дурная. По морозу в тонких разорванных колготках. И с синяком под глазом. И куда мне её? Спрашиваю, где живёт? Не отвечает. Домой не хочет.

– Я айфон потеряла. Они меня убьют!

– И правильно сделают! – ответила девице поли-

цейская. – Чтобы не шлялась!

– Всё, стоп! – властно оборвала Мальцева диалог девицы и полицейской. – Как вас зовут? – обратилась она к девице.

– Алёна.

– Сколько вам лет?

– Шестнадцать.

– Заводите карту, Светлана Борисовна! Где ваша акушерка? – она оглядела кабинет.

– Она опаздывает... Сына в садик отводит.

– Понятно... Что с вами произошло? – этот вопрос адресовался уже Алёне.

– Я гуляла в компании. Ну и меня изнасиловали, – хмуро ответила та. – Я потом от них убежала. Вырвалась... Айфон в той квартире остался. А домой я без айфона не пойду. Ну и шла по городу, чтобы проветриться. А эта меня схватила, в машину запихнула и к вам привезла. Прямо как преступницу.

– Вот дура-то! – не зло прикрикнула на Алёну полицейская. – Не как преступницу, а на освидетельствование. Чтобы ты на тех отморожков в суд подать могла!

– Ни на кого я в суд подавать не буду, – буркнула Алёна.

– Телефоны родителей не даёт, – сказала Мальцевой полицейская.

– Я их не помню. Они у меня в айфоне записаны. Чего мне кучу цифр запоминать.

– Ага! И домашний не помнишь? И фамилию свою не помнишь?

– Домашнего нет. Иванова моя фамилия, – всё в той же манере продолжила хмуро отвечать Алёна. – Вы мне таблетки дайте, какие там положено. Ну, Постинор... И там... Профилактику всяких ваших этих сифилисов и гонорей проведите – и отпустите.

– Грамотная! – проворчала полицейская. – Постинор ей дайте и профилактику сифилисов проведите! Ну не дуры ли девки, а?!

– Алёна, вы несовершеннолетняя. Я не могу вас осматривать без присутствия родителей или опекуна.

– Так считайте, что я сейчас её опекунша! – не менее властно, чем минутой прежде Мальцева, сказала полицейская. – И да, я знаю, что вы не судмедэксперт. Но надо же помочь этой дурище!

Татьяна Георгиевна лишь на несколько секунд задумалась, но затем решительно кивнула.

– Давай, умойся – и на кресло, за занавеску.

– Ну чего с ней там? – обеспокоено уточнила полицейская, встревоженная тишиной, в которой Мальцева осматривала охающую девчонку. Именно что девчонку, в которую расхлябанная девица превратилась, как только умыла лицо с мылом. Испуганную малень-

кую девчонку, которой не просто страшно, а очень страшно. И вовсе не из-за того, что произошло с её телом, а из-за того, что родители «заругают» за айфон.

– Ничего страшного, слава богу. Небольшие ссадины наружных половых органов и характерные для изнасилования гематомы на внутренней поверхности бедра.

– И что мне с ней теперь делать? – скорее риторически, чем ожидая от Мальцевой предметного ответа, произнесла полицейская.

– Оставьте её здесь, у меня.

Какого чёрта это вырвалось у Мальцевой? Зачем ей эта девчонка, которая наверняка гуляла в разудалой компании наверняка знакомых молодых людей. Выпили, может, травку покурили. И... Сценарий подобных травмирующих и физиологию, и психику событий – всегда один. Тебе-то это зачем, Мальцева?! У тебя-то и дочери, в отличие от этой полицейской, нет! Сделай всё, что тебе профессиональным медицинским протоколом положено – и привет!

– Правда? – обрадовалась полицейская. – Ой, спасибо! Меня же напарник ждёт в машине. Спасибо вам огромное! Вы разыщите её родителей и заставьте их заявление по месту жительства написать! За такое надо наказывать! Это же понятно, что дурищу эту её же знакомые и изнасиловали! Собрались, выпили, по-

курили... У них это всегда одинаково. А девки потом стесняются. И на всю жизнь – поломанные... – Она вздохнула. – А я, если понадоблюсь, то вот! – Полицейская подошла к столу, за которым сидела застывшая Маковенко, и, по-хозяйски, без спросу взяв ручку из стаканчика и пододвинув к себе блок бумаги для записок, размашисто написала свои имя-фамилию-звание и координаты. После чего, ещё раз поблагодарив Мальцеву, нахлобучила ушанку и выскочила за дверь.

Вот же блинский блин! Не знала баба хлопот – так купила баба поросё! И что теперь Мальцевой с этой несчастной девочкой-дурочкой делать? А та уже подрастеряла свою мрачную подростковую удаль и смотрела на Татьяну Георгиевну большими, красивыми, несчастными, голубыми глазищами, как потерявшийся щенок.

– Одевайся, идём!

Алёна кое-как натянула на себя порванные колготы. Девчонку стало колотить крупной дрожью, на неё напала отчаянная зевота.

– Потерпи ещё немного. Возьми себя в руки!

Да, именно так бывает с маленькими детьми и потерявшимися собаками, когда их внезапно находит взрослый или хозяин. Две минуты назад ты был ощерен в мир всеми рецепторами, всеми органами и системами, ответственными за выработку внутренней

«химии борьбы», но вот тебя нашли, пожалели, и не надо бояться, не надо ничего решать, не надо бороться – и тебя настигает не менее жестокий вал «химии расслабления». Хотя бы временного. Вся наша жизнь – не более чем химия борьбы и химия расслабления. Химия бунта и химия страха. «Запомни, деточка. Будет бардак в голове – всё это только химия!» – несколько неуместно вспомнила Мальцева цитату из какой-то беллетристики, пока буквально на себе тащила по подвалу внезапно обмякшую девчонку, которая была близка к истерике. К бессмысленной экзистенциальной истерике, которая помогает «химическому заводу», коим и является по сути наш организм, сбросить токсические отходы и избавиться от очередного кризиса гормонального перепроизводства.

Мальцева заставила девчонку принять душ, перед которым ту обильно рвало в унитаз служебного туалета. Переодела её в одну из своих хирургических пижам. Вызвала Святогорского, который вколол ей в вену «химию блаженства», позволяющую на время слегка пригасить интенсивность работы «химического завода».

– Нервные клетки, Татьяна Георгиевна, – начал Святогорский, когда девчонка отрубилась «на игле», – взаимодействуют друг с другом, как ты, разумеется, помнишь, путём выделения химических посредников,

которые называются нейротрансмиттерами. И лекарственные средства и наркотики оказывают эффект, изменяя воздействие этих молекул-«посредников». – Аркадий Петрович погладил Алёну по голове. – Бодягу ей к фингалу прилепи. Кстати, сделай мне кофе. Услуга, так сказать, за услугу.

Мальцева наладила свою новую бесшумную кофеварку, установленную Маргошей после ремонта.

– Прямо космический корабль, а не чайник электрический. Как только не изгаляется современная инженерия, как только не пытаются впихнуть маркетологи товар в доверчивого потребителя в условиях перепроизводства! Как щекочит всяческие дорогостоящие финтифлюшки рецепторы молекул допамина, позволяя ему действовать более продолжительное время! Всё это нынешнее барахло – и кофеварка, и твои бесконечные меховые курточки, и все эти айфоны-айпады – по механизму своего воздействия сродни кокаину! Рюмочку-то нальёшь старому другу? Что ж вот так вот кофею всухомятку давиться?

Татьяна Георгиевна, улыбнувшись, молча подошла к холодильнику, достала бутылку водки, налила Аркадию Петровичу рюмку.

– А сама?

– Нет.

– Чего так?

– Плановая на пятом через час.

– Ясно! Выпил – за скальпель не берись! Ну, здоровье этой девочки! За психическое, в основном, здоровье, потому как с телом, как я понимаю, ничего особенно страшного не произошло. Так что за то самое психическое здоровье, которое ещё принято именовать «душевным»! – Святогорский одним махом опорожнил рюмку и стукнул ею по столу. – Помнишь ли ты, Татьяна Георгиевна, что нервные импульсы неизменны по мощности, и что информация в огромной фабрике-кухне под условным рабочим названием «человек» кодируется с частотой этих самых неизменно-мощных нервных импульсов? А что такое нервный импульс? Это число потенциалов действия, генерируемых нейроном в секунду. И как это всё работает? Если совсем тупо – то сродни азбуке Морзе. А если по-умному, то... Налей-ка мне ещё. На сухую не идёт по-умному.

Мальцева, снова молча, налила Святогорскому вторую рюмку. Он сел с этой рюмкой в кресло и, любовно оглаживая хрустальные грани, продолжил говорить. Потому как поговорить любил куда больше, чем выпить, если разобраться.

– Одна из самых серьёзных проблем нейробиологии, дорогая моя подруга, это именно что понимание, каким образом работает всё то, чему давным-давно

даны названия, всё то, что давным-давно в упор рассмотрено под электронным микроскопом. Мы все как клинические кретины, которым дали элементарный, казалось бы, наборчик конструктора «Лего». Мы и название даже деталькам знаем – вот такие мы умные клинические кретины! И цвет деталек знаем. И форму. И даже знаем, что картинку на коробочке зовут «домик». И что? Как работает эта очевидно простая система кодирования?!

– Конструктора «Лего»? – хмуро бросила Татьяна Георгиевна, слегка погрузившаяся в свои мысли.

– Система кодирования нервных импульсов! Вот возьми, например, – он кивнул на глубоко и тихо спящую девчонку, – эмоциональные ощущения, которые мы испытываем при изнасиловании. Или при потере айфона. Или же при утрате, да простят меня боги Олимпа и ты, близкого человека. А откуда в нас способность пустить в цель стрелу, находясь от означенной цели на значительном расстоянии? А сколько нейронов задействовано сейчас, чтобы я мог закинуть ногу на ногу, оглаживать грани рюмки и непринуждённо пиздеть с тобой о микро и макрокосмах? Нет, всем уже давно ясно, что информация не передаётся от нейрона к нейрону в линейной последовательности! Что имеется система кодирования самой системы кодирования, и система кодирования той системы, ко-

торая отвечает за кодирование. Но каков он?! Он! Основопологающий механизм? Основопологающий механизм должен быть прост и элементарен, как яйцо! Но яйцо отнюдь не так элементарно, каковым оно может показаться клиническому кретину. Оно безупречно просто по архитектурному решению, оно не малиновое и не в рюшах, а просто белое или бежевое – но оно отнюдь не элементарно! Потому в саркастическом ab ovo зарыта большая ехидная жопа.

– Кем зарыта? – Татьяна Георгиевна поставила большую чашку кофе на журнальный столик. – Пей, пока не остыл.

– Да-да! Выпью!

Аркадий Петрович махнул и вторую рюмку до дна.

– Ну вот, остыть не успела. Так вот... Вероятно – ну так сперва предположили, потом решили, что то, что они увидели в электронном микроскопе – с охуенной точностью подтверждает предположение, – ты же знаешь, мы, большей частью, видим только то, что хотим видеть... Вероятно, что каждый отдельно взятый нейрон – хотя где и кто видел отдельно взятый нейрон, кроме как под электронным микроскопом? – каждый отдельно взятый нейрон получает синаптические входы от многих отдельно взятых других нейронов. Такая вот конвергенция. И каждый же отдельно взятый нейрон одновременно взаимодействует с как

минимум сотней тысяч других отдельно взятых нейронов. Такая вот дивергенция. Каждый нейрон как влияет, так и подвергается влиянию каждого нейрона. А сколько тех нейронов? А я ебу? А кто ебёт? Нейробиологи? И они не ебут! А теперь попытайся представить, как неограниченное количество чего-то взаимодействует с неограниченным количеством чего-то! И хотя бы прикидочно задумайся, каким это, простите, образом происходит? – Аркадий Петрович отхлебнул кофе. – Представила?

Татьяна Георгиевна не очень желала представлять, как бесконечное множество невидимого глазом чего-то взаимодействует с таким же бесчисленным множеством чего-то, невидимого глазом. И вообще, она сама себе создала проблему в виде этой девчонки, а Святогорский решил ей нормальную физиологию нервной системы в занимательной форме преподнести. Понятно же, что мы знаем о себе крайне мало. И все мы – и практики, и теоретики – не более чем те самые клинические кретины с элементарным набором конструктора «Лего».

Не дождавшись ответа от своей подруги – впрочем, он ему и не был нужен, Святогорский был известным ритором, – Аркадий Петрович продолжил:

– Количество возможных маршрутов нервных импульсов в человеческой нервной сети больше, чем

число элементарных частиц во Вселенной! А мы все, с нашими учёными степенями и с ихними Нобелевскими премиями – не более чем даунёнок-трёхлетка, выловивший головастика из мутной лужи и обосравшийся от радости по этому поводу. Вот что такое все наши и их так называемые открытия! – триумфально завершил свою тираду доктор медицинских наук, человек, свободно владеющий несколькими европейскими языками, автор нескольких анестезиологических методик и бесчисленного количества статей, патентов и рационализаторских предложений, врач высшей квалификационной категории Аркадий Петрович Святогорский.

– И что мне со всем этим делать? – несколько рассеянно произнесла Татьяна Георгиевна.

– С количеством элементарных частиц во Вселенной или с радостным недержанием? – с таким выражением лица, что его ни на секунду нельзя было заподозрить в ёрничании, уточнил глава анестезиологии и реанимации родильного дома.

– С девчонкой этой, Аркаша. С девчонкой! Фамилию она свою не говорит. Домашний номер не сдаёт. Что мне делать? Нахер он мне нужен был, этот припадок вселенской, блин, жалости, а?!

– Он тебе не был нужен. Но ты добрый человек. Так уж закодирована кодировка кодировки твоих нейро-

нов. И с тем, что ты добрый человек, я не знаю, что делать, увы. Хотя с радостью бы тебя перекодировал, знай я тот механизм. А девчонку можно сдать в органы опеки как несовершеннолетнюю. А можно... Где её вещи?

Татьяна Георгиевна кивнула на бесформенную кучку несвежих тряпок, скинутую девчонкой на один из псевдогамбсовских стульев.

– Сумки у неё не было!

– Плохо гоняют твои нейроны, Татьяна Георгиевна. Ну, или кодировка кодировки, кодирующая кодировку кодировки...

– Аркаша, я тебя убью! – перебила его Мальцева.

– Ну или, проще сказать, «порядочность», хотя ты и не дала мне закончить полное и правильное название этого электрохимического явления, – не позволяет тебе пошарить по карманам девчонки. Потому что ты...

– Дура! – охнула Татьяна Георгиевна, как будто упустила возможность самостоятельно сделать открытие, очевидность которого бросалась в глаза.

– Ага! – радостно подтвердил Святогорский, уже обшаривая карманы Алёны. – Вот, кошелёчек. Трогательный девический кошелёчек-животное. Это худой мишка или собака, страдающая ожирением?.. Ладно, ладно! – Он поймал взгляд Татьяны Георгиевны и просто расстегнул змейку. – А в кошелёчке у нас что? Сто

рублей. Парочка в труху истёртых десяток, мелочь, ключи и... маленький розовенький блокнотичек-мими-мишечка! Открываем, и... «мама моб», «мама раб», «папа моб», «папа раб». Которому из рабов позво- ним?

Татьяна Георгиевна пожала плечами. Меньше все- го она, честно говоря, хотела связываться с родителя- ми этой девочки Алёны. Хоть с одним из них. В голове Мальцевой не уместался тот ужас от потери айфона, от того, что девчонку заругают, что сама в ту компанию попёрлась, что куртку порвала, вырываясь – она же хотела убежать, когда поняла, что... Но парни, они же сильнее. А пьяные – совсем дурные... Татьяна Геор- гиевна не могла говорить с людьми, которых *настоль- ко* боится их собственная дочь. Святогорский внима- тельно посмотрел на свою подругу.

– Понятно. Ладно. – И, напевая себе под нос «друг в беде не бросит...», подошёл к городскому телефону и набрал номер.

– Здравствуйте. Вы Алёнина мама?.. – Святогор- ский отодвинул разразившуюся скорострельными пи- щащими звуками трубку и дождался, когда на том кон- це коннекта опомнятся и пожелают послушать о том, о чём, собственно, судя по судорожному истерично- му визгу, так беспокоятся. – Да-да, я здесь. Просто я слушаю ваши переживания. Хотя я не психолог, а

анестезиолог-реаниматолог. – Снова пасс трубки от уха. Визги значительно повысили децибельность. Аркадий Петрович терпеливо ждал. – Всё? Я могу говорить?.. Спасибо. С вашей дочерью всё в порядке, она в родильном доме... – Святогорский продиктовал координаты. – Все подробности вам сообщит Аркадий Петрович Святогорский. Это я. Подъедете и вызовете меня в приём... При личной встрече. Я сказал вам главное: «Всё в порядке».

Из трубки продолжали литься истеричные всхлипы, но Святогорский, заговорщически подмигнув Татьяне Георгиевне, аккуратненько так нажал отбой.

– Не женщина, а просто террорист какой-то! Фу-у-ф!

– Аркаша, ну ты тоже... «Анестезиолог-реаниматолог», «в роддоме». Я представляю себе состояние той мамы. Шестнадцать лет, дома не ночевала. А тут звонит анестезиолог, блин, реаниматолог. И сообщает, что дочь в роддоме!

– Тань! – Святогорский стал серьёзен, что бывало редко и говорило лишь о том, что тщательно маскируемая им под маской балагура мизантропия сейчас со страшной силой полезла наружу. – Эта баба стала орать, захлёбываться и завывать, как только я спросил: «Вы Алёнина мама?» Эта кошёлка не переживает за дочь. Эта перепончатокрылая тварь упивается

своим страданием. Я отлично знаю такую породу. Моя жёнушка из этих же, из таких же, ты в курсе. Хотел бы я знать механизм кодирования нейронов этих гадин. Перекодировал бы нах. Потому что убивать заповеди не велят, и кишка у меня тонка – убивать. Когда нормальную женщину спрашивают: «Вы Алёнина мама?» – нормальная женщина молча слушает. Она замирает в ужасе и отчаянии – но она молча слушает. Потому что её, нормальной женщины, задача – не длить собственные мерзкие сладострастно-мазохистические страдания, доводя себя до разлития гадкого гнилостного некрофилического оргазма, как у этих насекомообразных, – нормальная женщина молча слушает, чтобы ужас и отчаяние как можно быстрее прервать. И начать действовать. Вот так то! – на последней фразе Святогорский снова стал обыкновенным, привычным Святогорским и даже усмехнулся. – Приедут – не вздумай выходить в приём без меня!

Татьяна Георгиевна подошла к своему старому другу и нежно поцеловала его в щёку.

– За то, что бросаюсь на амбразуру в схватке с гидрой?

– За то, что ты добрый человек, Аркаша.

– Ой, ну всё... Понеслось говно по трубам! Так, я пошёл. Девчонка минимум часа два будет спать как, простите, убитая. Хоть джигу тут пляши. Так что спо-

койно иди в операционную, просто кабинет на ключ закрой. Мерси за водку, кофе и беседу.

Через два часа – ровно когда шестнадцатилетняя девочка Алёна проснулась в кабинете у заведующей (у Аркадия Петровича Святогорского с дозировками всё чётко, куда там аптеке!) и даже сперва улыбнулась... С чего бы ей улыбаться? Девочки (да и мальчики тоже) иногда улыбаются самым обыкновенным и простым предметам, состояниям и понятиям: свежее бельё на чистом теле, ощущение уюта и покоя, чувство безопасности, восстановивший силы организм, красивый (на вкус и цвет девочка вполне себе подерживала представления неведомой ей Марго) интерьер, и... И улыбка быстро сошла с её лица, и загоревшиеся было глаза потухли. Потому что она вспомнила, по какой причине она здесь. И что это место – не её место. Это чужое место. Место чужого покоя. И место чужой силы. И скоро...

И через два же часа в приёмном покое разразился страшный скандал. Акушерка куда-то отошла, и за столом сидела Зинаида Тимофеевна, почитывая жёлтую газетёнку. И тут внеслись двое практически обезумевших взрослых людей. Мужчина и женщина. Вернее так будет сказать: бабофигура и мужичок с ноготок. Бабофигура была яростная, потная, багровая – и сразу начала орать. Мужичок с ноготок просто хму-

ро молчал и делал такое выражение лица... Всем известное такое выражение лица мужичков с ноготок. Но бабофигуре не стоило орать на Зинаиду Тимофеевну. Потому что санитарка Зинаида Тимофеевна сама – то ещё бабофигурище!

– Где эта блядь?! – заорала бабофигура.

– Какая именно? Блядей у нас много, – спокойно резюмировала Зинаида Тимофеевна, даже не слышав-то и отрываясь от своего желтушного чтива.

– Где эта малолетняя блядь, и почему она в роддоме? Я всю ночь не сплю, с ума схожу...

– Женщина! – Зинаида Тимофеевна таки отложила потрясающе интересную статью про отдых на Мальдивах пляшущей блондинки с блондином завывающим. И ещё раз именно так и отчеканила: – Женщина! У нас в роддоме много малолетних блядей! У вашей фамилия имеется? А будете орать и скернословить, вызову охрану – пойдёте нахуй!

Не то в Зинаиде Тимофеевне ощущалась воистину библейская мощь, не то никто доселе не оказывал бабофигуре сопротивления, не то, всё-таки, она, как умела, любила свою дочь, но она, бабофигура, как-то внезапно сникла, осунулась, заплакала и осела. В буквальном смысле – осела на пол.

– Е... Е... Елена Каростышко. Дочь моя. Ночевать не пришла, а потом мне какой-то мужчина позвонил...

Я не за... не за... – Бабофигура страшно всхлипывала. – Я не за...

Зинаида Тимофеевна обратилась к мужичку с ноготок и сделала это, в оправдание Тимофеевны будь сказано, очень тёплым и нежным, ласковым тоном:

– Слышь ты, мудачок! Ты пизду-то свою хоть бы по голове погладил! Вишь, баба совсем из сил выбилась!

Мужичок с ноготок только злобно фыркнул – и ни Тимофеевне не ответил, ни к своей... бабофигуре близко не подошёл. Так и стоял в дверях злобным гоблином.

– Да ладно ты, ну чего! Давай вставай! Ну, принесла девка в подоле. С кем не бывает. Не важно, какой бычок поимел, телёночек-то всё одно ваш!

– Да что ты, дура! – поднимаясь с полу, уже почти даже вежливо ответила бабофигура санитарке Зинаиде Тимофеевне. – Она не беременная была. Точно знаю! Я её два месяца назад к гинекологу водила, девственность проверять! Так что она у меня девственница ещё!

– Ты собственную дочь водила ко врачу девственность проверять? Зачем?! – ахнула от неожиданности повидавшая на своём веку всякое Тимофеевна. – Ей сколько годов-то?

– Шестнадцать! А водила проверить, потому что она – проститутка!

– Шестнадцать? Да я бы тебя нахер на её месте послала! И ты совсем, мать, больная. Если она оказалась девственница, то какая же она проститутка? Она у тебя чего, не его дочка? – мотнула Тимофеевна головой в мужичка с ноготок.

– Его. А чего?

– Ничего!

Тут, на счастье, вернулась акушерка приёмного отделения. И сообщила чете Каростышко, что шестнадцатилетняя девочка по фамилии Каростышко в родильный дом в течение суток не поступала. В соответствии с журналом приёмного покоя. А он ведётся чётко.

– Ну, какой?! Какой вам анестезиолог-реаниматолог звонил? Их у нас много! И как же вы могли не записать его фамилию, если он вам звонил по поводу вашей дочери, которая не ночевала дома?!

– Я так переживала, что мне не до этого было!

– Он вам два часа назад звонил? Где же вы шлялись все эти два часа? Может, вы роддом перепутали? Раз уж вы так... переживали!

– Пробки, – сказал первое слово мужичок с ноготок.

– В метре пробок не бывает, – утробно провещала из угла Зинаида Тимофеевна, стоявшая там каменным изваянием, скрестившим руки на груди. – За дочь и на метре можно поехать.

– Ладно. Сейчас!

Акушерка приёмного покоя подняла трубку внутреннего телефона и набрала короткий номер. И немного подождала. Затем нажала отбой и перенабрала.

– Девочки, Святогорский не у вас? В кабинете нет... Да знаю я, что его никогда в кабинете нет! Из операционной уже вышел?.. В наблюдационном родзале? Ага, спасибо.

Акушерка принялась за дозвон номер три. Во время всех этих манипуляций бабофигура проливала обильные слёзы и что-то бормотала. А мужичок с ноготок оставался неподвижным и молчаливым, со своим фиксированным выражением на печёной мордочке.

– Аркадий Петрович? Кто-то из ваших анестезиологов сегодня звонил кому-то из-за какой-то девочки?.. – Акушерка приёмного, выслушав ответ, хихикнула. – Нет, я имею в виду из-за пациентки. Потому что никакая Каростышко к нам сегодня не поступала, а тут какая-то безумная женщина утверждает, что ей кто-то звонил, что её дочь у нас. Дочь, которая дома не ночевала... Что-то прервалось! – озадаченно прокомментировала акушерка приёмного и, нажав отбой, снова стала набирать номер. – Что? Вышел? Только что был. Бросил трубку и вышел?.. Совсем все чо...

И в этот момент в приёмный покой вошёл Аркадий

Петрович собственной персоной.

– ...кнутые! – на автомате договорила акушерка приёма и от неожиданности бросила трубку. – Аркадий Петрович, эта дама утверждает, что ей звонил какой-то анестезиолог и говорил...

– Здравствуйте. Вы – родители Алёны? – Святогорский был крайне зол и посему сосредоточен, корректен и очень холоден. Просто осязаемо холоден. Акушерка даже невольно передёрнула плечами, а Тимофеевна встала во что-то похожее на стойку «Смирно!», а такой чести она даже «самого» Панина редко достаивала.

– Да... – несколько испуганно, но – главное! – тихо, коротко и без завываний со всхлипываниями выдохнула из себя мадам Каростышко. – С Алёной что-то... Что-то случилось?

– Да, идёмте. Дай им халаты.

Зинаида Тимофеевна беспрекословно подчинилась.

Но когда мама и папа Алёны зашли в кабинет, у них в кодировках нейронов снова что-то перещёлкнуло. И, увидев живую и с виду здоровую дочь, лежащую под одеялом на роскошном, по понятиям Каростышко, диване, в роскошном по понятиям Каростышко, кабинете, бабофигура принялась заполошно орать:

– Ах ты блядь такая! Ты дошлаешься! Ты, сука, дош-

ляешься! Тебя в канаве порезанную на куски найдут! Причём собаки! Найдут – и сожрут!

А папа Каростышко внезапно обрёл дар голоса и тихо, но внятно и злобно, глядя на дочь ненавидящими глазами, бубнил:

– Дрянь штопаная! Чего тебе, падле, не хватает?! Тряпку хочешь – на! Компьютер – на! Лептоп – на! Айфон – на!

На материны оскорбления Алёна вообще никак не реагировала, но услышав от отца слово «айфон» – побелела. Святогорский и сидевшая за своим столом Мальцева на какое-то время утратили дар речи.

– Что вы себе позволяете? – наконец Татьяна Георгиевна вскочила на ноги и гневно уставилась на чету Каростышко. – Вы с ума сошли? Вы в кабинете заведующей отделением. Вашу дочь изнасиловали, полицейская привела её ко мне утром на при...

Бабфигура подскочила к дочери, к этому моменту уже сидевшей на диване, и отвесила той такую звонкую оплеуху, что у Мальцевой металлическое звенящее эхо заскрежетало в ушах. Алёна не заплакала, не отвернулась, не стала защищаться. Она смотрела на мать в упор, не отводя глаз. И багровый свет пятерни лишь подчёркивал ненависть, горящую в её глазах.

– Вы рехнулись?! – ахнула Мальцева. – Аркадий Петрович... – беспомощно пролопотала она. А чтобы

Татьяна Георгиевна ощутила себя беспомощной, это постараться надо было.

– А я сейчас ювенальную юстицию задействую, – спокойно сказал Святогорский и двинулся на бабофигуру. Мужичок с ноготок заткнулся ещё после первой реплики Мальцевой. Ну, как «заткнулся». Продолжил проговаривать проклятия и угрозы в адрес дочери беззвучно.

– Чего ты задействуешь? – перешла бабофигура на «ты».

– Органы опеки.

– А, ну давай! Только для детдома эта шалава уже сильно выросла! Собирайся, дрянь! Кто тебя там изнасиловал? Пашкина компания? Дошлялась! Ну, ничего! В суд подадим. Там родители богатые, не захотят деткам-мажорам биографию портить!

– Не надо! – Алёна обращалась к врачам. Ненависть в её глазах внезапно потухла. Она встала с дивана, чуть покачнувшись. – Не надо. Спасибо вам, Аркадий Петрович и вам, Татьяна Георгиевна. Не надо, они хорошие. Просто разнервничались.

– Вот спасибо! Защитница нашлась! – зло прошипела мадам Каростышко. – Переживает, вишь, что мы разнервничались! – И она двинула мужа локтём в бок. Удержаться на ногах ему стоило видимых усилий. – Шалава подзаборная! – это снова адресовалось до-

чери.

– Они и правда хорошие, – продолжала каким-то монотонным голосом говорить Мальцевой Алёна. – Просто немного... – Она так и не закончила. – Я поеду домой. Не бойтесь, они только кричат всё время, но никогда меня не били.

– Зррря... – прошипел мужичок с ноготок.

– Били бы – не шлялась бы по ночам! – поддержала его супруга.

– Мама! Пожалуйста...

– Шевелись, дома разберёмся! Одевайся!

– Я...

– Давайте выйдем в коридор, – сказал еле сдерживающий ярость, явно чешущую ему кулаки, Святогорский. И вытолкнул чету Каростышко за дверь.

– Я не могу это надеть, – девочка посмотрела на аккуратно сложенную Мальцевой кучку своей одежды. – Не могу, как вспомню, что... – По хорошеньким юным щекам потекли слёзы.

– Алёна! Всё будет хорошо! – внезапно засуетилась Мальцева, открывая свой шкаф, где всегда в достатке было резервных «гражданских» тряпок. Жила она фактически «на два дома». – Ты очень скоро даже и не вспомнишь... На, бери. Тебе должно подойти. Ну, может, совсем чуть-чуть великовато! – Татьяна Георгиевна в каком-то странном, чуть ли не лихорадочном

состоянии бросала Алёне на диван джинсы, водолазки, куртки. – Выбирай, что хочешь! Только размер ноги у меня меньше. Так что с обувью, к сожалению...

– Спасибо! – Алёна подошла к Мальцевой и обняла её, захлупав в плечо.

Татьяна Георгиевна совсем опешила. И понятия не имела, как себя вести. В голову пришёл совсем неуместный в данном случае Шелдон Купер из развешёлого ситкома «The Bing Bang Theory». Который тоже понятия не имел, как обниматься, как успокаивать и с какой интонацией говорить: «Ну-ну!» Бугогашечка, блин!

– Алёна, одевайся, – Мальцева отняла от себя девочку и отвернулась. Глядя в окно, она думала только о том, как бы не расплакаться и как бы не убить тут бабофигуру Каростышко. Если люди так ненавидят своих детей, то зачем они их рожали? А если они их таким вот образом любят, то ненависть, пожалуй, куда лучше. Приятней. Нежнее...

– Татьяна Георгиевна, и ничего мне не велико. Спасибо!

Девчонки есть девчонки. Алёна смотрела на себя в зеркало и явно была довольна своим отражением. Какие у вас вещи хорошие... Я вам обязательно верну!

– Оставь себе. Это подарок.

– Правда?! – благодарно охнула та и снова пода-

лась к Мальцевой. Но Татьяна Георгиевна рванула к столу, достала из ящика две визитки и протянула их Алёне.

– Это мои координаты. Если что – немедленно связывайся. А это – очень хороший психиатр, мой добрый приятель. Он тебе поможет.

– Зачем мне психиатр? Я что, теперь псих?

– Нет. Хотя удивительно, что ты не псих. С таки-ми-то...

– Ну, я тоже хороша. Они, и правда, совсем уж не такие и плохие.

– Жертва всегда попадает в зависимость. Особенно когда жертве твердят, что её любят, жертву не бьют и покупают жертве айфоны. И ты, конечно же, не псих, но психологическая помощь тебе будет нужна.

– Так это мне к психологу нужно, а не к психиатру!

– Психолог не может быть психиатром, но психиатр – он всегда психолог. Конкретно этот – классный дядька, поверь. Пару разговоров с ним – и ты всё забудешь. Наверное... – Татьяна Георгиевна с сомнением посмотрела на дверь.

– Я окончу школу и пойду работать. И уйду от них!.. – Алёна немного помолчала. – Зря вы им сказали про изнасилование. Теперь они родителей всех пацанов из Пашкиной компании на бабки будут трусить.

– Ты всегда можешь... – Мальцева не закончила.

Она не могла предположить, что эта шестнадцатилетняя девчонка «всегда может». Ничего она не может. Ни-че-го!

– Из дому только больше не убегай без шапки в ночь холодную. Как бы вы там друг с другом ни собачились.

– Не волнуйтесь. Татьяна Георгиевна, а знаете что?.. – У Алёны снова по щекам покатались слёзы.

Мальцева вопросительно кивнула.

– Я... Я вчера ещё девственницей была. Не о таком первом разе я мечтала... Теперь уже ничего не исправишь.

– Дура! – хлётко кинула Татьяна Георгиевна. – Ты жива, здорова и отделалась лёгким испугом! Всё можно исправить. Всё! Всё, кроме смерти! Пока ты жив – ты всё можешь! В том числе – исправить!

Мальцевой самой к горлу подступала истерика. Слава богу, в кабинет вернулся Святогорский.

– Ты ещё чего орёшь? Мало этой жирной мрази? Прости, Алёна... Но матушка твоя – не сахар. Я там с ними поговорил... Надеюсь, серьёзно тебя доставать не будут, а к крикам ты, как я понял, привычная. И – да, – я им про твой айфон сказал. Так что первая волна ярости на меня излилась.

– А ты откуда знаешь? Про айфон? – спросила Святогорского Татьяна Георгиевна.

– От верблюда. Тыдыбыр в отделение прибежал. А той – Маковенко сказала.

Татьяна Георгиевна подошла к двери и сделала приглашающий «на выход» жест.

– Всё, Алёна, давай. Не забудь свои вещи. Я в пакет сложила. И бумага там же... Освидетельствование.

– И с головой всё-таки дружи! – крикнул ей вдогонку Аркадий Петрович.

Когда дверь за девчонкой закрылась, старые друзья несколько минут молча смотрели друг на друга. Затем Святогорский молча же подошёл к холодильнику, достал бутылку и налил в две рюмки.

– В ближайшее время никаких плановых?

Мальцева отрицательно покачала головой.

– Ну а ургентной, тьфу-тьфу-тьфу, пятьдесят граммов не помеха! Давай, вздрогнули!.. Вот оно мне надо, эти внештатные стрессы на старости лет? Ты котят бездомных подбираешь, а я возись!

Татьяна Георгиевна улыбнулась, подошла к Аркадию Петровичу и снова тихо и нежно поцеловала его в щёку.

– Спасибо, Танюша... А знаешь, что это самая обыкновенная форма, блин, жизни в нашей стране? – он покивал в сторону двери. – Самая распространённая кодировка нейронов у милых, мать их за ногу, добропорядочных обывателей! У них или любовь-диктат,

или любовь-забота, причём забота навязчивая. Бедные дети... И чтобы больше мне никаких котят! И щечечков, на всякий случай, тоже! – строго посмотрел он на Мальцеву и шутливо погрозил ей пальцем. – Ладно, пойду в свой кабинет. Тань, а что такое у твоей Маковенко в анамнезе?

– Во-первых, она уже не моя, слава богу. А во-вторых – в смысле? В каком анамнезе? – удивилась Татьяна Георгиевна.

– В половом. Она, как доложил Тыдыбыр – тоже вот ещё изнасилованная родителями мармеладка! – весь день сегодня дрожит, сознание разок потеряла. Хреново ей, но у тебя отпрашиваться ссыт. Ты же теперь заведующая вся ЖК в придачу. Светлана наша Мышиндровна белая как мел, слово «изнасилование» не может из себя выдавить. Это уже не малолетней Настёны наблюдение, а моё. Дьявол – он, знаешь ли, в деталях, кои по неопытности ещё не считываемы из пространства.

– Чего вдруг Разова изнасилованная родителями мармеладка? У них всё славно, там в семье все души друг в друге не чают.

– Ага. Это в семь лет для ребёнка хорошо. Но не в двадцать семь. Ладно. Тыдыбыр, в любом случае, жизнерадостен, здоров, безответно влюблён в Ельского, уже всю себя общёлкал этим блядским айфо-

ном в кабинете заведующей ЖК и при слове «исна-силование» в обморок не падает и пополам себя не сгибается. А вот у Маковенко с этим делом что-то не так... Как бы ты или я, или чёрт лысый к ней ни от-носились, но мы с тобой, в отличие от чёрта лысого, врачи. Надо бы разобраться.

– Да я к ней с такой темой на километр не подойду! Хотя... Да, ты прав. Мне тоже что-то такое ещё утром показалось. Но, с другой стороны, она не шестнадцатилетняя девочка, и со своими проблемами, если они у неё есть, конечно же, давно могла бы обратиться к специалисту. К тому же одноразовая сплетня о них с Наезжиным ходила. Но тому, по отзывам нашего всезнающего среднего и младшего персонала, рука – лучшая подруга. Своя ли, чужая ли...

– Тьфу на тебя! А ещё взрослая умная женщина! Скабрзности от санитарок цитирует! Кто там разберёт, спьяну-то?! – притворно-гневно прокомментировал Святогорский. И, помолчав, добавил серьёзно: – Это не всегда просто, Тань... И хотя жизнь – это череда бесконечных актов насилия над собой, далеко не все способны через то или иное переступить. Без посторонней помощи... Спасибо за водку, подруга.

– Да пжалста! – несколько наигранно-развязно произнесла Мальцева. – В нашем баре завсегда налива...

Но она не договорила. И вовсе не потому, что Святогорский уже вышел за дверь. А потому что её внезапно со страшной силой замутило, в висках закололо, в ушах зашумело, и она еле успела добежать до умывальника, куда её обильно стошнило. Едва она умылась и привела себя в порядок, как в дверь вовсе без стука внеслась Маргарита Андреевна.

– Слушай, сейчас тебе расскажу – ржать будешь! Уже весь роддом ржёт, пока ты тут в мать Терезу играешься. Все ржут, и даже Панин, хотя он тебя на ковёр собирается вызывать и устраивать взъёб-тренаж. А чего белая такая?.. Короче, слушай! – скомандовала Марго, не дожидаясь ответа на свой вопрос.

А дело было так.

Анастасия Евгеньевна Разова исправно заполняла базу данных женской консультации, не забывая поглядывать за количеством лайков и комментариев в своём инстаграмчике. И тут в кабинет ворвалась разъярённая дама в роскошном кашемировом пальто (Настенька и сама давно такое хотела, и любящие мама и папа были готовы ей такое пальто купить, но, увы, Настюша в нём смотрелась, как миленький буфетик, накрытый пледом) и с самого порога заорала:

– Меня изнасиловали!!! Меня изнасиловали!!!

Настёна, в которой проснулся не то крепко прежде спавший диктатор, не то какой из комментариев под-

хлестнул. Или то обстоятельство, что Мальцева оперирует в физиологии, в родильном доме, и тут точно сейчас не появится... В любом случае, Анастасия Евгеньевна строгим тоном сказала даме:

– Вы что, не видите, что я занята?! И что вы себе позволяете?! Врываетесь в кабинет заведующей без стука! А если бы у меня женщина на кресле была?!

Вроде и ничего такого Настенька Разова не сказала. Впрямую себя заведующей не объявила. Но видок приняла такой, что дама немного убавила громкость.

– Садитесь! – смилостивилась Настя. И ещё с полминуты постучала по клавишам, давая даме понять, что у неё архисрочные дела. Но она – так и быть! – оторвётся от них на благо женского здоровья. – Какие у вас проблемы? – устала на даму Настя. И прищурила глаза.

– Изнасиловали меня!

– Где? Когда? Как? Кто?

– Так здесь, у вас! В пятом кабинете!

Настя достала из кармана футляр, извлекла очки, водрузила их на нос. И посмотрела на даму поверх очков. Очень нравящийся ей жест, слямзенный у Поцелуевой. (Оксана Анатольевна была немного не в ладах со зрением, но пользовалась, в основном, линзами. Лишь на ночных дежурствах рассекая по родильному дому в очках, вот так вот, слегка презритель-

но-высокомерно, но в то же время как бы и одобрительно-поощрительно взирая и на акушерок, и на беременных-рожениц-родильниц именно поверх очков. Из чего можно было сделать вывод, что Засоскина скорее дальнорюк, чем близорука.) Тыдыбыр долго отрабатывала это движение и взгляд перед зеркалом, а тут вот и повод использовать его «в полях» появился. Отлично!

– Разъясните подробнее! – строго попросила Настя, поскольку была так озабочена надеванием очков и тем, заценит ли презрительное одобрение и высокомерное поощрение эта кашемировая баба, что сам текст почти не зацепил Настенькино сознание. Пятый кабинет вроде... Что там в пятом кабинете? А откуда Насте знать, что там в пятом кабинете, или в десятом, если она тут вообще никого в консультации не знает. Ну, кроме Маковенко, которая уже дважды сегодня приходила к ней, крыса липкая, и пила горячий сладкий чай, потому что очень плохо себя чувствовала.

– Я пришла получить справку. А он мне и говорит – пожалуйста на кресло! Мне нужна справка о состоянии здоровья от гинеколога! Зачем мне кресло?

– Это женская консультация! – Настя посуровела. – Гинеколог не может вам выдать справку о состоянии вашего *женского*, – подчеркнула она особо, – здоровья, пока не осмотрит вас и не выполнит бимануаль-

ное исследование.

– Уже давно изобрели УЗИ! – взвизгнула дама. – Зачем эти варварские методы?! Это унижительно! Но он отказывался мне давать справку без обследования, и потому я – бог вам всем судья! – влезла на это ваше варварское кресло! И этот омерзительный хмырь залез мне в святая святых своей огромной ручищей и... И намял мне живот. И вообще. Я буду писать жалобу! На ваше имя!

– Пожалуйста! – любезно сказала Настя, подсунув кашемировой даме бумажку формата А4.

– Как ваши имя-отчество-фамилия?

– Анастасия Евгеньевна Разова.

– Заведующей женской консультацией, Анастасии Евгеньевне Разовой от... – диктовала сама себе женщина тем временем, пока Тыдыбыр обдумывал, как бы незаметно щёлкнуть «кашемировую» на айфон.

– Вот, возьмите!

– Довожу до вашего сведения, что врач из пятого кабинета изнасиловал меня двумя руками... – прочитала Настенька. – Как?! Прямо двумя руками?

– Одной изнутри, другой – снаружи! Весь живот намял!

– Нет, вы должны написать всё точно. И чётко. Я дам жалобе ход, я буду её разбирать. Должно быть всё совершенно ясно. Весь состав... преступления.

Дама опять заскрипела ручкой.

Тыдыбыр проделал эту манипуляцию – «перепишите, надо всё детально отразить!» – ещё пару раз. Совершенно непонятно почему, но дама покорялась. Видимо, её подкупала абсолютная Настенькина серьёзность.

Ровно через полчаса после ухода дамы фоточка пользователя Инстаграма akusher-NA собрала порядка тысячи лайков и примерно столько же комментариев. На картинке гордо реяло фото жалобы-заявления со следующим текстом:

*Исполняющей обязанности заведующей ЖК
№...*

ЖАЛОБА

Довожу до вашего сведения, что сегодня, в кабинете номер пять вверенной вам консультации, я подверглась бимануальному изнасилованию врачом... Он изнасиловал меня одной (правой) рукой – внутри. И второй (левой) рукой – снаружи. Чем причинил мне невыносимую моральную боль и унизил меня как женщину и как человека. Считайте эту жалобу досудебным извещением. Сила моральной боли, если принять невыносимую за сто процентов, равна девяносто девяти. Сила физической боли от насилия, совершённого надо мною одной (правой) рукой (внутри) врача, если принять

за невыносимую физическую боль десять баллов, была равна пяти-шести баллам. Сила физической боли от насилия, причинённого мне другой (левой) рукой (снаружи), если принять за невыносимую физическую боль десять баллов, была равно трём-четырёх баллам.

Дата

Подпись.

Разумеется, номера и фамилии были размыты. Но отчётливо был виден край синей печати, которой Настя прищёпнула бумаженцию. Следующей фотографией, вывешенной этим же пользователем Инстаграма, была фотография врача-насильника. Крохотной уютной улыбчивой дамочки предпенсионного возраста. Ростом с ведро и ладошками с дулю. Настенька зашла в пятый кабинет, представилась врачом, собственно, наблюдационного отделения и сказала, что ей поручили делать стенд о работе ЖК. «Насильница» охотно и радостно улыбнулась в Настенькин айфон.

– Представляешь? Вот, смотри! – Маргоша шустро подсунула Татьяне Георгиевне экран под самый нос. Мальцева не удержалась и расхохоталась.

– Ага. Всех в ключья уже и рвёт!

– Кто бы мог подумать, что у Тыдыбыра есть чувство юмора! Надо же, «бимануальное изнасилование»! Бумажку-то она сохранила?

– Бумажку у неё Панин отобрал. Сказал, что будет отбиваться ею от судов. Через психиатрическую экспертизу, разумеется. И, конечно же, орал на бедного Тыдыбыра так, что стеклопакеты трещали.

– Да он не орать на неё должен был, а сразу назначить заведовать этой грёбаной ЖК!

– У него настороженность. После её первой интернет-истории... Ну и срывается на всех за всё про всё. И за Варю, и за тебя. И за...

– И за то, что молодость прошла, ага.

– В общем, теперь Тыдыбыр действительно будет делать стенд о работе нашей доблестной ЖК. Панин постановил.

– Да на здоровье! Сразу после того, как базу данных заполнит... Новая специальность, Марго! Раньше были кто? Мануальщики. А теперь вот – бимануальщики!

Кадр тридцать четвёртый

Арлекины

Панин не вызвал Мальцеву на ковёр. Он вообще резко ограничил свои контакты с нею. Пятиминутки. Обходы начмеда. Административные бумажные дела. Клинические разборы. Операционная. Родзал. Вот, пожалуй, и всё. Их отношения стали рабочими безо всяких выяснений отношений. Он даже стал избегать её взгляда. Татьяна Георгиевна была очень рада такому развитию событий. Не об этом ли она мечтала все годы их какого-то страстно-обречённого рабочего и практически семейного романа?

– По родильному дому слухи не просто ползают. Они – скачут галопом! Вы что там с Сёмой...

– Марго! – резко оборвала подругу Мальцева.

Они пили кофе на ступеньках приёмного покоя. Уже чувствовалось неизбежное наступление не календарной, а настоящей, реальной, весны. Несмотря на сумрачный предрассветный морок, умирающий снег, перемешанный с вечно витальной гуттаперчевой грязью, несмотря на холод и всегдашнюю привычную безнадёгу, присущую слишком удлинившимся переходным сезонам, всеми пятью чувствами ощущалось,

что всегда рождающаяся слабенькой в наших широ-
тах весна хоть ещё и лежит в кювезе отделения ре-
анимации новорождённых, но прогноз благоприятный
– и уже не за горами тот час, когда она будет радо-
вать всех громкими воплями, беззаботным агуканьем
и всей той радостной суматохой, которая всегда со-
провождает растущее живое. Бабушка-зима умирает
слишком долго, но как бы ни был тошнотворен за-
пах старческого замурзанного постельного белья, как
бы ни печалилась родня угасанию жизни прежней –
это не заставит нас перестать быть счастливыми от
первых некрепких шажков улыбчивого малыша-вес-
ны. Это даже самые распоследние экзист-страдаль-
цы не могут из себя изжить, как бы они ни старались.
Ментальное и привнесенное всегда подавляется ду-
шевым, базисным.

– Ещё по сигаретке?

– Не, Маргоша. Я уже накурилась. Достаточно. Я
просто постою, подышу... Кофе допью! – Мальцева
поставила чашку на парапет и сладко потянулась. –
Мне хорошо без Сёмы! – сказала она подруге, завер-
шив кошачье упражнение. – Спокойно. Я устала от
него. Точнее, мы – устали друг от друга.

– Он тебя ревнует к Денисову.

– Денисов ведёт себя безупречно, Маргарита Ан-
дреевна. Мы с ним вкусно отдыхаем в выходные. Он

пару раз оставался ночевать у меня дома... Те пару раз, когда я сама там ночевала. И ещё мы с ним решили прокатиться по Мексике, когда наш родильный дом закроют на помывку. О предложении руки и сердца он пока, тьфу-тьфу-тьфу, не напоминает. Может, и самому уже смешно стало?

Татьяна Георгиевна посмотрела на подругу, явно ожидая от неё того, чего все женщины ожидают друг от друга: сочувствия, соучастия, «нет-нет-нет, ты что дура? С чего бы это вдруг смешно?!» – и всего такого прочего, в подобном ключе. Что правда, ни Маргариту Андреевну, ни уж тем более Татьяну Георгиевну нельзя было назвать обыкновенными женщинами в этом смысле. Заунывное помешивание давно смолотого в пыль и занудное пережёвывание трижды переваренного было для них вовсе не характерно. Не на кухнях по пятницам встречались. Ритм жизни-работы другой. И «жизнь-работа» в их случае была именно что через дефис, а вовсе не через тире. Они категориально-понятийно разнящие знаки, эти дефис и тире. Но изредка-то, в мороке умирания ночи, в каше отходящей в небытие очередной зимы, в предвосхищении рождения рассвета, в предощущении набирающей силу неизбежной очередной весны, наедине друг с другом, с чашкой кофе и сигареткой – можно и самыми обыкновенными бабами побыть.

– Не пори херню! – отрезала Маргарита, выдыхая в промозглые сумерки дым, смешанный с паром дыхания. – Нет, интерн – парень с чувством юмора. Но, поверь, это не тот случай, где ему смешно. Я же вижу, как он на тебя смотрит. Особенно когда ты не видишь. Он тебя любит. А Панин... – старшая акушерка обсервации глубоко затянулась и, решительно выдув дым, сказала, как в ледяную воду нырнула: – Панин бабу завёл. Не хотела тебе говорить. Но и не хотела, чтобы ты не знала. Я ему весь мозг сделала, чтобы он тебе сам сказал. А он трусит.

– Панин бабу завёл?! – удивлённо распахнула глаза Мальцева и уставилась на подругу. – Да ты что?! – ахнула она чуть ли не восхищённо. – И ты молчала?! Ну, даёт! – И Татьяна Георгиевна расхохоталась.

Маргарита Андреевна смотрела на неё с удивлением. Она ожидала какой угодно реакции, но только не такой. Полагала, что Мальцева будет переживать. Злиться. Но...

– Господи, как у него сил-то только хватает! – продолжала тем временем веселиться Татьяна Георгиевна. – И тебе начмед, и тебе трижды папа! Дедушка уже. Варвара, мать её, Андреевна, опять же! А он... бабу завёл! – продолжала жизнерадостно хохотать Мальцева.

– Ты себя ещё пропустила, – несколько язвительно

заметила Маргарита Андреевна.

– Фу-у-уф! Вот именно, – еле успокоилась Татьяна Георгиевна. – Знаешь, Маргоша, если подумать, то... мы с Сёмой уже скорее брат и сестра. Двоюродные. Такие, знаешь ли, двоюродные чайлдфри. Так что никаких фатальных последствий инцеста. Да не кривись ты – это метафора! Мы так давно вместе, и всё так переплелось во всей своей взаимообратной одномоментности, как те нейроны... – Татьяна Георгиевна замолчала. – Выкурить, что ли, и правда ещё одну сигаретку? – подруга прикурила и протянула Мальцевой. Молча. Заинтересованно глядя той в лицо. – Марго! Прекрати на меня таращиться! Меня несколько не задевает, что Панин «бабу завёл», если ты это пытаешься разглядеть. Меня это только радует. Если разобраться, то и сто лет назад он таким же образом тихо слился из моей жизни – «заведя бабу». Варю. Завёл, слился и немедля начал меня снова в свою жизнь встраивать. Возмущаясь, что как же это так, что я не против с ним поболтать, позаниматься любовью и время провести, но... Но я не люблю его. Панин всю жизнь эту несчастную треклятую любовь у меня вымогал. Истериками ли, шантажом ли... Кто спорит? Сволочь – именно я. Но я никогда не вымогала любовь у Панина. Ни до Матвея. Ни, тем более – во время и после. Так что я перекрещусь на ту ба-

бу, которую он завёл. Я пошлю ей цветы и конфеты. И богу помолюсь за то, чтобы Панин никогда больше не вернулся в мою жизнь в качестве любовника. Он мне дорог. Он неплохой друг и прекрасный начальник. Он мой коллега. Вот во всех этих своих ипостасях пусть он и остаётся ныне, присно и во веки веков. Аминь!

– И тебя даже не интересуется, что за баба? – подозрительно прищурилась Марго, глядя, как Татьяна Георгиевна тушит сигарету в банке с окурками, всего несколько раз затянувшись.

– Конечно, интересуется! Я – женщина. И я, разумеется, любопытна.

– Новая начмед по терапии. Высокая, стройная, язвительная, умная, правильные черты лица, блондинка... Всё понятно?

– Ух ты! Ну да... Её же представляли на сборняке заведующих у главврача. Красивая баба. Но если под своим многозначительным «всё понятно?» ты прячешь то, что она похожа на меня, то – нет. Непохожа. Она скорее похожа на Варю.

– Ага, щаз! Как светлячок на табуретку!

– Не в том смысле. Она похожа на Варю тем, что она заботлива. Она явно не эгоистична, как я. Панин её будет волновать куда больше, чем волновал меня. К тому же она замужем, и значит, Панину не придётся вырывать у семьи выходные, праздники, недельные

поездки и Четыре Дня В Году. Потому что и она в эти дни будет занята семьёй. Вполне красивая у них будет внебрачная половая связь. Мы с Паниным исчерпали всё, что могли. А у него уже просто, по-видимому, рефлекс. Настолько стойкий, что уже из условного мутировал в инстинкт. Ему нужна баба на стороне. Аллилуйя! Будь я менее эгоистична – я и сама бы заметила.

– Дура ты, Танька. Умная, а всё равно дура. Панин ничего не вырывал. Панин тебя любил. И любит.

– Марго, если ты не понимаешь природу его любви ко мне, то я тебе и не объясню. Просто не сумею.

– Типа я такая тупая? – чуть надулась Марго.

– Типа ты такая другая. Не такая, как я. Как женщина – ты куда умнее меня. Кстати, как там твои интернет-романы? Идём ко мне в кабинет, расскажешь. Холдно...

С тех самых пор, как Мальцева немного подкорректировала объявление Маргариты Андреевны на сайте знакомств – от предложений не было отбоя. Пару раз Маргарита Андреевна сходила на свидание «в реал». Типчики, ей попадавшиеся, разделялись строго на две разновидности. Первый: невнятные дяденьки невнятных годов, жмущиеся на лишнюю пироженку и готовые рассказывать о лишениях. О злом начальстве. О старухе-матери. И о негодяйке-жене – в де-

вяносто девяти процентов случаев, кстати, вовсе не бывшей. Второй: молодые парни, желавшие не столько секса, сколько места жительства, одёжек и стабильных котлет за этот самый секс. «Ладно бы ещё красавчики-жеребчики были, вроде Денисова! – язвительно хохотала Маргоша. – Тогда бы ладно! Но ты бы видела тех вьюношей! Это же ж обнять и плакать! А ещё лучше – выбросить и бежать!» В общем, та самая, сплошная «романтика»! Маргариту Андреевну, тем не менее, всё это забавляло. Движуха, однако. Всегда есть о чём поговорить, есть кого высмеять. Не скучно, в общем. Особенно долго она потешалась над одним романтически настроенным престарелым юношей, с которым она встречалась «целых два раза!», назначавшим встречи под городскими памятниками и приходившим с одной розочкой, укутавшись в шерстяное кашне. Он целовал Маргоше ручку и читал стихи. «Совершенно бездарные!» – поставила диагноз Маргарита Андреевна, большая любительница сама рифмовать розы с морозами, ботинки с полуботинками и писать поздравительные спичи на манер: «Чтобы был достаток в доме / чтоб еблись не на соломе / чтоб всегда-всегда цвели / и любили, как могли!» Чужая пиитика, выслушанная дважды за дешёвым вином в бюджетных кафешках, её не вдохновила. Во второй – и в последний раз – она сказала «шерстяному» (дешё-

вое вино всегда слишком сшибает крышу): «Слышь, ну пойдём хоть переспим, что ли?!» На что он, трепетно поцеловав Маргошину ручку, навсегда впитавшую запах дезрастворов, сказал ей буквально следующее: «О, как вы прекрасны, фея! Люблю вас, благоговей... Я мечтаю быть вашим верным псом. На роль неутомимого кролика-производителя я не гожусь!» Сознание Маргариты Андреевны, слишком расширенное плохо очищенными винными парами, тут же услужливо подкинуло ей совершенно гротескную картинку: на месте её действительно верного старого пса – этот малахольный бездарный рифмоплёт-инженеришко. И придя домой, она берёт ошейник со словами: «Пошли, просрёмся!» Или отбирает у него свой сапог, с которым он спит в обнимку, и, тыча им в харю инженеришки, говорит: «Нельзя, говнюк, нельзя!» Или вот, пожалуйста, почёсывает инженеришке-рифмоплёту пузико, а тот блаженно дёргает ногой. Или как она варит себе кофе, а на полу крутится инженеришко, выпрашивая сырое яйцо – своё излюбленное лакомство. «Ну на, на, скотина!» – ласково говорит Маргарита Андреевна, выдавая «шерстяному» сырое яйцо. И он аккуратно берёт его в пасть и убегает в угол, ювелирно разделывать его, как не у каждого человека получится, а затем, гордый, приносит ей скорлупу-пустышку, победоносно виляя хвостом. И чего-то ухажёр ей в

роли её верного пса не только не глянулся, но даже вызвал рвотные спазмы. Воображение ли, он сам ли, вино ли – но Маргарита Андреевна срочно отбежала в туалет заведения. А проблевавшись, сказала малахольному, что, в общем-то, если не для любви и поддержки, то хотя бы для секса... А раз у него с этим делом беда, то и прости-прощай, наша встреча была ошибкой. В общем, что до Маргошиного берега из Се-ти ни приплывало, то «якщо нэ гимно, то сранна триска!» – как любила говаривать по-хохоляцки санитарка Зинаида Тимофеевна.

Неутомимый Святогорский, прознав о Маргошиных похождениях и проанализировав их результат, разве-сил её резюме на сайтах, где тусовались иностранные женихи с серьёзными намерениями. Сказав, что любой тexasский фермер в разы круче, чем наши так на-зываемые интеллигенты. Потому что кодировка ней-ронов у заграничных мужиков другая. Маргоша, об-наруживая у себя в почтовом ящике письма на ан-глийском языке, тут же пересылала их Аркадию Пет-ровичу. Добрые дела наказуемы. Это любому анесте-зиологу-реаниматологу хорошо известно. Впрочем, и слава богу, что занимался этим Аркадий Петрович, вот так вот на старости лет сам на себя примерив роль брачного агента. Потому что посреди всякого и разного он отобрал для Маргоши вполне прилично-

го фермера. Что правда, не из Техаса. И не из Айовы. И не из колхоза-миллиардера Огайо. А из вполне вкусного, красочного, сочного штата – colourful of Colorado! Маргоша сперва побила копытом, мол, что ей за удовольствие – крестьян ещё и в Америке выискивать. Но когда она получила пару-тройку прикрепленных фоток, запечатлевших как самого «крестьянина» (красивого, как голливудские актёры, исполняющие роли суровых парней бескрайнего Запада), так и его «крестьянского хозяйства» с прекрасными, ровными, разделанными полями, с потрясающе чистой, какой-то прямо даже игрушечной на вид техникой. Когда она рассмотрела всех этих коровок и даже лошадок... И пикапчики размером чуть не с Камаз (которые Святогорский нежно называл «годзилочками»)... Все эти частные дороги и дом... «Нет, он что, реально один в этом доме живёт? Он там что, в футбол гоняет?»... Когда поняла, что у мужика – её, к слову, ровесника, вполне серьёзные намерения, то тут Маргарита Андреевна... испугалась. Засомневалась. Испугалась того, что фермеру из Колорадо, такому красивому и видному, и загорелому, и мускулистому, нужна она, престарелая мать-одиночка. Ему же ж там любая девка даст! Нет, в чём тут... Где наёбка? «В иной кодировке нейронов», – неустанно повторял Святогорский Маргарите Андреевне, в отличие от него, объез-

дившего-облетевшего весь мир, дальше Турций-Греций-Тунисов носа не совавшей. «Да и на что он тебя может развести? На бесплатный секс? А у нас что, жёны мужьям за деньги дают? Разве? Или за мытьё посуды? Да у него dish-wash размером с твою спальню, и наверняка мексиканская прислуга имеется. Он. Хочет. Семьи». Аркадий Петрович отлично отдавал себе отчёт в том, что переформатировать язык программирования, на котором написаны коды нейронов колорадского фермера, в язык программирования нейронов русской акушерки – это задачка куда сложнее, чем с английского на русский и обратно перевести. В любом случае, Аркадий Петрович уломал Маргариту довериться. Если не колорадскому фермеру, то хотя бы ему, дяде Святогорскому. В общем, Маргарита Андреевна в настоящий момент подала документы на туристическую визу США. Пока туристическую. Хотя фермер настаивал на визе невесты. Все расходы по Маргошиным перелётам, страховкам и пребываниям полностью и целиком брал на себя колорадский фермер. Но Маргоша всё равно жутко боялась, требуя льгот на бесперебойную связь со Святогорским в любое время дня и ночи на случай «если что». Святогорский покорно согласился. Тут же, разумеется, поразглагольствовав на тему языка тела и оставив за собой право не переводить озвучку постельных игр, паче ча-

нения они случатся. «Случатся, случатся! – говорила Маргарита Андреевна, плотоядно глядя на фотокарточку колорадского «крестьянина». – Возможно, это единственное, что случится!» Мандражировала она страшно. И если бы не Аркадий Петрович, то так никогда бы и не решилась... Потому что работа-дочь-собака. И страшно. На другой стороне планеты. «Так хоть другую сторону планеты увидишь, дубина стеросовая!» – кричал на старшую акушерку обсервационного отделения заведующий отделением анестезиологии и реанимации. В общем, «мозги боятся, а руки делают!» – как перефразировал Аркадий Петрович небезызвестный прежде девиз Всероссийского общества слепых. Периодически Марго впадала в невидимую никому, кроме Святогорского, Панина и Мальцевой, панику. Но друзья совместными усилиями приводили её в норму. И тогда она была самой обыкновенной Марго, отменной акушеркой, прекрасным администратором и замечательной подругой.

И как обычно, вместо того, чтобы два часа (язык не поворачивается назвать их «лишними») поспать, Маргарита Андреевна и Татьяна Георгиевна болтали о колорадском фермере, о Панине, его новой бабе и обо всём таком, о чём со страстью болтают миллионы самых обыкновенных женщин на этой планете.

В семь часов утра в двери кабинета заведующей

постучали.

– Да! – крикнула Марго вместо рта не успевшей открыться Мальцевой.

Вошёл Александр Вячеславович с букетом нераспустившихся ещё ирисов в руках. Бутоны трогательно выглядывали из белой обёрточной бумаги.

– Доброе утро! Весна – неизбежна, в придорожной лавке появились ирисы, – сказал он с очаровательной непосредственностью. Достал вазу. Налил воды. Поставил цветы. И вышел, улыбнувшись Маргарите Андреевне и Татьяне Георгиевне.

– Как он хорош! – восхитилась Марго.

– Всё, что он ни делает, он делает... – Татьяна Георгиевна ненадолго запнулась. – Он делает с очаровательной непосредственностью. Оперировать он так же. Без лишних слов. Без лишних движений. Он очень уместный.

– Уже оперировать? – слегка наклонила голову Марго, поглядев на подругу чуть насмешливо.

– Ну, разумеется! Ты что думаешь, он только промежуточно может филигранно заштопывать? Ты же постоянно наблюдаешь его в родзале. Ты думаешь, в операционной он другой? Я никому и никогда не ассистировала так спокойно, как ему. Представляешь, каким врачом он будет, поднабравшись опыта?

– Ему повезло с этим вашим... служебным рома-

ном. Хрен бы его кто и где так бы везде с собой брал бесплатно.

– Маргоша, одно другого ни капельки не касается. Хочешь верь – хочешь нет. Смешно, конечно, когда ученик учительницу, извините... Ну, ты поняла!

– Боже! Какая ты стала трепетная! – расхохоталась Марго, глядя на раскрасневшуюся подругу. – С Паниным, Волковым и прочими своими мужчинами ты это самое как угодно называть не стеснялась. Вот разве что с Матвеем... А может быть, это любовь?! – начала слегка ёрничать Маргоша.

– Очень даже может быть. Что это единственно та самая мужская любовь, которая меня устраивает. Единственно мужская. Но это мы не будем обсуждать. Потому что нечего тут обсуждать. И думать обо всём этом я не хочу. Давай лучше ещё поболтаем о твоём колорадском женихе.

В восемь часов утра позвонил Панин. По внутреннему телефону. Вызывать в кабинет не стал.

– Тань, привет! – хмуро-нейтрально бросил он в трубку. – Сейчас сюда прикатится один мини-олигарх с молоденькой жёнушкой. Судя по всему – отслойка. Меня вызывают к министру на ковёр к девяти. Утренней пятиминутки не будет. Я уже уезжаю, на пороге стою. И роды вести – я никак. Я их к тебе перенаправил. Оближи их там, как... Они вроде в США собира-

лись рожать, но пока собирались – дело к тридцати восьми неделям подкатилось, и они решили не рисковать.

– Сёма, но если они у тебя наблюдались, то...

– Ни у кого они не наблюдались! Она даже на учёт не становилась. Из этих... Которые если не на дому, то в Америке, – раздражённо бросил Панин. И раздражался он, похоже, вовсе не на «этих». – Ему мой телефон, собственно, министр и вручил. Тань, гонорар весь твой. С мини-олигарха я что-нибудь для роддома выбью.

– Ага. Гонорар весь мой. Ты по телефонным описаниям диагноза отслюек ставишь, а «гонорар» весь мой. Видимо, даже тот, который в виде клинического разбора и летальной комиссии.

– Таня, ты заведующая обсервацией? Заведующая. Баба необследованная. Показания к обсервации самые что ни на есть прямые. По личной просьбе министра. Так что встань по стойке «смирно!», козырни и исполняй.

– Есть, сэр! – ехидно ответила Мальцева.

– И это... Хватит уже только Денисова с собой в операционную таскать. И бога ради, хоть тут ему скальпель не давай. Тыдыбы... Разову Настю возьми. Смышленая девчонка, пусть учится.

– Разова, к вашему сведению, Семён Ильич, ходит

за мной хвостиком и из операционной и родильного зала не вылезает. Чему я очень рада, потому что она и правда очень талантливая девица. Хорошо, что вы хоть сейчас это рассмотрели. Хотя она три года, с интернатуры, проторчала в патологии писарем, дурью маясь от скуки. А указывать мне, кого с собой, куда и в каком качестве брать – не надо. И чего это вы вдруг решили, что так прямо сразу операционная? Может, позвольте мне самой поставить диагноз и определить лечебную тактику, а? Привет начмеду по терапии!

Шлёпнув трубку внутреннего телефона на место, Татьяна Георгиевна расплылась в довольной ехидной улыбке.

– Ну вот! Пусть теперь Абрам мучается! – подмигнула она Маргарите Андреевне.

– Балбеска!

– Так, всё. Хорош о лирике, пошли заниматься суровой прозой. В приёмную сейчас поступит молодая жена мини-олигарха. Необследованная. С кровотечением из влагалища. Сделай так, чтобы в родзале все стояли по стойке смирно, с портативными датчиками от всех пищащих, стучащих и показывающих картинки аппаратов в руках. Утренней врачебной конференции не будет. Сёму к министру на ковёр вызвали.

– С какого?

– А меня не посвятили!

Через час бригада была в операционной. Молоденькая жена мини-олигарха вела себя безобразно. Она орала, что хочет рожать только «естественно», как будто кесарево – это неестественно. Неестественно будет, когда родит мужик. Но сколько бы слов ни было сказано, сколько бы научных и популярных статей в различные издания ни было написано, скамейка у подъезда и интернет-форумы – что, впрочем, одно и то же – всё равно сильнее. Пришлось Мальцевой переговорить с самим мини-олигархом. Который оказался ей вполне вменяемым и разумным человеком. Разъяснив ему акушерскую ситуацию, она сказала, что решение – за ним. Потому что его жена от кесарева категорически отказывается. И если так же категорически она будет отказываться от родоразрешения путём операции кесарева сечения ещё с полчаса, то внутриутробный плод погибнет. Полувековой олигарх зашёл к своей двадцатидвухлетней жёнушке в предродовую палату и прикрыл дверь. Вышел он оттуда ровно через две минуты и молча протянул Мальцевой подписанную женой форму согласия.

– Можно работать, – сказал Аркадий Петрович.

– Чего молчите? – глянула она на Александра Вячеславовича.

Все уже стояли у стола. Шумел аппарат ИВЛ, потому что жёнушка кричала: «Вырубите меня совсем,

но только без ваших уколов в позвоночник! Я не хочу на всю жизнь остаться инвалидом! Вырубите совсем, чтобы я ничего-ничего не чувствовала, не видела и не слышала!» Вот те раз! То всё совсем естественно, а это, прямо скажем, чуть меньше, чем невыносимо больно. То «вырубите меня совсем!». Ну, Святогорскому комбинированного эндотрахеального наркоза не жалко, был бы клиент всегда прав.

– Скальпель!

Медсестра передала скальпель.

– Ой, а почему он оперирует с ассистентского места, если он – хирург, то почему он не на месте хирурга? – затараторила Настя Разова, вбегая в операционную и влетая в развёрнутый санитаркой халат.

– Анастасия Евгеньевна, задерживаться может только хирург. Ассистенты не опаздывают. Первое предупреждение. Оно же – последнее. Становитесь рядом со мной, – спокойно сказала Мальцева, промокая рану, одновременно управляясь с крючком Фарабефа, попутно в который раз отмечая про себя, что у Александра Вячеславовича выраженный хирургический талант. Ничего особенного – с одной стороны, – ремесло и ремесло. Но такая же редкость, как и... Как и любой талант. Особенно талант, помноженный на упорство, методичность и постоянный тренинг в теории и практике.

– Извините. – Тыдыбыр, споро натянув поданные санитаркой перчатки и обработав их раствором, встала рядом с Татьяной Георгиевной.

– Александр Вячеславович управляется обеими руками одинаково, а мне всё равно, с какой стороны ассистировать. Надлобковое!

Операционная медсестра протянула надлобковое в сторону операционного поля.

– Настя, проснись! – сказала Татьяна Георгиевна.

– Ой, да! – схватила Анастасия Евгеньевна металлическое зеркало.

– Матку – я.

Денисов передал Мальцевой скальпель.

– Ельский?

– «– Анюта! – Я тут!» – мрачно и негромко пошутил Владимир Сергеевич. Что свидетельствовало о его замечательнейшем расположении духа.

Татьяна Георгиевна выполнила разрез на матке и родила в рану плод...

– Что это? – неожиданно хрипло скорее выдохнула, чем спросила Настенька Разова, посмотрев в рану. Судорожно сглотнула и... щедро и развесисто, с размаху шлёпнулась на кафельный пол. Ушла ровно назад. Раздался такой грохот, как будто опытный молотобоец от души вмазал по кафелю кувалдой. Вдогонку эхом загрохотало надлобковое зеркало, которое

Настенька всё ещё держала в руках, забыв положить его на операционный столик.

Святогорский бросился к ней, охнув:

– Хоть бы основание черепа не сломала! Ушиб позвоночника переживём.

Ни Мальцева, ни Денисов, ни Ельский на Тыдыбыра не отвлеклись. А операционная медсестра, передавая зажимы, судорожно сглатывала, глядя на едва утробно квакающее...

– Господи, что это? – с ужасом спросила она.

И ужасаться было чему.

То, что родилось в рану, менее всего походило на человеческого детёныша. Окровавленное нечто, покрытое сухим роговым панцирем. Но не цельным. Между ромбовидными щитками грязно-серого цвета пролегли глубокие борозды и трещины. Нос, ушные раковины и веки были чудовищно вывернуты, а конечности – коротки и уродливы. Глаз, казалось, не было вовсе. Из-под вывернутых век видна была белёсая плёночная структура.

– Хотя я и не тот, кому ты адресовала вопрос, но ответить могу, – сказал Ельский, принимая новорождённого в пелёнку, – это ихтиоз арлекина. Врождённое заболевание, развивающееся в эмбриональном периоде. Тип наследования аутосомно-рецессивный. Оба родителя – носители дефектного гена.

– Что с Разовой? – коротко поинтересовалась Татьяна Георгиевна у вернувшегося в операционную Святогорского. Пока суть да дело – он с санитаркой вынес Настю в коридор.

– Всё хорошо. Огромная шишка и трещина в кафе-ле. Крепкая башка у Тыдыбыра. Жить будет. А вы тут ка... Срань господня! – Святогорский размашисто перекрестился, увидев, что лежит на столике у Ельского.

– Это она, Аркадий Петрович. И не будь я связан по рукам и ногам всяческими клятвами, приказами и прочей моралью и этикой, я бы вкатал этому несчастному существу фатальную дозу морфина, – говорил Ельский, ловко орудуя зондами и мешком Амбу. – Всё, заинтубировал. Я – ас!

– Сам себя не похвалишь, весь день как... Но ты реально ас! – уважительно констатировал Святогорский, подошедший поближе и наблюдавший за работой Ельского. Вова, если меня когда-нибудь будут оперировать, я свою носоглотку только тебе доверю. Если ты с этим справился, то ты и чёрта лысого заинтубируешь.

– Я бы вкатал, и... Но эвтаназия у нас разрешена только для кошечек и собачек, а это существо человек – и я обязан его реанимировать. И в лучшем случае, он поживёт несколько суток...

– А в худшем? – спросила операционная медсест-

ра, молча передавая инструменты занимающимся ральной акушерам-гинекологам.

– А в худшем он проживёт достаточно долго, доставляя немыслимые страдания своим родителям и невообразимые – себе. Настолько невообразимые, что к их описанию я толковый чёткий эпитет подобрать не могу. Но будем надеяться, что до худшего не дойдёт. Забираю в реанимацию, – подняв голову, отрапортовал он Мальцевой. – ИВЛ, антибиотики, всё, что маст хэв... И отличная статья получится. С красочными иллюстрациями. Раритетными практически. Настолько выраженного ихтиоза арлекина... Ладно, это лирика. Задавлю в себе пока учёного. Хотя мой внутренний врач и гуманист голосует за фатальную дозу морфина. И за то, чтобы мы все тут вместе сделали вид, что он родился мёртвым. Пожалейте родителей, бумага истории всё стерпит. – Ельский сделал вид, что тянется к чемоданчику анестезистки, та хлопнула его по руке.

– Какой ты игривый сегодня! – удивился Святогорский.

– Да... Не завидую я этим маме и папе. Увидеть, что ты сотворил такое... – анестезистка покачала головой. – И вам, Татьяна Георгиевна, не завидую. Вам же им это...

– Перитонизация! – чуть нарочитее обыкновенного

сказал Денисов.

– Ой, да, извините! – опомнилась операционная медсестра.

– В 2005 году британское телевидение показывало сериал «Real Families». Редакторы рыскали по стране в поисках настоящих, реальных семей с необыкновенными историями... Так вот, в одной из серий были показаны две пары родных сестёр. Люси и Хана Бетс. И Дана и Лара Боуэн. На выполнение самых обыкновенных, рутинных, минутных для нас всех, дамы и господа, процедур у несчастных девочек уходили часы. Целыми днями они вынуждены были сидеть в ванной, удаляя роговые чешуйки и литрами нанося увлажняющий крем. Разумеется, эти меры практически не помогали. Скорость регенерации этого покрова – колоссальная. И добрые телевизионщики не показали в фильме другие подробности, не для красного словца будь сказано, леденящие душу. Мы промолчим о хронической боли, о состоянии трещин и борозд, о том, что у человека называется слизистыми, о путях введения пищи, о том, что малейшая инфекция способна вызвать септическое состояние... «Эта болезнь несовместима с жизнью! – сказал педиатр девочек, профессор Джон Харпер, – лучше бы они...» – он наверняка договорил, что лучше, но цензура британского телевидения сочла, что и без того показала и

рассказала достаточно. А у британок, между тем, была куда более лёгкая форма, чем у нашего малыша.

– Тут же вроде девочка... – с некоторым сомнением сказал Мальцева.

– Девочка, – подтвердил Ельский. – Организм которой не может контролировать водный баланс в тканях, не способен удерживать температуру тела, ей грозят обезвоживание, переохлаждение и инфекции...

– Вова, блин! Вова, иди работать! – вдруг вызверилась Татьяна Георгиевна на неонатолога. – Что ты тут под руки лекции читаешь!

– Я думал, тебе интересно, – усмехнулся тот.

– Вот клинразбор подготовишь и всем расскажешь.

– Ладно, – Ельский действительно сегодня был на удивление не высокомерен и общителен. Было совершенно не ясно, отчего бы это вдруг, а главное – к чему! – В любом случае, скажи мамаше или папаше, чтобы исследовали детально четвёртую пару хромосом...

– К тебе приведу, ты и расскажешь! Всё, вали. Не стой над душой с этой своей... переноской!

– Ладно...

И Владимир Сергеевич вышел из операционной с мобильным реанимационным кувезом в руках. Суперсовременным, новомодным. Таких не было ни у кого.

Экспериментальный модуль, несколько образцов которого ему предоставила американская компания, занимающаяся разработкой медицинского оборудования. Как они с Паниным их «узаконивали» в клинике – то отдельная история.

– А ещё и вытянет....М-да... – невесело подытожил Святогорский.

– Ну что?!

К Мальцевой подскочил обеспокоенный мини-олигарх. Всю операцию он прокурил, сидя в своём Гелендвагене. А ведь взрослый мужик! Умный. Раз день-ги зарабатывает нехилые... Должен понимать, что ребёнок не надо ждать *всю* операцию! И за ребёнка отвечает *другой* врач. Не акушер-гинеколог, а неонатолог!

– С вашей женой всё в порядке. Операция прошла самым обыкновенным образом. Вы можете пойти к ней.

– Что с ребёнком?

– Вызовите неонатолога. Он вам всё расскажет. Я – акушер-гинеколог.

– А с вас что, корона свалится, если вы мне скажете, что с ребёнком? – глаза мини-олигарха сузились и стали излучать холодный металлический блеск.

– Не свалится, – максимально корректно и мягко, подавляя усилием воли всплывающее раздражение,

ответила Мальцева. – Но я – акушер-гинеколог. Мне квалификации не хватит разъяснить вам, что с ребёнком. Он родился. Это всё, что я вам могу сказать определённо.

– Вы занимаетесь беременными бабами и их детьми, а про уже родившегося мне ничего не можете сказать? – мини-олигарх, в отличие от Татьяны Георгиевны, не слишком-то подавлял раздражение.

– Беременными. И плодами, – подчеркнула заведующая обсервацией. – Я не занимаюсь новорождёнными детьми.

Её не столько удивлял или раздражал сам вопрос. Волнующиеся папашки и всякие прочие переживающие родственники готовы набрасываться хоть на санитарок с вопросами: «Ну как там наша девочка/мальчик?!» А санитарки, увы, готовы радостно отвечать. Та же Зинаида Тимофеевна не раз подвергалась обработке «самого Панина» за то, что с профессорским видом начинала рассказывать, как всё прекрасно с очередным вновь рождённым малышом, которого она, признаться честно, и в глаза-то не видела. Потому что где родзал, а где – приём? Но рассказывала не только с профессорским видом, а ещё с убедительнейшей из интонаций: интонацией всезнайки-дилетанта. Высокотехнологичный специалист сомневается. Дилетант – никогда. Профессионал знает только то, что он ни-

чего не знает. И чем больше знает профессионал – тем масштабнее становится пресловутое философское «ничего». Дилетант непоколебим в своей уверенности и на всякий вопрос имеет лишь один вариант несомненно точного ответа. Доктора медицинских наук, опытного практика Аркадия Петровича Святогорского беспокоит вселенная нейронов, и он честно признается, что ни черта не смыслит в нервной системе. Санитарки, скамеечные и форумные «консилиумы», которых не беспокоит собственное невежество, охотно поставят точные диагнозы, причём – в директивной форме. А люди склонны верить не знаниям, а непоколебимой уверенности. Забывая, что непоколебимая уверенность свойственна лишь людям, признаться честно, не очень умным. Но не об этом размышляла Татьяна Георгиевна. Ей показалось странным, что мини-олигарх не торопится к любимой молодой жене. Не бежит, теряя дорогие крокодиловые тапки, куда послали – к неонатологу. А смотрит на неё, Татьяну Георгиевну, с какой-то жёсткой, мрачной обречённостью. Да какого, собственно говоря, лешего?!

– Ваша жена не наблюдалась ни у меня, ни в женской консультации по месту жительства. Я увидела её сегодня первый раз в жизни. И всего лишь прооперировала по причине начавшейся отслойки нормально расположенной плаценты. Причём прибегнув, если

вы не забыли, к вашей помощи. С ребёнком не всё в порядке. Это мягко сказано. Более подробно вам объяснит неонатолог.

– Что он, урод? Дебил?

– Не он. А она. У вас девочка. И более подробно вам объяснит неонатолог! – Татьяна Георгиевна подошла к стенду, висевшему на стене холла приёмного покоя, и показала мини-олигарху бумажку, на которой сорок восьмым кеглем, жирно, подчёркнуто, был написано: **«О СОСТОЯНИИ НОВОРОЖДЁННЫХ ОСВЕДОМЛЯТЬСЯ В ДЕТСКОМ ОТДЕЛЕНИИ! СПАСИБО!»**, затем развернулась и направилась в отделение.

Удружил Семён Ильич, милочка разлюбезный. Ладно, он не виноват. И вообще – работа у неё такая.

Через час Татьяна Георгиевна зашла в послеродовую палату и застала молодую жёнушку олигарха в слезах. Это было, разумеется, не удивительно, учитывая обстоятельства.

– Он бросит меня! Из-за вас! – зло всхлипывая, прошипела в Мальцеву родильница и поморщилась от боли.

Заведующая лишь удивлённо приподняла бровь и занялась своими прямыми обязанностями – осматривать состояние послеоперационного шва. Повязка обильно промокла. Надо вызвать операционную – и

поменять.

– Это же и его дочь. – Понятно было, что речь шла о муже. – И она такая не из-за меня и, скорее всего, не только из-за вас. Аутосомно-рецессивный тип наследования предполагает встречу двух «слабеньких» генов – и только тогда они обретают силу. Не нервничайте. Вам вредно. Кровотечение может открыться. И вы ещё молодая. Обследуетесь и народите ещё кучу здоровых детишек. Эта патология диагностируется внутриутробно, и беременность можно прервать. Я не знаю частоту патологии и вероятность фенотипической реализации, но вам всё объяснят генетики...

– Его дочь, – саркастически усмехнулась молодая женщина. – Во-первых, он хотел сына! Потому что у него три дочерей от первой жены! Потому мне и пришлось прикидываться, что я вся такая на всю голову «естественница»! Знай он заранее, что у меня девочка – он бы на мне никогда не женился. Он на мне вообще женился только потому, что я забеременела и рассказывала ему, как я его люблю!

– А вы его не любите?

– Люблю. Сильных и богатых все любят. Только не признаются, – горько усмехнулась родильница. А теперь он меня бросит, потому что тёлочек, готовых нарожать ему детей – вагон и маленькая тележка. И куда я эту... уродку?! Куда я дену эту уродку?! На какие

деньги я её буду растить?!

– Насколько я понимаю из контекста, ваша дочь вам не слишком дорога. Потому я вас наверное не расстрою, если скажу, что долго она не проживёт, несмотря на все таланты, способности и возможности курирующего её врача.

– Если бы вы мне не сделали кесарево – она бы умерла и никто бы ничего не узнал! Что вы там, ничего не видели на своём УЗИ?

– Даже если бы я делала УЗИ в специальном режиме, на другом – не портативном аппарате, то, заподозрив подобную патологию плода, я бы всё равно сделала кесарево в этой акушерской ситуации. Потому что кесарево сечение вам было выполнено по совокупным жизненным показаниям: и со стороны матери, и со стороны плода. Возможно, вы не в курсе, но если не прооперировать женщину с отслойкой, то умереть может не только ребёнок, но и сама женщина.

Мальцева удивлялась, с каким отстранённым спокойствием она проговаривала весь этот текст пациентке. Она никогда не была настолько эмоционально отстранена. Напротив – она всегда была очень вовлечена, и ничто не обходило её стороной. А тут, вдруг, вместо ожидаемого термоядерного коктейля из жалости, гнева, сочувствия, непонимания и неприятия – отстранённость. Ну, не совсем, конечно же... А так...

Гораздо спокойней, чем обычно. Даже сарказм её не был так искренне, так болезненно – для неё самой, в первую очередь – ершист. С чего бы это вдруг? Что с ней случилось?

Женщина откинулась на подушку, лицо её скривилось от боли. По щекам обильно текли слёзы.

– Я пришлю вам операционную сестру, надо поменять повязку. И анестезистку. Вас обезболят, – выдержанно и где-то даже мягко сказала Татьяна Георгиевна.

– Позвоните, пожалуйста, моей маме, – тихо попросила родильница. – У вас есть чем записать номер?

– Да, конечно, – Мальцева достала из кармана халата ручку и блокнот. – Диктуйте.

– Плюс три... Это Украина. У меня здесь никого нет, кроме мужа. А муж – он уже... Он уже не есть, а был. Сказал, что его адвокат привезёт мне бумаги на подпись. Я даже не знаю, куда мне идти из роддома. До него я снимала квартиру с девчонками на троих. Да и ту нам продюсер снимал. Я раньше пела в группе... – Название Татьяне Георгиевне ни о чём не сказало. Она не смотрела телевизор, не слушала радио, и дешёвенькая попса не входила в круг её интересов. Дорогая, впрочем, тоже. – А теперь... – Родильница снова судорожно всхлипнула.

– Диктуйте телефон. Я позвоню вашей матери

немедленно, – снова достаточно спокойно (чему снова удивилась) прервала Татьяна Георгиевна.

Каждому по делам его, так? Может быть, и не так. Но беременность – точно не средство продвижения ближе к кормушке. Этой девице Мальцева сочувствовать не будет. Не потому, что жестокая. И не потому, что «бог велел». А потому что просто не будет.

Ельского она застала за фотографированием «ихтиоза арлекина» в разнообразных ракурсах. На лице его блуждала полублаженная улыбка учёного, получившего вкусную задачу.

– Тань, я её смогу вытянуть, эту девчущку. Блин, я её смогу вытянуть! Тьфу-тьфу-тьфу, но от меня она уйдёт в детскую больницу, а не в морг. Надпочечниками чую. Я задвинул мощную гидратацию, широкий антибактериальный спектр, даже противогрибковые. Под прикрытой печенью, разумеется. Подумываю сделать обменное переливание...

– Зачем?

– Интересно же. Я всё перерыл по ихтиозу арлекина, точных данных об обменном нет.

– Вова, очнись. Зачем ты её вытягиваешь? Это не лабораторная крыса, это живой человек. Ты сам в операционной говорил, что эта патология несовместима с жизнью. А эта девчонка ещё и никому не нужна.

– Да, уроды те ещё, – как всегда бесцветно-угрюмо сказал Ельский, не отрываясь от своих фотографически-лабораторных дел. – Родители её, в смысле. Папаша пришёл, глянул. Ни в обморок не упал, ни слезинки не проронил. Вообще ни одной живой эмоции не выдал. Ни аха-оха, ни матери-перематери. Прямо моё поведенческое зеркало! – Владимир Сергеевич сухо хмыкнул в ответ на свою собственную шутку. – Предложил бабла, чтобы я плод его чресел усыпил. Так и сказал: «Усыпите». Я ответил, что в прайсе нашего заведения такой услуги нет, – Ельский снова сухо заухал.

– Господи, Вова! В каком мире мы живём! – Татьяна Георгиевна внезапно почувствовала головокружение. На ватных ногах дотопала до стола, за которым сидела детская медсестра, и жестом попросила уступить ей место. Та немедленно подскочила. Мальцева осела и почувствовала, что вот-вот потеряет сознание. Сквозь горячий шум в ушах она услышала голос Ельского, искажённый помехами...

– В-ка-ком-жи-вём-дру-го-го-нет, – плавил пространство тугой, раскалённый, медленно плывущий бас Ельского. – В-ве-ну-ей-вве-ди-глю-козы-с-аскор —

И связь с реальностью прервалась. Татьяна Георгиевна гоняла по Вселенной, была солнечным вет-

ром, проистекающим из короны нашей Главной Звезды, и рассказывала странному бестелесному существу, что это очень странно – бас Ельского. Потому что у Ельского обыкновенно элегантный драматический тенор. Странное бестелесное существо, которого вовсе не существовало, хотя они вместе гоняли по Вселенной, держась за руки, телепатически транслировало Мальцевой «Севильского цирюльника» – всего одновременно! А она только удивлялась, как можно упихнуть всего «Севильского цирюльника» в... в... в ничего. Потому что категорий времени во Вселенной не существовало. Во Вселенной было бесконечное множество «ничего» и мириады «всего», спакованного в невидимые даже в электронный микроскоп частицы. Размах и масштаб «ничего» поражал. Ничтожность и неуклонно стремящееся к уничтожению, к нулю «всё» потрясали воображение. Которого, в свою очередь – но и одновременно! – было громадно много и не было вообще. И всё это пульсировало, сжимаясь и расширяясь, взаимодействуя с бесконечно бесконечным множеством «всего» и «ничего». Странное бестелесное существо, которого не было вовсе и которое было всем, сказала Мальцевой голосом Матвея... Ну, как сказать – «сказало»... Невозможно сказать, как оно сказало. И голосом ли. Просто для определения того, что это – именно Матвей, элементар-

ной частице Мальцевой назвали то, что она не понимала – тем, что она была способна понять: голосом. Хотя это был не голос. Вообще ничего не было. И было всё. Этого не было никогда, и это было всегда. И из этого всего-ничего элементарная частица всем-ничем восприняла: «Оставь!» И больше не осталось ничего, кроме ощущения единства и борьбы противоположностей симпатической и парасимпатической нервной системы.

– Господи, я что, отрубилась?! На сколько?

– Тихо, тихо... На несколько секунд. У тебя игла ещё в вене, – Ельский держал её за голову, массируя виски пальцами. – Тань, ты не беременная?..

– Типун тебе на язык!

– Значит, спи и жри больше. В любой последовательности!

Этой ночью Панин долго не мог уснуть. Хотя именно что поспать стоило. Но столько событий... Алёшка, гадёныш, собрал манатки и усвистел к своей операционной медсестре. В принципе, он сына мог понять. В схватке бляди с курицей – курица всегда проиграет. Катя хотела напугать ежа голой жопой? За что боролась, на то и напоролась. Алёшка, подлец, за ушедшей женой Катей не побежал. И она вернулась в опустевшую квартиру. Куда тут же примчались и её мамаша, и Варвара Андреевна. И продолжили пичкать

Катерину сгущённым молоком. Непонятно зачем. Её молоко уже скончалось. Лучше бы она их с самого начала выгнала, бабушек этих стебанутых. Глядишь, и мужика бы не проворонила. Да и сейчас, в принципе, ещё не проворонила. Навозится с медсестрой – и вернётся. И будет так задавлен чувствами вины и ответственности, как он сам всю жизнь был задавлен. И будет Катя Лёшкина – копия Варвара. А жизнь Лёшкина – будет копия папашкина житуха. Наверное, иным мужикам в молодости кажется, что это не жизнь, а масло с чёрной икрой поверх французской булки. Попробуйте, блин, сами!..

А Мальцева – сука! Сама нарвалась! Уже знает наверняка. И никаких разборок не устраивает. Даже не спросит. Только глаза смеются. Это что же, она его настолько не любила, что ей всё равно, с кем он сейчас?.. А что он «сейчас», с этим «кем»? Он лежит в постели, смотрит в потолок. Думает о сыне. И... о Мальцевой. Причём о сыне он думает, чтобы не думать о Мальцевой. Так редко когда удаётся выспаться. Да ещё и дома... На диване в кабинете не так удобно. Позвоночник уже не тот. Вот ортопедический матрас – самое оно. Хотя с Танькой он бы спал хоть в хлеву... Кстати, секс с новой терапевтической начмедшей особого удовольствия не доставил. Это всё гадина Мальцева! Начмедша немного на неё похожа... Нельзя ска-

зять, что именно поэтому. Сперва просто понравилась. Высокая, стройная, умная... За словом в карман не лезет. А если покопаться, почему она понравилась, то... Но в койке она оказалась совсем не Танька. Танька всегда была так озабочена своим удовольствием от секса, настолько прекрасно эгоистична, что с какого-то момента напрочь переставала себя контролировать, ей настолько сносил крышу «сам процесс», что ракурсы и техники, и чего там ещё люди понавыдумывали на эту тему, её вовсе не волновали. Если Таньке, не дай бог, не доставить удовольствия, она могла такого наорать, что... Она была настолько прекрасна, что хотелось как можно дольше продолжать, доставляя ей удовольствие, рассматривая её не исподтишка... И речь идёт вовсе не о теле. Танька в постели раскрывалась полностью. Вся. Смотреть на Таньку во время её оргазма – было всё равно что смотреть ей в душу. Хотелось длить и длить, одновременно жажда завершения. Контролировать себя ради Таньки было счастьем. А она, мерзавка, могла и вовсе не заметить, он-то как? У него оргазм был или так перетопчется? Иногда это жутко злило. И вот теперь терапевтическая начмедша, внешне вроде похожая на Таньку. И вроде язвительная и... И это же какой-то полный пиздец, а не постель, с начмедшей этой: «Тебе хорошо? Сеня, тебе хорошо? Сеня, тебе хорошо?» Волнистый

попугайчик, а не баба. Так переживает, чтобы ему в койке было хорошо, что у него тут же, пардон, падает. Потому что ещё ладно мама-жена на кухне, но в койке с беспокоящейся мамочкой... Как бы ей повежливее намекнуть, чтобы заткнулась... Танька любовью занималась неистово, её приходилось нежно уговаривать открыть глаза... Властно и нежно, чтобы заметить, поймать... Что-то, всегда ускользающее... Таньке плевать было на макияж... А эта в постель ложиться накрашенная, в белье каком-то кружевном. Триста раз извиняется, что побрилась позавчера, и всё смотрит на него, как... Как шлюхи в дешёвом порно! Всё сразу падает. Вот Танька, та, дрянь... При одной мысли о дряни-Таньке уже...

Панин встал и поплёлся на кухню. Открыл холодильник.левой рукой. Достал бутылку ледяной минералки.левой рукой. На мгновение запнулся. Понял, чего не хватает для того, чтобы попить водички. Собственно, правой руки. Которой он, как оказалось, крепко сжимал свой восставший до предела член. Семён Ильич посмотрел на него с ненавистью. И приложил к нему пузатую стеклянную ёмкость, охнув и тихо, кратко, но ёмко ругнувшись. Немного так постоял. Слегка попустило. Панин открутил крышечку, напился воды прямо из бутылки. Закрутил крышечку. Поставил бутылку в холодильник. Захлопнул дверцу. Выключил

свет и вышел из кухни.

Он даже не заметил, что свет на кухне горел, когда он явился туда посреди ночи, голый, крепко зажав кое-что в правой руке. Он даже не заметил, что на кухне сидел кое-кто, читая книгу. Он даже взгляда её не почувствовал, когда она уставилась поверх очков на разыгравшееся перед ней представление. Семён Ильич просто выключил свет и вышел из кухни.

Образцово-показательная чета Паниных. Столько лет – душа в душу. Материальный достаток и трое детей. Старший ушёл к медсестре от жены и новорождённой дочери, а двое младших – чаще в Англии, чем дома. Заботливая и внимательная жена. И прекрасный отец и муж. Муж, который только что принял жену за табуретку.

Варя сидела в темноте и плакала. Но никто этого не услышал. Табуретки тихо плачут в темноте. И никто не видит и не слышит, как плачут табуретки.

Семён Ильич принял холодный душ. Выйдя из душа, взял трубку городского телефона. Набрал номер старшего сына.

– Лёшка, это я... Нет, ничего не случилось. Нет, не на работе. Дома... Бессонница. Да послушай же ты! Не перебивай! Лёшка, к ебням Катю. Ребёнок – это понятно. Это на всю жизнь. Но Катю – к ебням. Квартиру ей оставляй, бабки на ребёнка давай, в зоопарк

дочку води. Что там ещё с детьми делают?.. Живи с той, которую любишь. Никого не любишь – живи один. Чтобы быть свободным к тому моменту, когда встретишь ту, которую полюбишь. Понял?.. Да, блядь! Это очень важно, придурок. В какой угодно час ночи, дня и всей твоей жизни. Считай это моим отцовским завещанием. Мама?.. Мама в порядке. Звонила-плакала-уговаривала? И маму к ебням! Живи своей головой, своим сердцем. Своим телом...

Панин зашёл в свой домашний кабинет, достал из бара бутылку водки. И долго глушил её из горла. Потому что надо сосредоточиться. А чтобы сосредоточиться – надо поспать. Сегодня министр сделал ему предложение. Министры не делают предложений, вообще-то. Так что это можно считать делом решённым. Но надо сосредоточиться и подумать. И посоветоваться с Танькой.

Через пятнадцать минут он крепко спал на кожаном кабинетном диване, замотавшись в колючий плед.

Утром на кухне его как всегда ждал горячий завтрак и горячий кофе с молоком. Он как всегда сказал: «Спасибо большое!» И, как всегда, сказав: «Ну всё, пока, я уехал», – ушёл на работу. Не обратив ни малейшего внимания на Варины распухшие веки и сетку потрескавшихся сосудов на белках глаз. Разве у табуреток есть глаза?

На пятиминутке Мальцевой не было. Жёнушка мини-олигарха написала отказ от ребёнка. К ней прилетела мама с Украины. Кто теперь будет платить за бладную отдельную палату – непонятно. У мамы денег еле на билет хватило, если верить. Впрочем, чего тут не верить – по её прикиду видно, что денег не просто нет – их нет совсем. Это доложил дежурный врач. Никаких особых эксцессов. Сутки как сутки. Не считая, разумеется, ихтиоза арлекина. С которым Ельский возится, как с родным. Из научного, скорее всего, интереса. Было бы неплохо, чтобы ихтиоз умер не здесь, а в детской больнице. Впрочем, и тут никто не придерётся – уж слишком фатальная степень весьма редкой патологии.

– Никто не будет платить. Её муж – знакомый министра.

– Так он уже не её муж! – выкрикнул кто-то из задних рядов.

По залу прошёлся ропот хохоточков неодобрения, но Панин легко стукнул карандашиком по столу – и зал притих.

– Анастасия Евгеньевна, почему вашей заведующей нет на пятиминутке? – спросил Панин у отчитавшейся за дежурство Разовой. Которую хотели отправить домой «по ранению», но она ни в какую не захотела, а своей шишкой даже гордилась. Тем бо-

лее что шишак уже реял в Инстаграме, где пользователь akuser-NA отчиталась об очередном врачебном подвиге. Теперь вот и с членовредительством. Akusher-NA доблестно вырывала беременную из рук мужа-узурпатора, который её колошматил прямо по пузу ногами. За что получила от мужа по голове. Разумеется, застала она эту картину на улице. «Полицейских, когда нужны – днём с огнём, сволочи!» И затем доставляла отбитую у мужа беременную в родильный дом на своей машине. Своей машины у Настеньки не было, но Инстаграму этого знать не положено. Лайков было меньше, чем под изображением с заявлением о бимануальном изнасиловании. «Что за люди?! – сердилась про себя Настя. – На героизм им наплевать и растереть. Им бы только бугогашеньки!» Впрочем, сделала очередные выводы и уже приготовилась настрочить в Фейсбук забавную историю, услышанную сегодня ночью от Поцелуевой. От своего лица, разумеется, настрочить.

От обращения Панина, сказанного как равной, Тыдыбыр вся распустилась от удовольствия, как бутон. В патологии её никто не замечал в упор! А тут сам Панин, великий и могучий начмед, её называет по имени-отчеству. Потому объяснять она стала подробно.

– Она всю ночь в отделении была. Занималась этой, которая родила ихтиоз арлекина. И утром была,

я с ней столкнулась, я из ординаторской вышла, в кабинет только собралась постучать, чтобы на пятиминутку вместе идти, а Татьяна Георгиевна из кабинета выскочила и понеслась галопом в сторону служебного туалета.

– Галопом, точно? Не рысью? У вас же в отделении все нынче иппа... иппанутые! Или как это называется, когда в лошадях разбираются? – опять выкрикнули из заднего ряда. И на сей раз Панин отследил остряка. Это был, разумеется, заведующий гинекологией. Кто себе ещё тут может такое позволить? Хотя все знают, что Мальцева по субботам-воскресеньям с интерном забавляется то верхом, то на спине, сука!

– Ты со своими кобылами разберись, а Таньку – не трогай! – прошипел доцент Матвеев, ткнув заведующего гинекологией локтём в бок.

– Все по рабочим местам! – сказал Панин, и все зашумели, поднимаясь с мест, нетерпеливо дожидаясь, когда первым стремительно покинет конференц-зал начмед.

В дверях заведующего гинекологией нагнал Денисов.

– Ещё раз ляпнешь сальность – и это будет называться «мордобой», – спокойно и внятно сказал интерн, ласково улыбаясь заведующему гинекологией сверху вниз и поигрывая бицепсами.

– Ты в моё отделение носа не сунешь! – прошипел тот в ответ.

– Господин Денисов, у меня сейчас плановая операция. Обыкновенная экстирпация без придатков, ничего военного. Но я был бы вам премного обязан, если бы вы мне проассистировали! – ядовито-саркастично глядя на заведующего, громко обратился Матвеев.

Все, кто это слышал, замерли в немом восторге. Да, Матвеев – известная гнида. Да, Матвеев никогда и никого не щадит. Но Матвеев – спец и мужик! Ну что, твой ход, заведующий! Все немного притормозили, якобы переговариваясь о своём, и... И заведующий гинекологией просто стремительно покинул помещения, просто таки дымясь от злобы.

– Спасибо, Юрий Владимирович, – сказал интерн.

– Иди в оперблок, мойся. Мне протокол лень не только писать, но и диктовать. А ты парень умный и грамотный. Так что ничего личного, просто лень. Я вообще уйду после основного этапа. Мне в онкодиспансер надо подъехать. Закончишь сам.

Никого не насторожил «онкодиспансер» Матвеева. Да и почему он должен был насторожить? Матвеев частенько оперировал и в онкодиспансере.

А Татьяна Георгиевна действительно собиралась на пятиминутку. Уже за дверь вышла. Но... Понеслась в служебный туалет. Где её стошнило. Всё-таки как-

то приличнее блевать в унитаз служебного туалета, а не загаживать собственный умывальник. Отдышавшись и умывшись, она вернулась в кабинет, достала из шкафа упаковку теста на беременность – у Маргоши коробки не все помещались в шкафах, и она попросила временно подержать иные не слишком подотчётные материальные ценности в кабинете у заведующей. И очень хорошо. Мальцева скорее бы поехала в аптеку, чем попросила бы тест на беременность у Марго. Разговоров потом не оберёшься.

И вот теперь она сидела на крышке унитаза и тупо взирала на результат. Точнее, на результаты. Трёх тестов. Ну, потому что надеялась, что первый результат – ложный. Второй – ну мало ли чего... Но на всех трёх новомодного дизайна тестиках ясно высвечивалось окошко с надписью «POS». Татьяна Георгиевна выбросила тесты в мусорную корзину. Но тут же выудила их оттуда и, завернув в бумажное полотенце, положила себе в карман. Надо выкинуть где-нибудь... На другом конце города, блин!

Мальцева, накинув синий халат для выхода, последовала через приём на улицу. Села в свою машину, завела двигатель, закурила... Вынула из кармана свёрток «на выброс» и закинула его в бардачок. Докурила сигарету. Затушила её в пепельнице. Заглушила двигатель. Вышла из машины. И направилась прямо-

ков через главный вход в кабинет профессора Денисенко.

– На месте? – кивнула она на профессорскую дверь, поприветствовав лаборантку «Людочку», пожилую Людмилу Николаевну.

– Да, только как обычно, не в настроении. Никого не пускать, всё такое...

– Понятно, – сказала Татьяна Георгиевна, толкая тяжелую дверь профессорского кабинета. – Елизавета Петровна, можно?

Лаборантка усмехнулась. Дверь за Мальцевой закрылась.

– Елизавета Петровна, – даже не поздоровавшись, начала Татьяна Георгиевна, – я прошу вас перевести интерна Денисова в другое отделение.

Профессор открыла было рот, чтобы... Наверное, чтобы поехидничать вдоволь. Чтобы прочитать мораль. Возможно, чтобы изобразить из себя подружку. Но произнесла только:

– Хорошо, Татьяна Георгиевна.

И произнесла она это нормальным человеческим голосом. Как она вообще ещё помнила, что он у неё есть, и пользоваться не разучилась?!

– Я могу его перевести даже на другую клиническую базу. Если хотите... – добавила она.

– Хочу. Но на другую базу – не надо. Больнице нуж-

ны не только блатные, но и грамотные врачи. Его начмед возьмёт в штат сразу после интернатуры. Просто удалите его из обсервации.

– Договорились.

Вот и весь разговор. Иногда профессор Елизавета Петровна была вполне себе человеком. Потому что это действительно был «весь разговор». Дальше профессорского кабинета эта просьба Мальцевой не вышла.

Не успела Татьяна Георгиевна вернуться к себе в кабинет, чтобы сесть и обмозговать сложившуюся... Сложившуюся что? Ситуацию? Если зиготу называть ситуацией, то... Надо бы уточнить срок. Нет, ну больше не от кого. Только от интерна. С Паниным было ещё в Питере, и после этого месячные приходили. В любом случае, чтобы она ни решила, но Денисова – вон. Не надо портить отличному парню жизнь. Ему нужна светлая девочка, пусть с тараканами. Пусть бешеная, психованная, но – молодая девочка. Такая, какой была сама Танька Мальцева много лет назад. Пока мы тут, в биокостюмах, блин, из плоти и крови – и время, и пространство для нас имеют значение. Прости, Саша, с тобой было очень хорошо. Ты мне очень помог. Особенно в годовщину смерти Матвея. И похоже, что именно тогда...

Звонок внутреннего телефона прервал внутренний

монолог.

– Вас в приёме девчонка ждёт, – доложила Зинаида Тимофеевна. – Та, у которой мамаша с папашей те ещё, – изложила свои соображения санитарка.

Как ни странно, но Мальцева сразу поняла, о ком идёт речь. Только этого ей не хватало, о господи!

– Татьяна Георгиевна! – бросилась к ней шестнадцатилетняя девчонка, жертва группового изнасилования своей же компанией напившихся малолеток. Бросилась как к родной. – Они меня совсем достали. Уже весь двор знает. Они с родителей пацанов деньги требуют. Машину им поменять надо, и мамаша в Тунис хочет поехать, отдохнуть. И шубу себе купить! – И тихо добавила: – А меня теперь со свету сживают... И те, и эти.

– Идём ко мне в кабинет.

Вот что делать с этой Алёной? Послать? Всё равно что больного щенка пнуть.

– Они на меня в машине ещё орать начали. За всё про всё, и за ваши тряпки. Побирושкой обзывали. Проституткой. Зато она меня всё накормить пытается. Я есть вообще не хочу. За айфон меня проклиняет. Кричит, что я деньгам цену не знаю. А эти... Мы же в одном дворе живём, в школе вместе учимся. Я домой не вернусь!

Здрасьте, приехали! И что?

– Алёна, – мягко начала Татьяна Георгиевна. – Я не знаю, чем тебе помочь.

– Но вы же сами дали мне свою визитку! – по щекам Алёны снова заструились слёзы. – А она орёт: «Сними тряпки этой докторши! Ты что, нищая? И свои почему оставила? Ты на них заработала?!» Татьяна Георгиевна, я к ним не вернусь. Куда угодно, только не к ним. Некуда – так я вены себе вскрою!

Так, ну всё. Надо звонить в опеку – и пусть разбираются, лечат... Эта девчонка, может, и несчастная, но уже интуитивная психоэмоциональная шантажистка ещё та!

– Кто тут себе вены вскроет? – в кабинет просунулся рыжий Родин.

– Не ваше дело! – буркнула Алёна.

– Я врач. Если кто-то невдалеке от меня собирается вскрыть себе вены, я должен стоять наготове со жгутом и дюжим санитаром. Татьяна Георгиевна, – обратился Родин к Мальцевой. – Я, собственно говоря, просто мимо проходил. Поздороваться. Это та Алёна, о родителях которой всё никак не может успокоиться наша доблестная Зинаида Тимофеевна?

– Да, – коротко ответила Мальцева. – И да, я ей сама дала свои координаты, и я сама же понятия не имею, как ей помочь.

– Здоровая деваха уже, Алёна! Шантажируешь чу-

жих тётенок своими венами. Ай-яй-яй! Я тут сейчас к одному товарищу еду. Хочешь со мной?

– Куда ещё с вами?

– А к священнику.

– Делать больше нечего, к попам кататься. Все попы – гниды! – безапелляционно отрезала Алёна.

– Ну, у Татьяны Георгиевны ты всё равно болтаться не можешь. А со мной на джипе за город смотаешься – развеешься. Гнида так гнида. Просто весенним воздухом подышишь, раз уж школу филонишь и делать тебе нечего.

Мальцева с некоторым даже опасливым удивлением смотрела на Родина.

– Сергей Станиславович... Ей всего шестнадцать. Родители у неё... – Она замолчала.

– Да-да, всем известный педофил доктор Родин. Но Алёна для меня уже пристаркуватая. Ей же уже целых шестнадцать! Она уже хочет уйти из дому! Правда, понятия не имеет, куда и что делать. И единственный у неё друг теперь, получается, Татьяна Георгиевна Мальцева. Алёна, предлагаю тебе свою дружбу. И теперь у тебя будет аж двое друзей, которые понятия не имеют, что с тобой делать. Но я качусь за город встретиться со старым товарищем.

– Вы же говорили – к священнику?!

– А священник не может быть старым товарищем?

– Ладно, поехали! – таким тоном, как будто оказывает Родину огромное одолжение, согласилась Алёна Каростышко.

– Большое чёрное корыто у главного входа – моё, – Сергей Станиславович достал из кармана ключи и протянул незнакомой ему девчонке. – Пикнешь – двери и откроются. Иди, садись, жди. Через пять минут буду. Давай. Мне с Татьяной Георгиевной по рабочим делам надо переговорить! – И Родин вытолкнул девочку за дверь.

– Спасибо, Сергей Станиславович! – выдохнула Татьяна Георгиевна. – Я совершенно не понимаю, что мне с ней делать и как теперь от неё избавиться. Детей у меня нет... Что мне её теперь, поганой метлой гнать? Ну, сегодня вы её прокатите, а завтра, не дай бог, снова припрётся? Тогда что, в милицию звонить?

– Не припрётся. Сейчас ей мой кореш мозги промотет. Я, помнится, вас с ним познакомить обещал, но всё как-то не складывается... Вы как в будущую субботу?

– Да пока вроде никак. Если в родильном доме никаких форс-мажоров.

Честно говоря, она как раз собиралась отсиживать в следующую субботу в родильном доме. Потому что всё. Нельзя! Фу, Татьяна Георгиевна! Нельзя портить парню жизнь!

– Ну тогда записываю! Я, Засоскина, вы, мой поп-

гнида, шашлык-машлык и прочий оупен-эйр. Оксанка обещает хорошую погоду наколдовать.

– Но вы... Вы осторожней с Алёной этой. Я её не знаю. Вы – так вообще первый раз видите.

– Ой, Татьяна Георгиевна! Перестаньте! – обезоруживающе улыбнулся Родин. – Я люблю девочек. В хорошем смысле слова! – тут же оговорился он. И сам рассмеялся. – Блин, что за вывернутый мир, а? Скоро уже даже слово «библиофил» будет опасно вслух произнести. У меня старшая дочь возраста этой Алёны. Ну и вообще, лучше довериться и ошибиться, чем вообще никогда и никому не доверять. В общем, я не боюсь шестнадцатилетних девочек. А мой старый товарищ вообще ничего и никого не боится. А уж как он умеет из депрессий вытягивать... Он на свои бабки центр помощи подросткам организовал. Всё лицензионно. Всё по профилю. Всё нынче под эгидой и так далее. Он же у меня по второму образованию психолог.

– А что, попам разрешают получать второе образование? Им разве, если семинарию окончил и в сан вступил, что-то можно?

– Ну, семинария – это у него третье образование. А первое, так сказать, образование у него, голубушка, эрвэвэдэкэу!

– Как?

– Рязанское высшее воздушно-десантное команд-

ное училище имени того самого дяди Васи Маргелова.

– Да уж... Забавный образовательный набор.

– И не говорите, Татьяна Георгиевна, и не говорите! Все мы, в общем-то, прыгаем по жизни персонажами комедии дель арте, кто с парашютом, а кто и в клоунском колпаке. И как ни старайся стать чуть умнее, чуть изворотливее и ловчее, все мы совершаем глупости слишком часто. И слишком тяжело их потом исправлять. И самой популярной маской итальянского площадного театра по сей день остаётся Арлекин. Хм... Не слишком удачная шутка. Учитывая... – Родин помахал ручкой в сторону отделения. – Кстати, надо бы уточнить, кто эту патологию «ихтиозом арлекина» обозвал? Тот монах, что ещё в восемнадцатом веке детально описал? Или тот английский дерматолог, что исследовал? Интересно... Приятного вам дня, Татьяна Георгиевна. Вернусь – доложу, что с вашей девчонкой.

– Она не моя! – поспешила вставить Мальцева.

– Да все мы – ничьи. И никому нет ни до кого никакого дела. И всем есть дело до всех. Причём – одновременно! Таковы законы жанра!

– Какого ещё жанра, Сергей Станиславович? – устало выдохнула Татьяна Георгиевна.

– Того самого, госпожа Мальцева, того самого. Трагикомедии.

Кадр тридцать пятый

Что-то не так

Прошло две недели. Профессор Елизавета Петровна не сдала. В смысле – не сказала интерну Денисову, по чьей просьбе он «ротирован». По учебному плану! Потому что профессор распорядилась! Вопросы есть?! Нет? Топайте в гинекологию.

В гинекологию Александр Вячеславович «потопал» охотно. Он относился к тому самому типу мужчин, которых трудности лишь распалаяют. Но распалаяют не безумно. Не так, чтобы моментально впустую прогореть со свистом, изрыгнув сноп искр и никого не согрев. Разумеется, он регулярно заходил в родильный дом. И несколько раз даже ассистировал Татьяне Георгиевне на urgentных ночных операциях. Но она так умело сворачивала общение, пользуясь своим административным статусом, занятостью и постоянным присутствием персонала, что вроде как пока самым естественным образом получалось, что никак... не получалось. Мужчины в этом смысле куда здоровее женщин на голову. «Занята» – для мужчин означает вовсе не то же самое, что для женщин – «занят». Для женщины – это экзистенциальный ужас. Значит – не

нужна. Нашёл другую. «Милая, ехали с Леной, попал в аварию, поломал руки-ноги, лежу в Склифе, сообщение тебе пишет медсестра, срочно приезжай!» – «Кто такая Лена?» И т. д. Это – женское. Если женщина говорит мужчине, что она занята, то он, скорее всего, именно так это и воспримет: занята. Особенно если она действительно занята, и достаточно часто у него на глазах. О том, что у Панина новая любовница – знали все. В том числе Денисов. Все, разумеется, сплетничали. Кто жалел Мальцеву, кто говорил: «Так ей и надо!» А Денисов был счастлив. Денисов знал, что некий Волков Иван Спиридонович уже давно отправлен в отставку, хотя и продолжает изредка позванивать. Александра Вячеславовича устраивало, как развивались события. Горизонт очистился от соперников. Женщина действительно занята, а что они уже две недели не выезжали за город – так сложилась обстановка. Мужчины больше верят женщинам на слово, чем женщины – мужчинам. Мужчины меньше знают о женщинах, чем женщины – о мужчинах. Мальцевой не хотелось гнать его как-то грубо. Она боялась его обидеть. Само на нет сойдёт... У молодых всё быстро проходит. Наверное... Тут она снова вспоминала, сколько лет было Матвею, когда они встретились. Не говоря уже о том, сколько было Панину – с этим вообще, считай, детьми познакомились.

Быстро прошло? Да. Кстати, да. Жизнь вообще быстро проходит.

В общем, любой знает, что когда трудно на что-то решиться – надо отложить дело в долгий ящик, и решится само. Или не решится. Ну, не решится – полезешь в долгий ящик, нашаришь искомое и будешь решать.

Вот и сейчас, как только Денисов возник на пороге её кабинета, буквально вслед за ним внеслась Маргарита Андреевна и, едва кивнув Александру Вячеславовичу, с возмущением протараторила в Мальцеву:

– Баба поступила. Из ЦРБ!

– Знаю. Тыдыбыр принимает. На первый этаж.

– Ты видела эту бабу?!

– На обходе увижу. Что-то срочное?

– Ничего срочного. Только у неё рука – в шине из картона.

– Из картона? Так она вроде же не в родах? Почему её тогда «Скорая» не в главный корпус, не в травматологию повезла?

– «Скорая» её из травматологии и доставила. Из травматологии ЦРБ.

– «Скорая» ещё не уехала? – уточнила Татьяна Георгиевна, поднимаясь и выходя из кабинета.

Вот и хорошо. Вот, дорогой Денисов, как бы ты мне ни нравился, а топай по своим делам. У меня тут –

видишь? – своих по горло.

В приёмном покое на стульчике сидела молоденькая тощая девчонка. На вид – моложе той шестнадцатилетней Алёны Каростышко. И действительно – на руке у неё была шина из картона, подвязанная обрывком грязного бинта. У тощей девчонки был приличный живот, недель эдак на тридцать восемь-тридцать девять. Ну, тогда понятно, что травма отказывается её госпитализировать. Но не лечить же! Гипс они наложить обязаны!

Анастасия Евгеньева Разова разговаривала со словоохотливым врачом «Скорой» с уездной подстанции.

– Вот, Татьяна Георгиевна! Объясняю доктору, что мы её в таком состоянии не можем госпитализировать. Тут сперва травматологи нужны.

– Да ну что вы тут формализмом страдаете?! – громко, но добродушно возмутился врач «Скорой». – Забирайте её и вызывайте травматолога на себя! У вас ему – по подвалу перейти! А у нас в ЦРБ... – Врач «Скорой» только махнул рукой. – У нас даже рентген нельзя сделать!

– Рентген-то почему нельзя? Свинцового фартука нет?

– Рентгеновского аппарата нет!

И словоохотливый доктор рассказал, что дела у них в центральной районной больнице действитель-

но плохи. И не только в отделении травматологии, куда забыли поставить гипс. Даже гипс. Вообще всё забыли поставить. А рентгеновский аппарат уже полгода как сломался. Его сперва собирались заменить. Потому что он ещё при Царе Горохе старым был. Но бюджетных средств не нашлось. Аппарат решили чинить. Вызванный из Москвы сервисный инженер пришёл в ужас. В основном из-за того, что данная модель рентгеновского аппарата была известна ему только из курса истории медицинской инженерии. И чем, и как его «починять» – он понятия не имел. А поскольку рентген-аппарата не было, то и гипс в отделение перестали закупать. Ну, кому нужен гипс, если нет рентгеновского аппарата? Нет ножек – нет печенья. Но отделение не закрыли. При нём же – травмпункт! Вот беременная, таская воду из колодца, на весеннем льду поскользнулась – и ага! А что в самом травмпункте, что в отделении из медикаментов и оборудования – пенсионер и начинающий сидят в давно условно белых халатах, в «очко» режутся. Шанс прикидывают. На то, как скоро о них вспомнят. Чтобы закрыть. Слухи-то уже давно ходят. Зарплату – такую, что не то что вслух сказать, а даже подумать эту цифру смешно – уже давно не платят. Не самое дальнее Подмосковье, кстати. Но в Москве висят плакаты про необходимость постройки новых клиник, инновационных цен-

тров и университетских городков. А в каких-то семидесяти километрах от последнего плаката у травматологов в углу – порезанные коробки из продуктовой придорожной лавки стоят. Придорожная лавка – спонсор и благотворитель уездного травмпункта и отделения травматологии ЦРБ, существующих уже только на бумаге. Да и там существовать они будут уже недолго.

– А зачем вы воду из колодца носили? – удивлённо уточнила Анастасия Евгеньевна у тощенькой девочки. – Вам отключили за неуплату?

Тут врач «Скорой» расхохотался.

– Им её и не включали никогда. Вы что, никогда в русской деревне не бывали?

– Бывала... Ну, проездом, – застеснялась Настенька.

– В общем, так, – завершил доктор свой рассказ, – шину из картона ещё можно сделать. А вот рентген-аппарат из картона не соберёшь. А бензина нам её мужик налил. Он в гараже работает – достал. Мы её к вам и привезли, вы сегодня по нашей части области дежурные.

– Ладно, давайте ваши бумажки, подпишу!

Ей стало жалко эту несчастную бабу – всё-таки глаз у Маргариты Андреевны был намётан – далеко не девочка, просто очень тощая, сухая. Тридцать три. Беременность седьмая. Роды третьи.

– Седьмая?! – воскликнула Тыдыбыр. – Что же вы не предохраняетесь?!

– Они предохраняются, – загоготал врач «Скорой». – В бане шкафы двигают под стаканом самогона.

– Что-то... Что-то не так! – растерянно-искренне пробормотала Настенька Разова, дитя века высокотехнологичных гаджетов, бывавшая в русской деревне «проездом».

Тут уже и Марго засмеялась. И Мальцева еле улыбку сдержала. И даже бабёнка прыснула – скорее за компанию. Хотя над чем смеяться-то, когда плакать надо? Плакать, впрочем, всё равно не конструктивно.

И в этот же день чэпэ случилось и у них, в хорошо обеспеченной, не самой плохой московской больнице. На столе у одного из асов современной хирургии, у человека с мировым именем, стоявшего у истоков отечественной трансплантологии, на столе умер пациент. Молодой парень двадцати семи лет. Ровесник Настеньки Разовой. Умер во время операции трансплантации сердца. Умер из-за... шовного материала. Светило зашивало аорту. Счёт, как и всегда, шёл на секунды. И руки в эти секунды отечественное светило никогда не подводили. И вдруг у него в этих самых золотейших руках порвалась нить. Обложенная матами операционная сестра подала другую. Порва-

лась и эта. Срочно подняли всех в ружьё, но пока врачи рылись в личных запасах в поисках более качественного материала, парень умер. Светило рычало, как раненый вепрь. Светило подняло на ноги всех и вся. Светило выяснило, что нити, которые подвели в операционной, были куплены по самой низкой цене по тендеру, в полном соответствии с нынешними законами, подзаконными актами и министерскими приказами. Поставщик предложил низкую цену – и привет. Сэкономили. Поставщику по барабану, лишь бы купили. А чиновники от медицины, желающие и бюджет попилить, и функционирование больниц при этом как-то обеспечить, не учли массу требований к шовному материалу, используемому при операциях на открытом сердце и в трансплантологии. Например: хирургические нити должны быть одной толщины с иглами. Если нить тоньше – кровь из аорты начинает выходить под давлением. Именно «выходить», а не «сочиться». Это же аорта, мать-мать-мать! «В стране полным ходом идёт реформа здравоохранения!» – саркастически заявило светило на немедленно собранной им пресс-конференции. Фигурой он был видной, и СМИ сам себе обеспечил. «И в результате проводимых в отечественной медицине реформ жизнь человека стала в буквальном смысле висеть на нити. На некачественной, несоответствующей требова-

ниям и стандартам нити. В то время как в кабинете министра здравоохранения стоит мебель, стоимостью с орбитальную станцию. Я приношу мои соболезнавания семье умершего на столе мальчика, я скорблю вместе с ними. Простите меня, что я не взял с собой ампулу своего собственного материала. Я – старый мудак!» – завершил свою речь академик. В вышедших теле-, радио и газетных интервью было, конечно же, вот так: «“Я приношу мои соболезнавания семье умершего” – такими словами завершил свою речь академик». Ну и яростные маты-перематы порезали, и сарказм обчикрыжили. Цензуры у нас, как известно, нет. И это правда. Нет у иной чиновничьей братии внутреннего цензора. Бесконтрольны их деяния.

В больничке все ходили прихлопнутые. Начиная с главного врача. Которого светило чуть не поколотило. Хотя и понимало, что главный врач тут тоже всего лишь жертва. Но академик-то обещал матери парня, что всё будет хорошо. Раз уж нашли донорское сердце. Но... «Так ведь и донорское сердце к хуям пропало!» – орал академик в кабинете у главного, и эхо разносилось, казалось, не только по холлу главного корпуса, не только по всей больничке, но и грохотало над всей Москвой, над городами и весями, где шины накладывают из картона, а предохраняются абортами. Жаль, что только казалось...

Что-то явно было не так.

То немногое, что оставалось «таким» и нравилось Татьяне Георгиевне – её собственная беременность (доставлявшая ей кучу хлопот и ненужных лишних мыслей, но приятная ей как состояние, хотя она уговаривала себя, что ещё ничего окончательно не решено); и православный священник, оказавшийся агностиком, с которым она неожиданно сдружилась. Как можно не сдружиться со священником-агностиком? А со священником, который ходит в ботинках швейцарских лесорубов, размахивая дымящей сигаретой, рассуждает о том, что «Марсельезу»-то спёрли из оперы оболганного Сальери, а девчонку Алёну пристрастил к парашютному спорту?

– Понимаешь, она типичный ярко выраженный истерик. Такая же, как её мамаша, – говорил он Татьяне Георгиевне, с которой они моментально-обоюд-но перешли на «ты» в тот самый «шашлычный оупенэйр». – Потенциал превратиться в функциональную единицу войскового подразделения «мохеровые береты» у неё огромен. Потому ей просто надо сбрасывать «дурную химию». Адреналин. И тогда будет шанс. А сил на срач с самыми обыкновенными для большинства населения планеты родителями оставаться вовсе не будет. Как бы и что бы ни несло про «нашу страну», и насколько бы на самом деле спра-

ведливыми утверждения про социальную несправедливость ни являлись, проблема «сварливых няnek» – она общепланетарная. Те, кто должны бы любить нас как друзья, чаще всего просто кормят, одевают и в меру своих интеллектуальных и душевных возможностей воспитывают нас. А интеллектуальные и тем более душевные возможности не у всех, знаешь ли... Ну, ты знаешь! – рассмеялся он. – Ты беременная, – резко и без переходов огорошил он Мальцеву. Интонация была утвердительной.

– С чего ты взял?! – удивилась она, затушив сигарету в пепельнице, брендированной символикой ВДВ.

Они сидели не на таком уж далёком Юго-Западе Московской области, в уютном небольшом домике священника, расположенного на подворье захудалой сельской церквушки. Во дворе Родин, Поцелуева, дочь Поцелуевой и одна из дочерей Родина гоняли по весенней жиже в футбол.

– Серый, скотина, меня персонажем сделал. Хорошо я хоть телевизор не смотрю, – сказал священник, глядя в окно.

– Андрей, с чего ты взял, что я беременная? Я же курю!

– Я тоже, – усмехнулся священник. – Я ещё и в бога не верю, кстати. Как в антропоморфную сущность. И в Иисуса нашего Христа не верю... Нет, я уверен, что

среди множества распятых на крестах действительно был малахольный харизматик, которому, как и множеству других малахольных харизматиков, в тряпки рвало душу и сердце от того, что всё многое и многое явно не так. Он был неплохим оратором и, скорее всего, обладал даром внушения. Лидер. И существующая на тот момент общественно-политическая ситуация...

– Андрей!

– Да пальцем в небо ткнул! – рассмеялся он.

Мальцева смотрела на него в упор, не давая свести всё к шутке.

– По лицам умею читать.

– Да ты меня первый раз в жизни видишь!

– Ну и что? Если я умею читать, то книга, которую я вижу первый раз в жизни, вполне мне по зубам. Ты – беременная. У женщины появляется особенный свет в глазах, когда она в положении.

– Лихорадочный гормональный блеск.

– Можно и так назвать.

– Именно так он и называется. Но! Может быть, я на кокаине сижу. Или не спала трое суток.

– И не пошла гонять в футбол, и мы с тобой болтаем, пока остальные резвятся в грязи.

– Не люблю резвиться в грязи.

– И то, что ты так долго настаиваешь на обратном, хотя будь ты не беременная, ты бы сказала: «Пфуй!

О боже, нет!» – и мы бы с тобой уже давно болтали о чём-то другом.

– Тебя дешёвым психологическим разводкам на факультете психологии обучили или в духовной семинарии?

– В глянцевом журнале прочитал. Хочешь вина?

– Давай.

Они болтали до самого вечера, пока Родин, Поцелуева и девчонки гоняли в лес за подснежниками, готовили шашлык, накрывали на стол и создавали прочий фоновый уютный бытийный шум. Но Татьяне Георгиевне так и не удалось вытрусить из этого не слишком похожего на священника... священника его анамнез. Зато свой она вывалила на него от и до.

– Оставлять мне беременность или нет?

– Уверен, ты знаешь ответ. Хотя обыкновенно таким тугодумкам, как ты, подсказывают.

– Кто подсказывает? Бог? Ты же в него не веришь!

– Конь в пальто! Всё подсказывает. И ничего – тоже подсказывает.

– Андрей, ты бредишь!

– Да я вообще больной на голову! – рассмеялся священник. – Я совершил столько сверхдальних затяжных, что здоровым на голову я остаться просто не мог! Пошли есть, не то друзья на нас уже косо смотрят. Подозревают, что у нас созревает роман, – под-

мигнул он Татьяне Георгиевне.

– Тебе ж нельзя! – рассмеялась она.

– Я не католический священник!

– Охальник! – шутливо отфутболила Мальцева.

– У тебя девочка.

– Ага. Вероятность попадания твоего «предсказания» в цель – пятьдесят процентов. Не так уж и мало. Но если ты попадёшь, я уверю...

– Терпеть не могу слово «уверю». Я предпочитаю слово «вера». Уверование предполагает «и тогда» – то есть доказательства. Вера же в доказательствах не нуждается. Ты или веришь, или не веришь.

– Во что? В кого?! – чуть не выкрикнула Татьяна Георгиевна.

– Тихо-тихо, Тань... Во всё. В ничего. В любовь...

– Это банальности.

– Вера в банальности – отличная вера!

– Танька, Андрей! Садитесь жрать, пожалуйста! – подскочила к ним Поцелуева и чуть не пинками загнала за стол.

Давно Мальцева так не отдыхала. Почему-то отдых у неё всё больше был сопряжён или с одиночеством, или с мужчинами. И в этом явно было что-то не так. А отдых в компании друзей оказался именно тем, что было ей необходимо.

– Слушай, ну а как же мне поступить с этим парнем,

Денисовым, а? Это его ребёнок. И как-то несправедливо...

– Э, не-не. Я не даю инструкций. Права такого не имею. И советов не даю, дорогая Татьяна Георгиевна! – священник поцеловал ей руку на прощание. Оксана Анатольевна уже нетерпеливо бибикала. – Со всем разгребаться тебе самой. Я одно тебе могу сказать: в тот момент, когда Адам сожрал яблоко – мужчины утратили право принимать решения.

Много было ужасного «что-то не так». Например, то, что у доцента Матвеева диагностировали рак мочевого пузыря. Нет-нет, рак мочевого пузыря встречается довольно часто и занимает одиннадцатое место по частоте возникновения среди злокачественных опухолей. А у мужчин он встречается в четыре раза чаще, чем у женщин, что связано с анатомо-функциональными особенностями мужских мочевых путей. Но вот в том, что его диагностировали у доцента Матвеева, было что-то не так. Он не работал ни в резиновой, ни в газовой, ни в химической, ни в скобяной промышленности. У него никогда не было ни острых, ни хронических заболеваний мочевых путей. И он, в отличие от Аркадия Петровича Святогорского, не находился длительное время в африканских странах, где мог бы подцепить шистосомоз или какую другую паразитарную или гельминтозную инвазию. И вируса па-

пилломы человека у него не было. И уж чего у него не было – так это ещё одного «фактора риска развития рака мочевого пузыря»: ожирения. Всю жизнь он был скорее тощ, подтянут и походил на хорошо подсушенного олимпийца-легкоатлета на пенсии. Что до курения – так к какому только раку курение не привязывают. Тогда уже и уровень загазованности мегаполисов, и вообще экологию надо привязать к каждой злокачественной опухоли. Рак? Ты родился на планете Земля, браток! Чего ты ещё хотел? Сто процентов людей, пивших некогда исключительно чистую родниковую воду – умерли. Логический вывод очевиден: употребление чистой родниковой воды в ста процентах случаев ведёт к смерти и, соответственно, является фактором риска возникновения всего того, от чего можно умереть. От жизни как таковой. Это тем более логично, что вода таки некоторым образом является причиной возникновения жизни. Так что вредно курить. И пить тоже вредно. В том числе – воду. Мы умираем и от неё.

Самое ужасное «что-то не так» было в том, что рак Матвеева был пойман не на этапе слизистой оболочки мочевого пузыря, когда ещё можно было бы говорить о радикальном оперативном вмешательстве. И не на этапе прорастания в мышечный слой и окружающие мочевой пузырь ткани – когда бы ещё мож-

но было говорить об операциях паллиативных, радиологии и химиотерапии, о выживании и улучшении качества жизни. Нет. Рак уже пророс предстательную железу и метастазировал не только в близлежащие лимфатические узлы, но и в отдалённые органы. Юрий Владимирович в последнее время имел кое-какие проблемы с пищеварением и обильно заливал изжогу содой. Рак мочевого пузыря долбанул этого сильного и яркого мужчину просто-таки молотом по голове. Он шёл лечить гастрит. Ну, может, язву... У него не было никаких дизурических явлений! И меньше всего он был готов к раку. К раку мочевого пузыря в четвёртой стадии. Но он был настоящим мужчиной. И никто не узнал, что с ним что-то не так, пока не был поставлен окончательный диагноз. Читай: смертный приговор. С неясной, но близкой датой приведения в исполнение. Юрий Валидмирович сперва привёл в порядок все имущественные и семейные дела. И только потом пошёл к Панину – сообщить о госпитализации в онкодиспансер. Потому что сдаваться он всё равно не собирался. Матвеев собирался прожить всё максимально ему отмеренное. Даже если придётся переносить все ужасы «апелляций» к смерти в виде убивающих не только рак (включите логику!) химио– и лучевых терапий.

– Блин, Сёма! Только без лишнего шума, я тебя

прошу! – строго сказал он старому другу и коллеге. – Меньше всего я хочу, чтобы кто-нибудь вроде профессора Денисенко сладострастно упивался жалостью ко мне. Я вкусно и красиво жил. Умирать мне будет забавно. В компании бывших жён и красивых успешных детей. Аминь.

И безусловно, очень «что-то не так» было в том, что у Светланы Борисовны Маковенко оказался... вагинизм. Так что старой девой и нервной «серой мышью» и «липкой крысой» она была не по своей вине. Совсем в детстве – ей было двенадцать лет – её попытался изнасиловать родной дядя-алкаш. Алкаш и псих. Его как раз выписали из очередной психушки. Жили они все вместе. Бабушка-дедушка, мама-папа, Светочка и дядя псих-алкаш. Никого не было дома, кроме дяди. Светочка пришла из школы, и... И хорошо, что вовремя вернулась бабушка с работы. Она с размаху треснула дядю-алкаша стоявшей в прихожей хоккейной клюшкой. И Светочка с бабушкой постановили никому и никогда не говорить о случившемся. Дядя-алкаш скоро погиб. Его сбила машина, скрывшаяся с места ДТП. А Светочка так и жила с этой страшной психоземotionalной травмой, которую из неё таки вытрусил Аркадий Петрович Святогорский. Он Светлане Борисовне душу наизнанку вывернул – но докопался. И нашёл ей отличных специалистов в больнице на

другом конце города. Святогорский и Маковенко постановили никому и никогда...

– Света! Ты что – дура?! Нет, ты дура, если ты столько лет с этим живёшь. Но Святогорский сливает всем только тайны и загадки вселенной. А «склеивание» твоей вагины – проблема, уж прости, только и только твоя! Кстати, ничего в этом постыдного нет! Сама мне тут плакала, что в медицинский чуть ли не из-за этого поступила, чтобы узнать, как лечится, и? Будь проще! «Постыдных болячек» не бывает. Есть болезни из-за любви. Есть – из-за глупости. А есть – потому что есть. Вагинизм – и вовсе не болезнь. А психологическая проблема.

На следующий день Светлана Борисовна пришла на работу с вымытой головой. И хорошо одетая. И ни с кем не кокетничала жалко-заискивающе, как это было для неё обыкновенно-характерно. И ни на кого из молодых интернов мужского пола не напускалась с поучениями а-ля директор женской гимназии. Как делала это прежде. Она хорошо выглядела. И была спокойна.

– Что это с ней? – спросила у Святогорского Маргарита Андреевна. – Неужели мужик, наконец, завёлся?

– Может, настроение хорошее? Иногда, чтобы хорошо выглядеть и быть спокойной, достаточно хорошего настроения. Чего тебе мужики везде мерещатся?! –

пробурчал Аркадий Петрович. И нежно добавил, глядя на Маргошу: – Блядь ты эдакая! Ты там в Колорадо, смотри, не балуй!

– Ой, до того Колорадо ещё дожить надо! Мне ещё даже дату собеседования в посольстве не назначили! И вообще, я не знаю, на кой мне это всё...

Маргариту Андреевну главное было – вовремя переключить.

И, конечно же, что-то явно не так было в том, что Татьяна Георгиевна не могла определиться: прерывать беременность или нет? Зачат ребёнок был с интерном, на конюшне, в очередную годовщину смерти Матвея. Спьяну и в бессознательном состоянии. Да ещё и на фоне галлюцинаций. Это к доктору не ходи. С другой стороны – что делать с глюком, во время которого ей было сказано: «Оставь!» Это было про что «оставь!»? Про оставь сомненья, всяк сюда входящий? Или это было какое-то текущее, банально-бытийное «оставь!»? Если отвлечься от того, что это был самый обыкновенный глюк на фоне транзиторных коллаптоидных событий в сосудах головного мозга. А все эти дурацкие «всё» и «ничего» – тоже не более чем биохимия и нейрофизиология. А биохимия и нейрофизиология – они что? Они – всё для человека. А что тогда для человека «ничего»? Окончание срока эксплуатации биохимии и нейрофизиологии? И

неужто мы призваны в мир лишь для того, чтобы создать новую биохимию с нейрофизиологией? Но мы что же тогда? Тамагочи? «Покорми меня», «погладь меня», «я покакал»... Кто мы? Кто бы и что бы мы ни были, в нас что-то явно не так.

Кадр тридцать шестой

Делёж

Не в добрый час придумала Настенька Разова историю своей шишки для Сети. Сказано же, что на земле – то и на небесах. Заказывали трешак – получите и распишитесь. И не то страшно, что Тыдыбыр действительно получил по крепкой балде, а что реальность страшнее самой, казалось бы, страшной выдумки.

Была суббота, и Анастасия Евгеньевна пошла в сетевую обитель гамбургеров, чизбургеров, пирожков с вишней, жареной картошки и куриных кусочков – рай для фастфудных обжор. Она редко позволяла себе эту радость. Не чаще раза в год. Ну, иногда чаще... Иногда – раз в месяц. И всегда делала это тайно. Потому что любимая мамочка не позволяла обожаемой доченьке лопать «макдосятину». Не столько из-за фигуры, сколько из-за маминой веры в то, что туда подсыплют синтетический «ожирин» и всякие страшные для здоровья «вещества». Настина мама была женщиной образованной. Но тем не менее открещивалась, как от чёрта, от аббревиатуры ГМО, при этом веря в целительную силу БАД'ов. А ещё они с Настенькой сидели на «похудательном чае», который ни разу

не способствует похудению, а вот поносу до пекущих болей в анусе и нездоровому обезвоживанию – как с добрым утром. И обе Разовы – и старшая и младшая – были врачами. Мама – терапевтом. Настенька – и во все акушером-гинекологом. Так что какая уж тут поголовная грамотность масс населения, когда иные врачи... Как-то так, в общем.

Настенька присела со своим до отвала заполненным подносом невдалеке от «детского уголка», где праздновался малышовой день рождения. Она предвкушала пир, и ей было всё равно, что вокруг неё происходит. Слава богу, что вообще был свободный столик в субботу. Сейчас она налопается до состояния «умри, грусть!» – и её, конечно же, сразу настигнут муки совести. Ещё неделю она будет костерить себя последними словами и удивляться собственной безвольности. Но это всё будет потом, после. А сейчас Настенька испытывала вожделение на грани с половым. Она вдыхала запах фастфуда, как иные втягивают запах любимого человека. Все ароматы этой забегаловки, включая дух половой щётки и тяжкий духман дешёвой пищи, смешанные с ароматами, доносящимися из туалета (физиологические отправления, помноженные на ароматизированную брендовую хлорку), вставляли её ничуть не меньше, чем вставляет иных запах любимого тела, помноженный на дезодо-

рант и одеколон, предпочитаемый любимым телом.

Настя впилась зубами в бутерброд и даже не заметила, как попутно прикусила и картонную упаковку. Как не замечают в пылу страсти порванный лифчик, вырванный локон и прикушенную до крови губу. Настя была в предпиковой фазе плотского наслаждения. Эндорфины уже пошли в кровь, и...

И тут грубая реальность отвлекла Настеньку Разову от эрзаца удовлетворения. Резко и пронзительно закричал ребёнок. Это был крик ужаса и отчаяния. Настя швырнула надкушенный бутерброд обратно на поднос и вскочила на ноги.

В детском уголке мужчина и женщина колотили другую женщину. Беременную. Кричали все дети. Но девочка-именница, сидевшая во главе стола, кричала громче всех.

– Бабуля! Папочка!! – истошно верещала она, захлёбываясь. – Не бейте мамочку!!!

Перепуганные сотрудники сетевой забегаловки застыли, не зная, как себя вести. Дети разбежались в разные стороны, забывая прихватить свои цветастые пальтишки и пуховички. Именница бросилась к взрослым. Вместе с ней какой-то рефлекторный импульс подбросил к дерущимся и Настеньку Разову. Наверное, потому что она увидела не драку, а избиение. Избиение беременной женщины. Мужчина –

сильный молодой мужчина – уже повалил женщину с огромным животом на пол. Женщина – выглядящая как вполне приличная и обеспеченная пожилая женщина – мутузила беременную по голове, вырывая ей волосы и расцарапывая лицо. А мужик занёс ногу для удара. По животу. И хотя принято описывать подобные события, используя приёмы: «Как в замедленной съёмке...», но реальность не предполагает замедленности. Как раз наоборот – обострения восприятия и ускорения реакций. И Настенька Разова, как голкипер, от которого зависит исход матча чемпионата мира по футболу, мощно подбросила своё тело и накрыла беременную собой. Или, точнее будет сказать, тело швырнуло свою Настеньку Разову. Благо исходный фон был создан: это самое тело было нашпиговано «химией счастья», из-за которой в теле начинает плескаться эйфория, в состоянии которой тело готово к любым безумствам. В том числе – подвигу. Подвиг – это безумство. И не обязательно – храбрых.

И мужчина, готовящийся пнуть беременную женщину по животу ботинком, хорошо так впиндюрил этим самым ботинком Настеньке Разовой по её буйной светлой кудрявой головушке. Слава богам, он был отнюдь не кик-боксёр, потому удар получился смазанный. Настин череп снова устоял. Да и густая блондинистая грива, где каждый толстый волос был за-

мысловато спирально извитым, – спружинила. Настя даже не сразу поняла, что это очень больно – когда тебя молотят по голове. С кафелем операционной она встретилась, уже будучи без сознания. А сейчас ей показалось, что ей на башку шлёпнулось бетонное перекрытие. Она успела подумать, а как же бокс?.. А как же кино, где все молотят друг друга и тут же вскакивают и бегут, как новенькие? И отрубилась. Благо к тому моменту сотрудники уже разморозились, стали оттягивать мужика и бабу от беременной. А менеджер вызвала полицию, которая прибыла, надо отдать должное, моментально. И «Скорую», которая прибыла ненамного позже. Всё-таки вызов был не куда-нибудь, а на детский утренник, и подстанция находилась близко. Настя уже пришла в себя и, прижав к голове столбик круглых мясных лепёшек, добытых, судя по их состоянию, прямо из вечной мерзлоты, любезно предоставленных ей сотрудниками сетевой едальни, сидела в «Скорой» рядом с беременной. Она уже предъявила коллегам удостоверение врача своей больницы. И туда беременную, находящуюся в практически бессознательном состоянии, уже и катили.

– Сабина! Где Сабина?! Где Сабина?! – бормотала спасённая потерпевшая. Но тут у неё резко повысилось давление и начались судороги.

– Эклампсия! Интубируйте! Лейте! – закричала Настенька коллегам, подскочив и долбанувшись обо что-то головой. – О, мой бог! – простонала Настя.

Фирменные пакеты с напакованной в спешке – по распоряжению менеджера – Настиной едой, она оставила коллегам из «Скорой».

– Ургентный звонок! – заорала Настя, втопив кнопку этого самого звонка до упора.

В роддоме не было ни Мальцевой, ни Панина, ни Родина, ни Поцелуевой. Мобильные не отвечали. В обсервации дежурила одна из пенсионерок, от которых никак не могла избавиться Татьяна Георгиевна. На пятом дежурил опытный и грамотный врач, но он был в операционной главного корпуса.

И Анастасия Евгеньевна Разова прооперировала женщину. Трижды перекрестившаяся про себя пенсионерка ей проассистировала. После основного этапа – извлечения – начав давать ей умные советы. За что была изгнана из операционной. Нет, не Настенькой. Анестезиологом. Настя послойно ушла всё с операционной сестрой. Некоторое время женщину подержали на ИВЛ, но показатели были стабильными, экламптического статуса ничто не предвещало. И женщину, уложенную в ОРИТ, сняли с ИВЛ.

– Как вас зовут? – спросил анестезиолог после извлечения трубки.

– Сабина... – слабо прохрипела она.

– Сабина, как ваша фамилия?! У вас при себе не было документов! – чётко проговорил анестезиолог.

– Где... Где Сабина?! – продолжала хрипеть женщина, кардиомониторы начали попискивать, привлекая внимание к учащению сердечного ритма и повышению кровяного давления.

– Не волнуйтесь, Сабина. Сабина, вы в родильном доме! Вам сделали кесарево!

– Сабина! Моя! Дочь! – прохрипела женщина, перекрикивая сбесившиеся мониторы.

– Ваша дочь прекрасно себя чувствует. Он в детском отделении.

– Моя! Старшая! Дочь! – страшно просипела женщина и начала биться в кровати, пытаясь не то выгнуться, не то встать и бежать.

– Вырубай её, идиот! – командно заорала Настёна.

Дежурный анестезиолог моментально подчинился и вырубил женщину «по вене». Затем вопросительно посмотрел на Тыдыбыра. Ничуть не обидевшись ни на «идиота», ни на командный тон.

– Как предварительно догадывается Штирлиц, – сказала Настя, – истошно вопившая в Макдональдсе девочка – и есть старшая дочь Сабина этой пока безымянной тётеньки. В общем, смотрите тут за ней. Я пошла.

– Куда?

– На поиски.

– Кого?

– Сабины, разумеется, – и выражение её лица дало понять вопрошавшему, что слово «идиот» она в этот раз просто опустила – как потенциально обидное.

Настя разыскала телефон забегаловки. Менеджер не знала, где Сабина. Каких-то детишек тут же разобрали родители. Иных пришлось успокаивать. В панике и сумбуре никто не обратил внимание на саму, собственно, виновницу торжества. Папу и бабушку Сабинины увёз полицейский «бобик».

Ещё полчаса Настя разыскивала координаты наряда. Но и там, куда оттарабанили папу и бабушку Сабинины, о самой девочке ничего не знали. Зато они щедро поделились с Настей информацией о том, что папа и мама Сабинины в разводе. Что папа отсудил Сабину у мамы. И сразу после этого поселил у бабушки. И что они пока посадили папашу и бабульку в «обезьянник», но сюда, к ним, уже мчится папашкин адвокат. И что если Настя хочет изучить наиболее полный словарь самых страшных, грязных и немыслимых ругательств и оскорблений в адрес женщины – то она может подъехать, послушать. Даже у них, у ментов, волосы дыбом. То есть у... У полицейских, да. А где сама девочка – они не знают.

А тем временем, пока молодой врач Настенька Разова спасала беременную маму, старшая мама дочь бежала по холодным улицам города в одном нарядном платье и заливалась слезами. Её поймал мужчина лет тридцати. Но она стала вырываться и кричать:

– Ты педофил! Бабуля говорит, что все мужчины – педофилы! И ещё... Ещё!... – захлёбывалась девочками. – Бабуля и папуля били мамочку! Ногами по животу и по голове! Отпусти меня!

Мужчина, не выпуская терзавшую его слабыми кулачками девочку из рук, беспомощно оглядывался вокруг. Но спешившие по своим делам прохожие лишь ускоряли шаг, ещё внимательнее начиная изучать кашу из грязного снега у себя под ногами. Полиции тоже не наблюдалось.

– Эй, кто-нибудь! – крикнул мужчина. – Люди! Обратите внимание!

– Господи, что случилось! – к нему подошла молодая женщина.

Девочка продолжала плакать и вырываться у него из рук. Молодая женщина сняла со своей шеи длинный вязаный шарф и, укутав в него девочку, приняла её в свои руки.

– А ты – подружка этого педофила? – немного успокоившись и решив не колотить женщину, даже, можно

сказать, дружелюбно спросила у неё девочка.

– Нет, я учительница. Как тебя зовут?

– Сабина, – ответила девочка, которую уже начинала бить крупная дрожь.

– Тебе лет пять?

– Шесть! Сегодня исполнилось. Я со своего дня рождения бегу! – даже немного гордо произнесла Сабина.

– Что же произошло на твоём дне рождения, что ты с него бежишь?

– Мамочка пришла на мой день рождения, а папочка и бабуля стали её бить, кричать ей всякие гадости, и... И на мамочку упала какая-то толстая тётенька. Папочку и бабулю увезли полицейские. А упавшая на мамочку толстая тётенька, которую папочка ударил ногой по голове, увезла её на «Скорой». Наверное, потому, что у мамочки в животике ребёнок от Славы, а ребёнкам в животиках вредно, когда их бьют ногами.

– Ничего не поняла, – вздохнула женщина.

– Как раз всё предельно ясно, – вздохнул молодой мужчина, снимая с себя куртку и заворачивая в неё Сабину. – Я адвокат, специализирующийся по вопросам семейного права. Сейчас дети слишком часто становятся предметом дележа. Идёмте искать полицейского. Или ближайшее отделение.

Как раз в тот момент, когда Настя Разова зашла

в тупик и не знала, что ещё предпринять для розысков, маленькая Сабина уже сидела в кабинете добродушного начальника отделения полиции. И пила чай с конфетами. А он, подперев голову мощной лапой, не знал, как ему поступить со всем этим. Кроме «папочки», «бабули» и «мамочки» у неё в этом городе никого не было. «Папочке» и «бабуле» добродушному менту не хотелось отдавать Сабину. Дело в том, что его собственная дочь не так давно развелась, и бывший муж взялся отсуживать у неё сына. Внука. И хотя мент даже... Ну да ладно. Не об этом. А Сабина «мамочка», если выудить важную информацию из рассказов девочки, была вовсе не москвичка, за неведомым Славой замужем не была, «потому что они сказали, что поженятся, когда ребёночек родится, и папочка, к тому же, мамочке какие-то важные документы не отдаёт». Выяснить, какая «Скорая» и куда отвезла беременную бабу из гамбургероного заведения, ни малейшего труда не составило. Сегодня такая в столице была, тьфу-тьфу-тьфу, пока одна. Если верить оперативным сводкам.

В общем, из пункта А в пункт В... И когда пригорюнившийся Тыдыбыр подпирал щёки, глядя то в поисковик на мониторе, то на трубку телефона, в приёмную вошёл добродушный толстый начальник отделения с маленькой Сабинкой за ручку. На Сабину был на-

кинут его форменный китель, и она крепко держала его за руку, горделиво задрав подбородок.

– Сюда её маму сегодня привезли. Рожать, наверное...

Акушерка подскочила и побежала за Тыдыбыром. Она даже забыла, что есть внутренний телефон. От радости. Или от страха. Химии радости и страха подобны.

Через пятнадцать минут анестезиолог «включил» маму Сабины, взяв с девчонки честное слово не плакать и на маму с объятиями не кидаться.

– Сабина, доченька, – тихо сказала женщина, открыв глаза.

– Мамочка, любимая! Я больше не хочу к бабуле! Не отдавай меня, пожалуйста. Я знаю, что у вас со Славой уже новая дочка, но не отдавай меня!

– Господи боже мой! – снова захрипела женщина. И радости в этом стоне-хрипе уже не было. А только бессилие что-либо предпринять. – Не отдам! – решительно сказала она.

– Ты и раньше так говорила, а они... Они ругаются. Бабуля меня никуда не пускает гулять. Ты после суда говорила, что будешь видеться со мной, что суд разрешил...

– Они прячут тебя от меня, не дают! Я...

– Я сейчас маму усыплю! – строго сказал анесте-

зиолог, сглатывая комок, застрявший в горле.

«Папочку» и «бабулю» выпустили. И уже через полчаса они были под родильным домом. Куда их, разумеется, не пустили. Акушерка и охранник слышали много нового не только о несчастной беременной, которую Тыдыбыр спас от экламптического статуса, но и о себе лично. Разумеется, они вызвали полицию. «Папочка» и «бабуля» слиняли до появления наряда, пообещав самые страшные расправы не только над бывшей женой и невесткой, но и над акушеркой приёмного и охранником роддома лично.

Сабина так и сидела в палате ОРИТ, держа маму за руку. А вечером и Слава появился. Он только прилетел из командировки – и сразу же, из аэропорта, приёсся в роддом. Вместе с Сабиной они пошли посмотреть на новорождённую девочку. Сабине она очень понравилась. А мамочка не захотела пока смотреть на свою новую доченьку. Она лежала в палате ОРИТ и смотрела в потолок. А по лицу её беззвучно, непрерывным потоком струились слёзы. Слава понравился персоналу родильного дома. Хороший мужик. Любит свою бестолковую бабу. И детей любит. И новорождённую. И Сабину, у которой страшный мусор в голове и огромная любовь к маме в душе. И даже к папе. И даже к бабушке. Огромная любовь ко всем тем взрослым, которые сделали её жизнь невыносимой.

– Хочешь, я покажу тебе, как правильно ухаживать за сестричкой? – спросил Ельский.

– А ты детским врачом работаешь, потому что ты педофил? – доверительно спросила у него Сабина.

– Я – неонатолог, – невозмутимо ответил Ельский.

– А это ещё что за извращенец?! – явно с бабулиными интонациями уточнила Сабина, уткнув ручки в бочки.

– Это такой извращенец, который ненавидит взрослых, – совершенно серьёзно (впрочем, как обычно) объяснил Ельский.

– Я тоже ненавижу взрослых. Значит, и я неонатолог. Но если я их не только ненавижу, но и люблю, то тогда кто я ещё?

– Слушай, я тебе только собирался показать, как младшей сестричке правильно попу мыть и памперс менять! Всё!

– Ты прямо своими руками будешь ей попу мыть? – с ужасом спросила Сабина. – Прямо вот своими мужскими руками? Ты же ей даже не папа!

Владимир Сергеевич внимательно посмотрел девочке прямо в глаза. Хорошие, чистые, ясные детские глаза. Жадно впитывающие всё безо всякого фильтра, безо всякого разделения...

– Не я буду мыть. Детская медсестра будет мыть. Женскими.

Анастасия Евгеньевна Разова не то что про Инстаграм за истекшие сутки не вспомнила, она даже забыла позвонить маме с папой. Сегодня же было не её дежурство. У неё же сегодня вроде как был выходной. «Деточка, у тебя всё в порядке?» – получила она в полночь сообщение от мамы. И расплакалась. Не могла понять, почему. От счастья, что у неё родители всю жизнь вместе и любят друг друга? Или от усталости. От внезапно *взрослой* усталости. Не такой, от которой хочется спать или залечь в горячую ванну. А от такой усталости, отдыха от которой нет. Настя Разова стояла в палате ОРИТ. На функциональной кровати в тяжёлом медикаментозном дурмане покоилась бессознательная женщина, потому что сном её состояние трудно было назвать. В кресле прикорнул уставший от командировок и треволнений Слава. Сабину час назад забрали органы опеки. За столом дремала анестезистка, положив голову на руки. А Настя Разова стояла и плакала, внезапно поняв, что её слишком затянувшееся детство закончилось. Закончилось раз и навсегда. Она ответила маме, что в роддоме. Отключила айфон. Умылась прохладной водой. И пошла на первый этаж, в наблюдационный родзал. Было тихо. Женщин в родах не было. Персонал лежал по койкам предродовых. Настя села за стол. И устала в стену. Минут через пять вышла старшая акушерка

смены Вера Антоновна, натягивая на пижаму халат. И, ничего не говоря Тыдыбыру, зашла в манипуляционную. Было слышно, как забурлил электрический чайник. Через минуту Вера Антоновна вышла, держа в руках чашку горячего кофе:

– Кофе, Анастасия Евгеньевна, – сказала она, поставив перед ней чашку. – И не пяльтесь полночи в стену. Это не помогает.

После чего вернулась в предродовую, сняла халат, легла на койку, шумно вздохнула, устраивая поудобней свою боль в пояснице.

Кадр тридцать седьмой «В ожидании малыша»

– В подъездеивании! – хохотнула Марго.

– Что? – не сразу сообразила Татьяна Георгиевна.

Поздним вечером подруги сидели в кабинете заведующей. Маргарите Андреевне отказали в туристической визе США, и она была в ярости. Потому что она совершенно по-честному собиралась приехать-посмотреть. «Нахуй мне упала та ваша Америка?! Я посмотреть хотела! Но теперь я точно замуж выйду, хоть он окажется мудака, каких мало! Мало я, что ли, отечественных мудаков терпела? Святогорский говорит, что любой их мудака по сравнению с нашим, что котёнок с бычарой! Так что, дорогие США, получите новую гражданку, раз приличной женщине туристическую визу не дали!» – орала Марго. Кстати, да. Погорячился госдеп штатовский. Могли бы отделаться туристом, а так... Если Маргарита Андреевна чего решила, то непременно добьётся. И чем больше препятствий на пути – тем достоверней обеспечение результата. Отбушевавшаяся Марго вяло перебирала стопку книг на столе у Мальцевой. А Татьяна Георгиевна думала, что, пожалуй, пора посвятить подругу.

Не то не забудет, не простит, проклянет и на похороны в США не позовет. Сейчас ещё можно отговориться тем, что сама Маргарита Андреевна была слишком занята.

– Книжица тут у тебя забавная валяется. «В ожидании малыша». Вот я и говорю: «В подъевреивании. «Пое-е-едем красно-о-отка ката-а-а-аться – давно я тебя-а под... евреивал!» – пропела Маргарита Андреевна, предварительно нарочито прочистив горло. – Что, в детстве не пела такую песню?

– Нет. Я в детстве не пела такую песню. Я любила романс про титулярного советника. «Он бы титулярный советник. Она – генеральская дочь! Он скромно в любви объяснился – она прогнала его прочь!» – густо продекламировала Мальцева. – Но моя мама терпеть не могла этот романс. Уж не знаю, по каким таким причинам. Мама называла этот романс убогим. Поэтому я распевала его, когда мамы не было дома. Вероятно, это было очень забавно. Мне было лет двенадцать, а я во всю глотку горлопанила про титулярного советника, который «пьянствовал целую ночь». И в не помню каком тумане не то бродила, не то что-то другое делала... «Вставала пред ним»? В общем, та самая генеральская дочь.

– Печальная история.

– Нормальная история. О мезальянсе.

– Это когда верхи не могут, а низы не хотят?

– Нет, мезальянс – это когда он титулярный советник, а она – генеральская дочь.

– Ага, – Маргарита Андреевна кинула на подругу острый, пронзительный и где-то даже осуждающий взгляд. – Или когда она – заведующая отделением, а он – интерн.

– Нет. Когда ей – за сраку лет, а ему – едва исполнилось двадцать шесть – это, Марго, не мезальянс. Это глупость. И всё, закрыли тему. Мне и так стоило колоссальных усилий отправить этого мальчика в отставку и перевести его в другое отделение.

– Всё равно он остался на нашей клинической базе и каждую пятиминутку смотрит на тебя, как... Кстати, он понял, что ты его прогнала? Наверное, уже понял. Потому что смотрит как тот самый титулярный советник на ту самую генеральскую дочь, которая прогнала его прочь. Кстати, кто такой этот титулярный советник? Звучит солидно. Чего это она его прогнала?

– Мелкая сошка в табели о рангах.

– Понятно. Но ты уводишь меня от темы.

– От какой? Тебя и уводить не надо. Ты сама скачешь с пятого на десятое.

– С темы ожидания малыша.

– Маргарита Андреевна, ты откуда эту дребедень вытащила?

– Вот, из стопки у тебя на столе.

– Ты видишь, сколько в этой стопке бумажного хлама? Фирмачи, представители и полусектанты таскают. У меня там даже журнал «Квартирный ребёнок» есть. И что, из этого ты тоже сделаешь какие-то далеко идущие выводы?

– Тань, – старшая акушерка наблюдательного отделения и старая подруга Мальцевой внезапно стала серьёзной. В том смысле, что заговорила обыкновенным человеческим голосом, не забыв прикрутить децибелы до минимума.

– Господи, что ещё?! – испугалась Татьяна Георгиевна, потому что точно знала, о чём сейчас пойдёт речь. И хотя она сама хотела сообщить Маргарите Андреевне эту новость, но теперь, когда та догадалась, – Татьяна Георгиевна отчего-то испугалась.

– Танька, ты беременна, – констатировала Марго.

– С чего вдруг?

– Я акушерка, между прочим. Высококласная акушерка. И твоя старая подруга. Тут никому не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что ты – беременна. Ты ограничила кофе до двух крохотных чашечек – утром и вечером, да и тот кофе скорее похож на подкрашенную воду. Ты выкуриваешь две сигареты под те самые крохотные чашечки слабенького кофе. По утрам тебя мутит, хотя ты это тщательно

скрываешь за слишком уж удлинившимся утренним душем. И прекрати надраивать служебный унитаз – для этого есть санитарки, и я слишком сомневаюсь, что ты ублёвываешь его до ужаса. Твои глаза приобрели лихорадочный блеск, который кто-нибудь менее опытный посчитал бы за признак переутомлённости. Кто-нибудь, но не я. И ты совсем не прикасаешься к спиртному.

– Марго, я тебя прошу... – начала Мальцева, но подруга перебила её, подскочив со стула и крепко обняв.

– Танька, я так счастлива! Так счастлива!

– Зато я, кажется, не очень...

Татьяна Георгиевна разрыдалась.

– Ну вот, ещё и психоэмоциональная нестабильность! Да от тебя за версту прёт прогестероном, и немедленно прекрати рыдать! Это вредно для малыша!

Маргарита Андреевна подошла к двери и повернула замок.

– Марго, для какого, в жопу, малыша! Для эмбриона! К сожалению, остановку под названием «Масса делящихся клеток» я уже проехала.

– Ой, Тань! Если бы ты собиралась сделать аборт, ты бы не прекратила пить как лошадь, дымить как паровоз...

– И одеваться, как её мать! – хихикнула Мальцева.

– Ну вот, теперь она уже ржёт, – удовлетворённо констатировала Маргарита Андреевна.

– Это из «Бриджит Джонс». «Пьёт как лошадь, дымит как паровоз и одевается, как её мать». Жутко смешно! Хотя в оригинале она пьёт, как рыба.

– Я знаю, откуда это. А вот то, что ты стала смотреть романтические комедии – лишний раз подтверждает, что...

– Да нечего подтверждать. Я знаю, что беременная, раз я знаю, что время мини-аборта категорически упущено, – Мальцева глубоко вздохнула. – Странно, что заметила только ты.

– Другие от тебя шарахаются, как от гангрены. Ты же стала такой начальницей, что пиздец котёнку!

– Даже Панин не замечает.

– У Панина любовь, и оставь его в покое. Не будь собакой на сене.

– Да нет, я даже рада за него... – Мальцева глубоко вздохнула.

– Вяленько ты как-то за него радуешься, – скептически заметила Маргарита Андреевна. – Признайся, тебе было в кайф, что он всю жизнь при тебе, как верный доберман.

– В кайф, разумеется. Кому не в кайф верные доберманы? Только они нервные очень, эти доберманы.

На них времени много надо тратить. Я бы предпочла верного ротвейлера. Или верную немецкую овчарку. Или верного сенбернара. Или верного ретривера. Или верного ирландского терьера.

– Тебя заклинило? Танька, ты все породы собралась перечислять?

– Спокойные породы.

– Я бы поспорила про «спокойные» породы. Мой, зараза, на старости лет стал таким дёрганым, что ой! Все уговаривают усыпить, потому как он слепнет, глухнет, а я... Я не могу. Я прихожу с работы, он встаёт с подстилки, шатаясь, и всё равно плетётся мне навстречу. Я на корточки присаживаюсь – он мне лицо лижет. Слюны уже почти нет, дыхание горячее, зловонное, но это такая нежность... – Марго всхлипнула и несколько секунд помолчала, справляясь со спазмом. – Самую дорогую «Роял Канину» ему покупаю. Крохотные пакетики по столынику. Для послеоперационных собак. С ладони кормлю. Никто, Танька! Никто и никогда не любит сильнее, чем собака. Всю его жизнь он только и делал, что ждал меня с работы. И ни единой жалобы, никакого: «Где ты шлялась?!», «Куда тебя на ночь глядя несёт?!» Всегда ждёт, всегда лицо лижет. Даже если я ему миску с водой, сука, забывала оставить! Светка, тьфу-тьфу-тьфу, сейчас, когда наш древний пёс умирает, на человека ста-

ла похожа. Я всё боюсь, что он без меня умрёт. Ему же наверняка страшно будет умирать в одиночестве. Это так несправедливо – умирать в одиночестве... Я даже рада, что мне грёбаное посольство визу сейчас не дало. – Маргарита Андреевна украдкой слизнула предательски покотившиеся из глаз слёзы. – Так, всё, в ближайшие выходные начешу его, накормлю его любимой бужениной от пуза, в миску блатной минералки без газа налью, и ветеринара вызову. Пусть умрёт у меня на руках, счастливый. Я его буду гладить, и он просто уснёт. Ведь так? Я спрашивала и читала – сейчас у них усыпление двухэтапное, не такое жестокое, как раньше. Я его буду чесать за ушком – и он просто уснёт, да?

Татьяна Георгиевна с глубоким сочувствием смотрела на подругу. Пёс Маргариты Андреевны был огромной частью её жизни, она приобрела его, когда Светка была совсем ещё крохой, и для Маргоши эта старая собака была не просто собакой, а членом семьи, близким существом. Мальцева подошла к старшей акушерке и крепко обняла её.

– Да, родная. Он просто уснёт, – прошептала она.

– Всё! – Марго шумно вдохнула воздух носом. – Раз, два, три, Маргарита Андреевна – не дури! Ремонт, наконец, сделаю! И вообще, забодалась уже поносные лужи подтирать, падая с ног после суточных марафо-

нов, – она решительно освободилась из объятий подруги. – Да и мужик этот, из Колорадо, собирается прилететь. Раз мне не... А в хате псиной так прёт, что с ног сшибает.

– Ну да, цинизм – единственно оружие незащищённых, – мягко улыбнулась Мальцева.

– Кто бы говорил! – усмехнулась Маргарита Андреевна.

– Довлатов говорил. Я его не очень люблю, но...

– Так! – решительно перебила её старая подруга. – А теперь главный вопрос: кто отец?

– Интерн. Сёма меня последний раз в Питере любил, когда мы с ним на конференцию ездили. С Волковым – и того раньше было, да и с Волковым я предохранялась.

– А с Паниным не предохранялась?

– С Паниным иногда было «как получится».

– Акушеры-гинекологи, блять! – саркастично прокомментировала Маргарита Андреевна.

– Ну, он ко мне с чемоданами явился, очередное предложение со стопроцентной гарантией делал – кстати, так до сих пор и не забрал. Ни чемодан, ни предложение. Смешно...

– Ну, тряпок у Сёмы много, наверное, не меньше, чем у тебя.

– Ага. И чемоданов. И пиздеть – не мешки ворочать.

– Господи, да ты же сама всю жизнь отказывалась!
Мальцева немного помолчала.

– Знаю. Всё равно как-то обидно, что он меня вот так... прокинул! И вообще, я беременная, могу сама себе противоречить!

– Собака на сене! – предупредительно подняла указательный палец вверх Маргарита Андреевна.

– Ладно, ладно... – улыбнулась Татьяна Георгиевна. – У меня от Сёмы три штуки «обручальных» колец осталось, а также цацок и мехов немерено, и в основном добрые воспоминания. Пусть идёт с миром. Надо ему как-то чемоданы вернуть. Ему или Варе?

– Да бог с ней, с блаженной Варварой Андреевной! Её остаётся только пожалеть. Останется одна на старости лет, попомни моё слово! «Молодухе нашей» на Сёминых детей и внуков посрать будет, в отличие от тебя. Она его быстро на себе женит. У неё муж, как выясняется, такой, «галочный», она от него избавиться – спит и видит.

– Да мне, в общем-то, тоже было – цитируя тебя – посрать на его детей и внуку, всё-таки «внуками» он ещё не обзавёлся.

– Тебе было не... Ну, ты поняла! Не посрать, что они есть в его жизни. А терапевтической начмешде...

– Да-да, рефлексий у неё куда меньше моих.

– И единственной на всю жизнь любви к надгробию

и портретам нет, в отличие от тебя! – Не дав Мальцевой слова вставить или времени на разозлиться, Маргарита Андреевна продолжила без паузы и скороговоркой: – Короче, учитывая график вашего с интерном посещения конюшни, другого кандидата в папеньки не предвидится.

– Ну и слава богу, что это так! А то два таких пенсионера, как Панин или Волков, помноженные на мои тоже уже достоверно седеющие хромосомы – то ещё создание могло получиться. Несмотря на все эти модные веяния и прочую толерантность, я не горю желанием воспитывать «солнечного ребёнка». Одно дело умирать в одиночестве – это, вполне вероятно, не только очень трудно, но и страшно скучно, но совсем другое – умирать в том же самом, фактически, одиночестве, зная, что ты оставил неприспособленное к жизни существо на произвол судьбы. А у Денисова гены молодые, крепкие, здоровые и всё такое.

– А ты ему...

– Даже не говори об этом вслух! Нигде! Никогда! Вот здесь – и всё, тема умерла!

– Слушай, но всё равно же все твои мужики заколотятся.

– Да всем всё равно!

– Я не знала, что энцефалопатия беременных начинается так рано, – Маргарита Андреевна так посмотрела.

рела на подругу, что никаких сомнений быть не могло: она искренне считает ту идиоткой. – Они же у тебя не вокзальные бомжи, не алкаши-наркоманы и прочий антисоциальный элемент. Все дядьки как на подбор. Так что, уж поверь, как только твоё состояние станет заметным – все трое засуетятся.

– У Волкова не будет возможности заметить.

– Ха! Если бы он считал, что ты всерьёз и навсегда с ним горшки побила, он бы забрал кольцо и подарки. А он – не забрал! И что он тебе сказал, напомни? – ядовито приказала Марго.

– Сказал: «Билет с открытой датой», – вздохнула Мальцева. – И, увы, – он регулярно названивает.

– И что?

– И я регулярно не отвечаю. В любом случае, если он узнает, что я беременна – я ему скажу, что не от него – и все проблемы будут сняты. Панин сейчас по уши влюблён, «О, как на склоне наших дней...», и всё такое. Он, разумеется, заметит. И, конечно же, будет допрашивать с пристрастием, но ему я скажу, что это...

– Непорочное зачатие! – ехидно вставила Марго.

– ...что это вообще от... Скажу, что ЭКО. От донорской спермы. И он перекрестится и трижды сплюнет через левое плечо. – Мальцева обрадовалась, как девчонка, которой подарили желанную, дорогую,

прежде доступную лишь в мечтах игрушку. – Вот! Прекрасная идея! Я сбрендила от одиночества и воспользовалась услугами репродуктивных технологий. Всем так и буду говорить. Всем, кто осмелится спросить.

– Да-да... Так все, кто осмелится, – и поверят! – саркастически резюмировала Марго.

– Херня это всё. Далеко не самый важный вопрос. Вот что действительно важно: что я буду делать, когда ребёнок...

– О, ребёнок?! – хохотнула Марго.

– Малыш, блядь! – прошипела Мальцева. – Когда он родится – будет ребёнок. Не буду же я говорить хотя бы с подругой: «Когда плод родится». Это попахивает поздняком. А я, знаешь ли, намереваюсь, тьфу-тьфу-тьфу, безоблачно доносить и пристойно родить здорового...

– Ре! – вставила Марго и заржала.

Мальцева не удержалась – уж слишком заразительным был хохот подруги. Минуты через две, когда они, наконец, смогли остановиться, Татьяна Георгиевна, вытирая выступившие от смеха слёзы и всё ещё улыбаясь во всю пасть, сказала:

– Ре, ага! И что делать с до и ми, а также прочими фа-соль-ля-си?! С «пописами», «покаками», «сисями» и прочей суетой?! Я же заведующая отделением! И, мало того, – тебе одной и по большому секре-

ту...

– Да ну! Ещё какие-то секреты есть?! – ноздри Марго хищно затрепетали.

Несмотря на чрезмерное любопытство, Маргарита Андреевна Шрамко отлично умела хранить тайны. Татьяне Георгиевне это было известно – стаж их дружбы шёл уже не на годы, а на десятилетия.

– Маргарита Андреевна, Панин в следующем году уйдёт в министерство. Замом по материнству и детству.

Старшая акушерка обсервации аж присвистнула от неожиданности.

– Ёксель-моксель!

– Не свисти! Деньги мне нужны, как никогда.

– Ни фига себе! Панин станет важной птицей!

– Марго, он никогда и не был *неважной* птицей. Но, догадайся, кто станет начмедом по акушерству и гинекологии в нашей больничке?

– Неужто...

– Да. Я. Таковы выставленные Паниным условия. Никого со стороны. Только Мальцеву Татьяну Георгиевну, которая тут знает каждую мелочь и будет продолжать холить и лелеять его любимое детище. И моё, между прочим, Марго. И твоё тоже, разумеется. Наше. И я не смогу отказать. Я люблю этот долбаный родильный дом, как любит старый пёс своё место. Но

и этого...

– Малыша. Ре. Пузожителя! – снова не удержалась Марго, усилием воли подавив рвущийся наружу очередной приступ хохота.

– Да. Тоже – хочу! Дилемма. Как быть мамочкой, став начмедом здоровенной акушерско-гинекологической службы, входящей в состав огромной многопрофильной больницы?

– Нанимаешь детскую медсестру поприличней, и...

– Да. И няню. И ещё чёрт знает кого. И своё дитя я буду видеть исключительно посредством веб-камеры. Какая замечательная перспектива!

Подруги недолго помолчали.

– А может быть, ещё не поздно сделать...

– Даже не вздумай! Прокляну! Панину скажу, что ты беременна от него – и у него крышак поедет, несмотря на новый роман.

– Ладно, ладно... – улыбнулась Мальцева. – Я и сама не хочу. Только, Марго...

– Что?

– Дай мне слово...

– Да никому я не скажу!

– Я знаю, Маргоша, знаю. Я не об этом. Дай мне слово, что не будешь мне заботливой нянюшкой и мамушкой все оставшиеся лунные месяцы.

– Нашла дулу! – хмыкнула Марго. – Делать мне

больше нечего. Ты – девочка взрослая, половозрелая. Про беременность и роды кое-чего знаешь, так что – не ссы, нахрен мне забота о тебе не упала!

– Спасибо, Маргарита Андреевна.

– Да на здоровье!.. У меня в холодильнике свежий творог стоит. Псу покупаю и Светке, корове! Я тебе в обед миску на стол поставлю – только попробуй не сожрать!

– Ну, началось!.. – Татьяна Георгиевна обессилено откинулась в кресле.

В дверь настойчиво затарабанили.

– Ну, началось!.. – возмущённо подхватила Маргарита Андреевна и мухой поскакала открывать дверь.

– Татьяна Георгиевна, вас Поцелуева срочно зовёт на пятый этаж! – выпалила запыхавшаяся молодая санитарочка физиологического родильно-операционного блока.

– А телефон что, не работает? – строго спросила Марго, уставившись на девчонку холодным и пронзительным взглядом.

– Так Оксананатольна в операционной!

– А ты телефоном пользоваться не умеешь, да?

– Маргаритандревна, я новенькая, я не нашла список телефонов и решила прибежать, так быстрее! – извиняющимся тоном проямлила девица.

Марго даже не отдала себе отчёт в том, что стре-

нительно вынесшаяся из кабинета Мальцева выставила и её, и санитарку за двери. Старшая акушерка просто автоматически посторонилась, давая путь заведующей, подтянув за рукав пижамы санитарку, эдаким безотчётным, отработанным движением, самой исчерпывающей характеристикой которого является термин лошадиников: «Прими!» Слишком привычным в картине мира Маргариты Андреевны это было: стремительно выносящаяся из кабинета Мальцева.

Последующие минут сорок Маргарита Андреевна пыталась впихнуть в свою картину мира беременную Мальцеву, родившую Мальцеву. Мальцеву, так сказать, мать. Но... Но через сорок минут Маргариту Андреевну срочно позвали в родзал, и слава богу! Иначе бы её мозг разогрелся до температуры денатурации белка и свернулся бы к чёрту лысому. А кому нужна безмозглая акушерка? Особенно – безмозглая старшая акушерка отделения.

Не так уж и много времени спустя замминистра здравоохранения по материнству и детству Семён Ильич Панин прооперировал начмеда крупной многопрофильной больницы по акушерству и гинекологии Татьяну Георгиевну Мальцеву. А чьим ещё рукам она могла безоговорочно довериться? Пуповина плода Татьяны Георгиевны была опасно короткой, и в роды её никто не пустил. Она сама, в первую очередь.

Так что с началом родовой деятельности она позволила Панину, и...

И через час после прошедшей без осложнений операции Семён Ильич стоял в боксе детского отделения и задумчиво взирает на новорождённую девочку. Он всегда хотел девочку. Но Варвара рожала ему мальчиков. У него было трое сыновей и не было дочери. А Мальцева, сука, забеременела от этого мальчишки – и вот, пожалуйста! Нет, ну, он не знал наверняка, что от мальчишки. Но ему, Панину, отрезали: «Не от тебя!» Да и по срокам не выходило – что от него. Ну не сорок три недели же она носила... Хотя признаки переноса были. «Руки прачки»... На истинно переносенную ни состояние плаценты, ни состояние новорождённой, конечно же, не тянет. Но есть же ещё беременность пролонгированная! И та может длиться аж хоть и сорок пять недель! Исследования ВОЗ говорят, что чуть не десять процентов от общего количества беременностей – пролонгированные. И встречается пролонгированная беременность в основном у женщин старше тридцати пяти. Танька куда как старше!

Панин пошёл в лабораторию, благо была ночь. Немного потоптался... Затем решительно набрал у себя из вены кровь, так яростно затянув зубами жгут над локтевым сгибом, что получил резинкой по мор-

де. Разыскал пробирки с пуповинной кровью младенца Мальцевой. Ещё немного потоптался. И занялся делом.

Панин зашёл к Мальцевой в палату. Удивительно, как эта гадина потрясаяще выглядела! Как будто не полостную операцию перенесла, а... А у неё всегда так: чем хуже, тем лучше. Глубоко залёгшие тени, некоторая измождённость и очевидная слабость делали её прекрасной.

Панин сел рядом с кроватью. Взял её руку и нежно поцеловал.

– Ты как?

– Всё нормально, Сёма...

– Таня, я тебя люблю.

– Я знаю...

– Прекрасная малышка...

– Я в курсе, Ельский сказал, что она, тьфу-тьфу-тьфу, здорова. Он мне её приносил.

– Нет, это самая прекрасная новорождённая малышка из всех, которых я принял. Я когда смотрю на неё... У меня лактация начинается. Всё-таки внуки – это внуки. Когда я смотрю на Алёшкину дочь, меня не так штормит. Внуки – есть внуки, – повторил Панин и пристально посмотрел на Мальцеву. – А дети – есть дети... У нас прекрасная малышка, – отчеканил он.

Татьяна Георгиевна посмотрела на него с недоуме-

нием.

– Есть такая штука, – немного ёрнически начал он, – ПЦР-анализатор. Ну, ты в курсе... С её помощью можно с вероятностью девяносто девять и девять десятых процента сказать, кто является отцом. Так что поздравляю нас, моя дорогая. Теперь мы мама и папа. Я даже рад, что только что узнал. Тебя бы я никому не доверил, но я не мог бы быть по обыкновению хладнокровен, зная, что извлекаю на свет божий собственную дочь. И, будь добра, не лишай её отцовской фамилии, отцовского отчества и, собственно, отца, дрянь ты эдакая! Иначе я тебя всего на свете лишу!

Последнее было сказано твёрдо и жестоко. Затем Панин наклонился к онемевшей Мальцевой, нежно поцеловал в слегка отдающие синевой пересохшие губы и вышел из палаты.

...

